

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Юго-западный государственный университет
(Курск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Главное управление юстиции Гомельского областного исполнительного комитета

Прокуратура Гомельской области

Управление Следственного Комитета
Республики Беларусь по Гомельской области

Приоритетные направления развития правовой системы общества

Материалы
IX Международной научно-практической конференции

(Гомель, 12–13 мая 2022 года)

В двух частях

Часть 1

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2022

УДК 342.22:34.04:321.02

Приоритетные направления развития правовой системы общества :
материалы IX Международной научно-практической конференции (Гомель,
12–13 мая 2022 года) : в 2 ч. Ч. 1 / редкол. : И. И. Эсмантович (гл. ред.) [и др.] ;
Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – 207 с.
ISBN 978-985-577-775-6 (Ч. 1)
ISBN 978-985-577-977-4

В первую часть сборника вошли материалы выступлений участников IX Международной научно-практической конференции «Приоритетные направления развития правовой системы общества», раскрывающие тенденции взаимодействия национальных правовых систем государств-членов СНГ и мирового сообщества, интеграции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в белорусское законодательство, вопросы привлечения к уголовной ответственности в свете реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, современное состояние криминологической науки в условиях цифровой трансформации, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, актуальные проблемы и перспективы гражданского, хозяйственного и семейного права.

Издание адресовано преподавателям, докторантам, аспирантам, магистрантам и студентам юридических факультетов, а также практическим работникам правоохранительных органов и государственным служащим.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

И. И. Эсмантович (главный редактор),
В. А. Брилева (заместитель главного редактора),
В. В. Ходькова (ответственный секретарь),
С. Л. Емельянов, А. Э. Набатова, Т. В. Сенькова,
М. Я. Тишкевич, Е. И. Усова

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения
образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-775-6 (Ч. 1)
ISBN 978-985-577-977-4

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2022

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА, ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В БЕЛОРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

УДК 341.244.3

А. Н. Бойко

(Московский РУВД г. Бреста, Брест)

ОБ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО НАБЛЮДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассмотрены проблемы реализации в рамках законодательства Республики Беларусь специального метода расследования «электронное наблюдение», предусмотренного международными соглашениями в сфере борьбы против транснациональной организованной преступности и коррупционными преступлениями. Предложена дефиниция данного метода и возможный способ его имплементации в законодательство Республики Беларусь, что позволит повысить эффективность международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

О применении «электронного наблюдения» как «специального метода расследования» указано в статьях 20 и 50 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года и Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года (далее – Конвенции ООН) соответственно. Согласно указанным конвенциям их стороны (в числе которых Республика Беларусь), в пределах имеющих у них возможностей и в соответствии с основными положениями национальной правовой системы берут на себя обязательство принимать необходимые меры к разрешению вопросов о надлежащем и законном проведении «специальных методов расследования», а также обеспечивает возможность допуска в суде доказательств, собранных с помощью таких методов. К специальным методам расследования, среди прочих, относятся контролируемая поставка, электронное наблюдение и другие формы наблюдения [1, 2].

Разъяснение термина «контролируемая поставка» дано непосредственно в указанных Конвенциях ООН и рассматривается как метод, при использовании которого возможны вывоз, ввоз или транзит незаконных или вызывающих подозрение партий груза по территории одной или нескольких стран с ведома и под контролем их компетентных органов в целях раскрытия какого-либо преступления и установления причастных к нему лиц [1, 2]. По смыслу данный термин соотносится с оперативно-розыскным мероприятием (далее – ОРМ) «контролируемая поставка», указанным в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) [3].

Содержание специального метода расследования «электронное наблюдение и другие формы наблюдения» в Конвенциях не раскрывается. В настоящее время толкование термина «электронное наблюдение» отсутствует в национальном законодательстве. Вопрос о толковании и возможностях (формах) применения специального метода расследования «электронное наблюдение» остается дискуссионным, а потому, в целях его разъяснения, целесообразным будет обратиться к анализу научной и иной литературы.

В руководстве для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней, составленном управлением ООН по наркотикам и преступности, разъясняется, что к электронному наблюдению относится использование «подслушивающих устройств или

перехват сообщений», когда «физическое внедрение или наблюдение сопряжено с неприемлемым риском для расследования и безопасности сотрудников» [4, с. 203].

Б.М. Самохин и В.В. Князев указывают, что под электронным наблюдением понимаются все виды тайного наблюдения за тем или иным лицом с помощью радиоэлектронных устройств и включает в себя: подслушивание телефонных разговоров, разговоров в помещениях и вне их, негласную кино-, видео- и фотосъемку, а также установку в транспортных средствах, вещах и даже на одежде подозреваемого специальных датчиков для облегчения слежки при перемещении объекта [5, с. 63–71]. А.С. Цветкова и Д.В. Вагунин относят к электронному наблюдению деятельность, связанную с применением электронных средств наблюдения и контроля над всеми видами проводной и электронной связи, путем снятия информации с технических каналов связи и прослушивания телефонных и иных переговоров, осуществляемых посредством речи и сообщений и иными способами электрической связи: телексных, факсимильных каналов передачи данных, компьютерных сетей, IP-телефонии, электронных писем [6, с. 191]. Д.Л. Харевич также, помимо перечисленного, причисляет к электронному наблюдению следственное действие «прослушивание и запись переговоров» [7, с. 51].

Обращаясь к законодательным актам иностранных государств, необходимо отметить, что и в них отсутствует однозначная точка зрения на вопрос об электронном наблюдении. К примеру, в ФРГ «электронное наблюдение» является неправовым термином и определено как наблюдение, осуществляемое на расстоянии посредством электронного оборудования или иных технических средств: контроль телекоммуникации; акустический контроль; видеонаблюдение в жилище и вне жилища; установление данных о местоположении, номере и карточке мобильного телефона с использованием технических средств; сбор данных о телекоммуникационном трафике; онлайн-обход; полицейское наблюдение [7, с. 49; 8, с. 40].

Анализируя исследованные научные труды и акты законодательства зарубежных стран, соотнося описанное с возможностями (формами) реализации, при которых не будет нарушена законность, права, свободы и законные интересы граждан, полагаем, что проведение электронного наблюдения в Республике Беларусь в рамках Закона об ОРД осуществимо производством следующих ОРМ: наблюдение с использованием средств негласного получения (фиксации) информации; слуховой контроль; контроль в сетях электросвязи. В рамках уголовно-процессуального законодательства, электронное наблюдение реализуется в ходе следственного действия «прослушивание и запись переговоров». Наблюдение (с использованием средств негласного получения (фиксации) информации), слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи проводятся в рамках дела оперативного учета уполномоченным на то субъектом при наличии соответствующих оснований к их проведению и по постановлению о проведении оперативно-розыскного мероприятия с санкции прокурора или его заместителя, за исключением некоторых случаев, установленных Законом об ОРД [3].

Под средствами, используемыми для негласного получения (фиксации) информации (которые применяются в каждом из перечисленных ОРМ), подразумеваются технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, приспособления, препараты, программные продукты и другие изделия, специально созданные, разработанные, запрограммированные или модернизированные для негласного получения (фиксации) информации [3].

Прослушивание и запись переговоров – это следственное действие, заключающееся в применении соответствующими учреждениями по решению уполномоченного должностного лица технических средств по прослушиванию и записи переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц в целях получения сведений, имеющих значение по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Оно проводится по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя либо по постановлению Председателя Следственного комитета

Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности [9].

Непосредственный интерес для субъектов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью и коррупцией на международном и республиканском уровнях, представляет система глобального позиционирования (Global Positioning System – GPS). Разработанная изначально для военных целей (производство оружия высокой точности), эта система используется в повседневной жизни, так как GPS-модули установлены в большинстве современных мобильных устройств связи. Использование системы GPS как формы реализации электронного наблюдения, связанного с получением информации программного обеспечения, установленного на устройстве и использующего GPS-навигацию, возможно в рамках ОРМ «контроль в сетях электросвязи». Применение GPS-трекеров для получения информации о маршрутах передвижения возможно в рамках ОРМ «наблюдение», когда для его проведения используются средства негласного получения (фиксации) информации и иные средства.

Помимо процессуальных форм реализации электронного наблюдения, можно также вести речь о способах сбора интересующей информации, находящейся в свободном доступе глобальной сети Интернет. Разведка на основе открытых источников (OSINT-технологии) представляет большое количество интересующей правоохранительные органы информации, находящейся в открытом доступе в сети Интернет. На основе анализа данных из социальных сетей возможно только судить о тех или иных обстоятельствах повседневной жизни человека, его увлечениях и интересах, сфере деятельности, устанавливать его местоположение.

Республиканская система мониторинга общественной безопасности, созданная в целях повышения уровня общественной безопасности путем использования современных информационно-коммуникационных технологий и используемая, в частности, для профилактики, выявления (раскрытия) и пресечения преступлений, может быть использована для установления местоположения лица. Программная платформа системы мониторинга (Kipod) предоставляет возможности распознавания лиц по фотографии [10].

Исходя из вышесказанного, возможно предложить следующую дефиницию термина «электронное наблюдение»: совокупность мероприятий, направленных на борьбу с транснациональной организованной преступностью и коррупционными преступлениями, включающая в себя производство комплекса ОРМ, следственных действий и иных мероприятий, связанных с использованием электронных технических средств (в том числе для негласного получения (фиксации) информации), компьютерной техники и направленных на установление местоположения лица, совершаемых этим лицом деяний, получение исходящей от лица устной или письменной информации или данных, содержащихся на используемых таким лицом электронных устройствах информация.

Использование предложенного термина «электронное наблюдение» возможно путем принятия закона, устанавливающего его официальное толкование. Это позволит в полной мере использовать возможности Конвенций ООН и осуществлять эффективное международное сотрудничество в борьбе с преступностью.

Список использованной литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml. – Дата доступа: 10.11.2021 г.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/corruption.shtml>. – Дата доступа: 10.11.2021 г.

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 января 2021 г., № 88-3 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

4. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/events/11thcongress/part1.pdf>. – Дата доступа: 12.11.2021 г.

5. Самохин, Б. М. Зарубежный опыт оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью : науч. обзор / Б. М. Самохин, В. В. Князев. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – 86 с.

6. Цветкова, А. С. Некоторые направления совершенствования правовой регламентации оперативно-розыскных мероприятий / А. С. Цветкова, Д. В. Вагунин // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства : сб. науч. ст.: в 2 ч.: по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию Курск. гос. техн. ун-та, (Курск, 9-11 апр. 2009 г.) / редкол.: Т. К. Рябинина (отв. ред.) [и др.]. – Курск, 2009. – Ч. 2. – С. 189 – 194.

7. Харевич, Д. Л. О толковании термина «электронное наблюдение» в применении к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности / Д. Л. Харевич // Юстыця Беларусі. – 2010. – № 4. – С. 48 – 52.

8. Харевич, Д. Л. О перспективах совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, направленной на борьбу с терроризмом и экстремизмом в сети Интернет / Д. Л. Харевич // Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 ноября 2017 г. : в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – Т. 2. – С. 38 – 42.

9. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г., № 112-3 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

10. Республиканская система мониторинга общественной безопасности [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://panoptes.by/rsmob.html> – Дата доступа: 13.11.2021 г.

УДК 796:34

А. А. Злотников

(Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск)

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ПРАВА

В статье рассмотрены некоторые аспекты развития спортивного права Республики Беларусь в контексте интеграционных процессов в рамках Союзного государства. Проанализирована роль Всемирного антидопингового кодекса в совершенствовании правового противодействия допингу в спорте.

После распада Советского Союза и образования СНГ с 1992 года внутри данной организации, кроме других процессов, активно шёл процесс усиления двухсторонних связей России и Беларуси. В соответствии с Договором об образовании Сообщества Беларуси и России было решено создать политически и экономически интегрированное сообщество в целях объединения материального и интеллектуального потенциала двух государств. Данный Договор предполагает в качестве фундамента функционирования сближение правовых систем.

На сегодняшний день актуализирована необходимость поэтапного перехода от гармонизации законодательства Беларуси и России к построению единой правовой системы Союзного государства. Эта цель заложена в согласованном проекте Концепции сближения законодательства государств-участников Договора о создании Союзного государства. Этот процесс предполагает поэтапное движение. На первом этапе гражданам и субъектам хозяйствования одного государства участника на территории другого государства-участника необходимо обеспечить равенство прав с гражданами и субъектами хозяйствования принимающей стороны («национальный режим»).

Второй этап предполагает широкое и всеобъемлющее сближение законодательства двух стран, в первую очередь в экономической и социальной сферах. Именно на этом этапе актуально модельное законодательство, позволяющее выработать единые правила игры для субъектов хозяйствования и единые социальные стандарты для граждан. Третий этап в идеале предполагает единое правовое поле. Эта цель может быть достигнута, когда будут приняты единые законы, имеющие прямое действие на территории Беларуси и России.

Одобренные в ходе заседания Совета Министров Союзного государства 28 Союзных программ утверждены Высшим государственным Советом Союзного государства носят важнейший характер и предусматривают магистральные направления Союзного строительства. Для реализации данных Союзных программ необходимо разработать и принять несколько сотен актов различного уровня.

Одна из сфер союзного сотрудничества, которая не охвачена Союзными программами, но которая вместе с тем, демонстрирует тесную степень кооперации, взаимопроникновения и интеграции – это сфера спорта, особенно высших достижений. Поэтому особую актуальность имеет изменение законодательства в области физической культуры и спорта.

В целом совершенствование любого законодательства, в том числе и в области спорта вызвано необходимостью: совершенствования существующих норм, с учетом уже сложившейся практики их применения;

приведения в соответствие с законодательными актами, международными договорами Республики Беларусь;

ликвидации пробелов в правовом регулировании, регламентации новых общественных отношений для обеспечения комплексного, системного и полного подхода в той, или иной сфере.

Говоря о регламентации новых общественных отношений, на наш взгляд, особую актуальность приобретает усиление роли и ответственности федераций по видам спорта Республики Беларусь, как организаций, осуществляющих общественное регулирование и управление в сфере физической культуры и спорта. Поскольку в соответствии с частью второй статьи 6 Закона Республики Беларусь «Об общественных объединениях» не допускается [1], за исключением случаев, предусмотренных законодательством, вмешательство государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных объединений, союзов, то особое значение должна иметь выработка механизма координации органами государственного управления, осуществляющими регулирование и управление в сфере соответствующего вида спорта. Такой механизм необходим в связи с тем, что федерации, часто выступают организаторами крупных международных спортивных соревнований на территории нашей страны. Данные спортивные соревнования турниры имеют международное, государственное и социальное значение, что влияет на позитивный имидж Республики Беларусь на международной арене.

На наш взгляд, координация деятельности федераций может быть реализована посредством прежде всего: направлением Министерством спорта и туризма информации о наличии нарушений законодательства в сфере спорта, и рекомендациями по их устранению; а также выработкой порядка участия в деятельности

наблюдательного или попечительского совета федерации представителями министерства.

По аналогии с Законом Российской Федерации «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[2] особую актуальность также приобретает необходимость федераций проводить ежегодно конференции, конгрессы, совещания, семинары и иные мероприятия, направленные на развитие физической культуры и спорта; участвовать в формировании системы подготовки спортивного резерва и (или) спортсменов высокого класса, осуществлять сотрудничество на основании соответствующих договоров с организациями, осуществляющими такую подготовку, а также учреждениями образования, осуществляющими подготовку тренеров; в определенный срок представлять в Национальный олимпийский комитет Республики Беларусь и Министерство спорта и туризма информацию о своей деятельности.

Также особую актуальность приобретает дальнейшее совершенствование регулирования вопросов противодействия и предотвращения использования допинга в спорте.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование проблем допинга в спорте осуществляется на основании Указа Президента Республики Беларусь от 24 мая 2018 г. № 201 «О противодействии допингу в спорте». Вместе с тем, некоторые его нормы требуют приведения в соответствие с новой редакцией Всемирного антидопингового кодекса, вступившей в силу с 1 января 2021 г.

Так, в соответствии с положениями Международной конвенции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры «О борьбе с допингом в спорте», заключенной в г. Париже 19 октября 2005 года и ратифицированной Законом Республики Беларусь в 2008 году [3], в целях координации действий по борьбе с допингом в спорте на национальном и международном уровнях государства-участники обязуются придерживаться принципов Всемирного антидопингового кодекса в качестве основы для принятия соответствующих мер в области законодательства, нормативного регулирования, политики или административной практики.

Анализ специфики антидопингового законодательства и правоприменительной практики показал, что в условиях постоянного совершенствования Всемирным антидопинговым агентством (далее – ВАДА) правового регулирования по вопросам борьбы с допингом и необходимости его оперативной и корректной имплементации в национальное законодательство, в связи с чем затрагиваются правоотношения в смежных отраслях права, оптимальным является закрепление в соответствующего регулирования в указах, и что не представляется возможным закрепить в Законе о спорте.

Например, в пункте 23.2.2 Статьи 23 Всемирного антидопингового кодекса определен список его Статей, которые должны применяться странами, подписавшими Конвенцию, без значительных изменений (за исключением незначительных изменений в языке в отношении названия организации, вида спорта, номеров разделов и т.д.), что затрудняет корректную имплементацию его требований в национальное законодательство. Одновременно, в ходе проводимого ВАДА мониторинга национального законодательства по вопросам противодействия допингу в спорте и борьбе с ним принятые в странах-участницах Конвенции нормативные правовые акты направляются учреждением «Национальное антидопинговое агентство» (далее – НАДА) в ВАДА на предмет их соответствия Конвенции и Всемирному антидопинговому кодексу.

При этом в Законе о спорте целесообразно сохранить базовые определения и уточнить компетенцию Минспорта и НАДА, как национальной антидопинговой организации, по осуществлению предотвращения допинга в спорте и борьбу с ним в соответствии с законодательством и международными договорами Республики Беларусь, решениями международных спортивных организаций.

А отдельные вопросы компетенции НАДА, содержащиеся в статье 20 Закона о спорте, в более расширенном виде в целях приведения их в соответствие Всемирному

антидопинговому кодексу могут быть закреплены других нормативно-правовых документах, таких как Указ Президента Республики Беларусь. Поэтому целесообразно наделить НАДА компетенцией на утверждение по согласованию с Минспортом Антидопинговых правил Республики Беларусь и иных актов, разработанных в соответствии с Всемирным антидопинговым кодексом и международными стандартами Всемирного антидопингового кодекса, которые содержат нормы права постоянного характера, рассчитанные на неоднократное применение и являющиеся обязательными для соблюдения спортсменами и иными лицами, принимающими участие в их спортивной подготовке, как условие участия в спортивных мероприятиях, спортивными организациями и учреждениями спортивной медицины.

Список использованной литературы

1. Об общественных объединениях: Закон Республики Беларусь от 4 октября 1994 г. №3254-ХІІ: (в ред. Законов Республики Беларусь от 19.07.2005 N 36-3, от 08.05.2007 N 221-3, от 21.07.2008 N 416-3, от 31.12.2009 N 114-3, от 04.01.2010 N 109-3, от 08.11.2011 N 309-3, от 04.11.2013 N 71-3).
2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации: принят Государственной Думой 16 ноября 2007 г.: одобр. Советом Федерации 23 ноября 2007 г. №329-ФЗ.
3. О присоединении Республики Беларусь к международной конвенции о борьбе с допингом в спорте: Закон Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. №401-3

УДК 341.217(4)

О. В. Ипатова

(Брестский государственный технический университет, Брест)

МОДЕЛИ И ЭТАПЫ ВНЕШНЕЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ: ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Политика сплочения ЕС имеет внешний вектор – конвергенция регионов как по линии свои внешних границ, так и далеко за их пределами. Появление Восточного партнерства (2009) как способ сбалансировать Европейскую политику соседства (2004) в восточном направлении представило новую модель европеизации, которая основывается на функциональном сотрудничестве между государствами. Первая модель – продвижение реформ снизу вверх через установление «связей» в обществе – до сих пор не дала ощутимых результатов. А успех «рычага», второй модели – побуждения политических элит сверху вниз к реформам посредством политических условий, – в основном был связан с перспективой членства в ЕС. Третья же модель – «управление» – имеет больший потенциал за пределами круга стран-кандидатов, т.к. не затрагивает основные институты политической системы как таковые, а способствует прозрачности, подотчетности и участию администрации.

Внешняя европеизация развивалась как исторический процесс в несколько этапов (рис. 1). Европейская политика соседства (European Neighbourhood Policy, ENP) адресована нынешним соседям ЕС, а также тем, кто стал ближе к ЕС в результате расширения. Она регулирует отношения с 16 странами Восточной Европы и Средиземноморья (Алжир, Марокко, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Палестинская Автономия, Сирия, Тунис, Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина).

ENP финансируется главным образом за счет Европейского инструмента соседства (European Neighbourhood Instrument, ENI) (в 2014–2020 годы в объеме 15,4 млрд евро [1]). В рамках ENI (до 2014 года – Европейского инструмента соседства и партнерства (European Neighbourhood and Partnership Instrument, ENPI) реализовываются программы трансграничного сотрудничества ЕС «Польша – Украина – Беларусь», «Латвия – Литва – Беларусь» и «Регион Балтийского моря», а также региональные и двусторонние программы. По линии этих трех программ трансграничного сотрудничества в Беларуси в 2007-2013 гг. реализованы проекты с общим бюджетом около 55,33 млн. евро [2]. Всего в 2007-2013 гг. в

рамках реализации ENPI Беларуси выделено 71,6 млн. евро на программы и проекты в сфере энергоэффективности, экологии, стандартизации, медицины, регионального развития [3]. В 2014-2020 гг. запланировано на развитие ENP 15,433 млрд евро. Финансирование ЕС программы «Польша-Беларусь-Украина» на 2015-2024 годы составит 183 млн евро [4].

Стоит отметить, что в программах трансграничного сотрудничества ЕС участвуют еврорегионы Беларуси: «Буг» (создан в 1995 г.), «Неман» (1997 г.), «Озерный край» (1998 г.), «Беловежская пуца» (2002 г.), «Днепр» (2003 г.). Они входят в руководящие органы программ. Цель создания еврорегионов и их включение в повестку трансграничного сотрудничества – поиск возможных путей социально-экономического развития приграничных территорий.

Отношения с Россией развиваются не через ENP, а через Европейский инструмент соседства и партнерства (ENPI/ENI). Россия отказалась от участия в ENP, ссылаясь, во-первых, на наличие других вызовов, и, во-вторых, на существование Соглашения о партнерстве и сотрудничестве [5] – механизма стратегического партнерства и институционального сотрудничества России с Европейским Союзом [6, с. 82]. В рамках ENI Россия участвует в совместно финансируемых с ЕС программах регионального и приграничного сотрудничества («Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия – Россия», «Россия – Эстония», «Россия – Латвия», «Россия – Литва» и «Россия – Польша»), а двустороннее сотрудничество происходит в рамках нового Инструмента партнерства (IP) [7].

Первоначальной целью Европейской политики соседства в 2004 г. было создание кольца дружественных государств (окружение ЕС странами с демократической моделью управления). На первом этапе реализации политики сплочения в восточном направлении ЕС предусматривал не только расширение экономических контактов с восточными странами, но и широкую демократизацию посредством внешнего управления [8, 9]. Европеизация означала институциональное строительство на уровне государства и общества.

Таблица 1 – EaP: исторические вехи

Категория	Азербайджан	Армения	Беларусь	Грузия	Молдова	Украина
Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (РСА) 1999 г.	1997 г.	1999 г.	1999 г.	1998 г.	1998 г.	1998 г.
План действий Европейской политики соседства (ENP)	2006 г.	2004 г.	Беларусь охвачена ENP, но никакого плана действий пока нет	2006 г.	2004 г.	2005 г.
Инициатива Восточного партнерства (EPI)	2009 г.	2009 г.	2009 г.	2009 г.	2009 г.	2009 г.
Соглашение об ассоциации (АА)	В 2010 г. начали переговоры по АА	АА не будет подписано	АА не ратифицировано и ратификация не предусмотрена	2014 г.	2014 г. (1 марта 2021 г. вступило в силу Соглашение о всеобъем-	2014 г.

					лющем и расширенном партнерстве (CEPA)	
Глубокая и всеобъемлющая зона свободной торговли (DCFTA)	Предусмотрено после вступления Азербайджана в ВТО	Соглашение о DCFTA не будет подписано	Не применимо	2014 г.	2014 г.	2016 г.

Евросоюз ожидал относительно быстрой адаптации восточноевропейских стран к ЕС через интенсивные экономические контакты, предположительно способствующих благосостоянию и процветанию, а также через множество «побочных эффектов» – институтов, которые были полезны как в ЕС, так и для регионального сотрудничества (Конференция региональных и местных властей для Восточного партнерства (CORLEAP), Форум гражданского общества Восточного партнерства (CSF) и др.).

В попытках расширения политики сплочения на Восточную Европу институциональный трансфер был доминирующей темой. При этом не затрагивался вопрос о том, останутся ли новые институты простым формальным правовым фасадом или могут стать активной частью общества. Исходный план действий ENP был недостаточно конкретным и недостаточно дифференцированным как в отношении Востока и Юга, так и внутри Востока. Институциональные реформы оставались поверхностными и неэффективными [10, р. 34], поскольку крупные национальные формальные институты должны были бы основываться на многих небольших местных неформальных институтах, которые отсутствовали в Восточной Европе. Появление полного демократического порядка потребовало бы гораздо более длительного процесса и более благоприятной международной обстановки.

Этот нормативный подход привел к явному кризису нормативных условий, потому что у ЕС не было конкретных планов или проектов, которые можно было бы предложить восточноевропейским государствам, кроме перспективы вступления в ЕС для содействия структурным реформам. Это привело к предложению Польши и Швеции создания Восточного партнерства (The Eastern Partnership, EaP). Чтобы активизировать цель распространения политики сплочения на Восточную Европу, в 2009 году в Праге была подписана совместная декларация о Восточном партнерстве с 6 восточными партнерами – Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной – для содействия более тесному сотрудничеству и экономической интеграции [11].

Беларусь активно участвовала в многостороннем компоненте Восточного партнерства: участие министра МИД Беларуси в саммитах EaP. Беларусь в лице заместителя министра МИД приняла участие в виртуальном саммите EaP, посвященном вопросам борьбы с пандемией COVID-19 и перспективам развития инициативы. Беларусь также регулярно участвовала в заседаниях таких управляющих органов EaP, как встречи министров иностранных дел и встречи старших должностных лиц EaP [12].

В рамках Восточного партнерства (Eastern Partnership, EaP) Беларусь участвовала во всех четырех многосторонних тематических платформах EaP («Укрепление госинститутов и надлежащего управления», «Экономическое развитие и рыночные возможности», «Соединяемость, энергоэффективность, окружающая среда и климатические изменения», «Мобильность и контакты между людьми»). Беларусь также подключена к деятельности флагманских инициатив EaP по гражданской обороне, интегрированному управлению границами, развитию малых и средних предприятий, экологическому управлению, энергетике.

Белорусская сторона принимала активное участие в разработке приоритетов развития ЕаР, в т.ч. на период после 2020 г., уделяя ключевое внимание продвижению неконфронтационного характера инициативы и ее ориентации на прагматичные, понятные простым гражданам результаты сотрудничества. Исходя из важности недопущения новых разделительных линий в регионе, Республика Беларусь последовательно продвигала в формате ЕаР идею «интеграции интеграций», которая в перспективе может послужить основой для гармонизации интеграционных процессов в рамках Европейского союза и Евразийского экономического союза, а также создания общего экономического и гуманитарного пространства [3].

Беларусь с 28 июня 2021 г. приостановила свое участие в проекте в связи с невозможностью выполнять обязательства в условиях введенных Евросоюзом санкций и ограничений [13]. Подход «сверху вниз», ориентированный на ЕС и основанный на праве ЕС и нормопередаче, вступает в противоречие с понятием партнерства, которое основано на взаимном обмене и сотрудничестве по вопросам, представляющим взаимный интерес [14].

Восточное партнерство с его более реалистичным духом стало поворотным моментом в стратегии проведения политики ЕС в Восточной Европе, так как данная стратегия стремилась исправить слабые места первоначальной Политике соседства. Акцент на общих ценностях и столь прагматичный подход в политике сплочения сигнализирует об отказе от легкой гармонизации посредством многосторонних и двусторонних соглашений. Политика сплочения в отношении стран Восточного партнерства в настоящее время сосредоточена на расширении экономических и (или) торговых отношений через интенсивную торговлю (deep trade), что должно привести к всеобъемлющим экономическим и социальным преобразованиям. Предполагается, что Глубокая и всеобъемлющая зона свободной торговли (DCFTA) будет иметь сильные косвенные эффекты, подталкивающие к гармонизации с ЕС во многих областях политики, а также среди всех стран ЕаР. Интенсивные и растущие торговые отношения также повлекут за собой структурные изменения в некоторых других областях политики, что приведет к углублению внешней европеизации, прежде всего за счет улучшения социальной среды для бизнеса, торговли и инвестиций.

Список использованной литературы

1. The European Neighbourhood Instrument (ENI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.euneighbours.eu/en/policy/european-neighbourhood-instrument-eni#plans>. – Дата доступа : 19.04.2022.
2. Политика Беларуси в области международной технической помощи (МТП) / Центр МТП ЕС в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cu4eu.by/politics/>. – Дата доступа : 19.04.2022.
3. Сотрудничество Беларусь – ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cu4eu.by/cooperation/>. – Дата доступа : 19.04.2022.
4. Европейский инструмент соседства: программа трансграничного сотрудничества «Польша – Беларусь – Украина» на 2014-2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.pbu2020.eu/files/uploads/JOP_RUS_update%2005%2012%202018_01.pdf. – Дата доступа : 19.04.2022.
5. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны (24.06.1994, о. Корфу) [Электронный ресурс] : ратиф. ФЗ РФ от 25.11.1996 № 135- ФЗ. Режим доступа : <https://docs.cntd.ru/document/1900668>. – Дата доступа : 19.04.2022.
6. Горинчой, Ю. «Восточное партнёрство» – механизм интегрирования постсоветского пространства в Европейский Союз / Ю. Горинчой // Восточное

партнерство: цели, опыт, вызовы. Анализ процесса имплементации в государствах, охваченных программой : под науч. ред. П. Байора. – Краков 2013. – 441 с. – С. 79–85.

7. Финансирование Европейского Союза для региона Соседства и России / Neighbourhood Info Centre / An ENPI project [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.scienceportal.org.by/upload/EU_Neighbourhood_Funding_Handbook_RU_March_2013.pdf. – Дата доступа : 19.04.2022.

8. Lavenex, S. EU democracy promotion in the neighbourhood / S. Lavenex, F. Schimmelfennig // Democratization. Special Issue on Eastern Neighbours – 2011. – № 18 (4). – p. 885–909.

9. Balfour, R. Debating the Eastern Partnership: perspectives from the European Union / R. Balfour // International. Politics and Society. – 2011. – № 3. – p. 29–40.

10. Korosteleva, E. EU Policies in the Eastern Neighbourhood: The Practices Perspective / E. Korosteleva, M. Natorski and L. Simao (eds). – London: Routledge, 2014. – 140 p.

11. Council of the European Union, Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit (Prague, 7 May 2009) [Electronic resource]. – Access mode : https://www.consilium.europa.eu/media/31797/2009_eap_declaration.pdf. – Access date : 20.04.2022.

12. Восточное партнерство / МИД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://belgium.mfa.gov.by/ru/bel_eu/eap/. – Дата доступа : 19.04.2022.

13. Заявление пресс-службы МИД Республики Беларусь / МИД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e0c39160d2580d78.html. – Дата доступа : 19.04.2022.

14. Коростелева, Е. А. Европейский союз и его восточные соседи: к более амбициозному партнерству? / Е. А. Коростелева / Лондон: Routledge, 2012 г. – 188 с.

УДК 341.1/8

В. В. Крицталь

(Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Минск)

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья раскрывает стандарты Совета Европы и Всемирной организации здравоохранения в сфере трансплантации органов и тканей человека и оценивает их имплементацию в белорусское законодательство. Делается вывод о необходимости внесения изменений и формулируются конкретные предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Республики Беларусь, законодательства о трансплантации и рекламе.

Трансплантация органов и тканей человека в Республике Беларусь является одной из самых развивающихся направлений в области медицины. Основой ее правового регулирования является Закон Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» от 4 июля 1997 г. № 28[8] (далее – Закон, Закон о трансплантации). На сегодняшний день Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, 1997 г. [7] (далее – Конвенция

Овьедо), Дополнительный протокол к Конвенции Овьедо относительно трансплантации органов и тканей человека, 2002 г. [4] (далее – Дополнительный протокол) и Руководящие принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов, 2010 г. (далее – Руководящие принципы ВОЗ) [7] являются единственными актами, которые закрепляют правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека. Республика Беларусь является членом ВОЗ,

лидером по проведению трансплантации органов и тканей человека в СНГ [9] и с 2017 года осуществляет сотрудничество с проектом по содействию обмена органами и тканями человека (FOEDUS) [1] по обмену органами, в которую входят страны Европы, имеющие обязательства по Конвенции Овьедо и Дополнительному протоколу.

В научной литературе исследованы такие вопросы как: правовой статус донора и реципиента [3], правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека [5] и его особенности [2], соблюдение прав человека [11]. Совет Европы (далее – СЕ) провел независимый анализ по соответствию белорусского закона о трансплантации (ред. 2015 г.) стандартам СЕ, констатируя, что «законодательство о трансплантации не содержит норм, которые явно не соответствуют Конвенции Овьедо и Дополнительному протоколу к ней» [6, с. 3], однако в полном объеме реализация стандартов в сфере трансплантации в Республике Беларусь не изучена.

Ввиду вышеизложенного рассмотрим основные направления реализации стандартов ВОЗ и СЕ в белорусском законодательстве.

Участие несовершеннолетних в качестве доноров. Закон о трансплантации в настоящее время запрещает несовершеннолетним лицам выступать в качестве живого донора за исключением: «забора костного мозга и гемопоэтических стволовых клеток» [8, ст. 7]. В целом это соответствует стандартам ВОЗ и СЕ.

Так, ст. 20 Конвенции Овьедо и ст. 14 Дополнительного протокола запрещают изъятие органов или тканей человека у лиц, неспособных дать согласие в соответствии с требованиями к нему, исключая удаление регенеративной ткани при условиях: «если (1) отсутствует совместимый донор, способный дать соответствующее согласие; (2) реципиент является братом или сестрой донора; и (3) трансплантация призвана сохранить жизнь реципиента (4) потенциальный донор не возражает против операции» [7, ст. 20; 4, ст. 14].

Руководящие принципы ВОЗ устанавливают общий запрет для изъятия органов, тканей и клеток у несовершеннолетних исключая ситуации: «1) семейного донорства регенерирующих клеток при отсутствии совершеннолетнего донора и 2) пересадки почек у однояйцевых близнецов, которая является преимуществом для реципиента без неблагоприятных последствий для донора» [10, с. 6]. Необходимо помнить, что согласие всегда сопровождается подтверждением со стороны независимого органа и профессиональным консультированием несовершеннолетнего и такое согласие «преобладает над иным, предоставленным любой другой стороной» [10, с. 6],

На наш взгляд, ст. 7 Закона о трансплантации требует совершенствования в части расширения исключений, в частности, в отношении регенерирующих тканей, почек у однояйцевых близнецов, при обеспечении надлежащего согласия. Полагаем также, что такое расширение видов донорства у несовершеннолетних будет способствовать снижению спроса на органы и ткани, а также нелегальной деятельности в сфере трансплантации. Нотариальное удостоверение и содействие органов опеки и попечительства в обеспечении согласия недостаточно. Во избежание давления со стороны законных представителей необходимо обеспечить такую среду, в которой несовершеннолетнему гарантировано профессиональное консультирование и возможность выражения своего возражения, которое будет преобладать над согласием его законных представителей.

Обеспечение согласия на проведение трансплантации органов и тканей человека у живого донора. Согласие и условия проведения трансплантации регулируется ст. 5, 8 и 9 Закона о трансплантации, к его условиям относятся: письменное предупреждение о возможном ухудшении здоровья; наличие добровольного согласия по установленной процедуре; проведение медицинского осмотра и получения заключения о возможности такого изъятия; запрет на принуждение; право на получение полной и объективной информации о состоянии здоровья, отзыв согласия; трансплантация – иной метод оказания медицинской помощи для сохранения жизни пациента или восстановления здоровья.

Существующие стандарты СЕ и ВОЗ включают в себя более широкие условия проведения трансплантации органов и тканей человека: 1) цель изъятия – лечение в случае отсутствия альтернативы с сопоставимой эффективностью [4, ст. 9; 7, ст. 19] при оценке рисков для здоровья доноров [4, ст. 11]. 2) обеспечение выраженного и конкретного согласия [4, ст. 13; 7, ч. 1 ст. 5; 10, с. 2]; 3) получение информации о цели и характере вмешательства, а также о последствиях и рисках [4, ч. 1 ст. 12; 7, ч. 2 ст. 5], о правах и гарантиях для защиты доноров [4, ч. 2 ст. 12]; 4) проведения социально-психологической оценке [10]; 5) приоритет изъятия и имплантации трупных органов или тканей [4, ст. 9; 7, ст. 19]; 6) живые доноры находятся в генетической, правовой или эмоциональной связи со своими реципиентами. Стандарты СЕ допускают также использование изъятых органов и тканей, которые «могут храниться и использоваться в целях, отличных от тех, ради которых они были изъяты» [7, ст. 22] при соблюдении надлежащей процедуры информирования и получения согласия.

Полагаем, что в Закон о трансплантации следует внести изменения, касающиеся расширения условий проведения трансплантации в соответствии с вышеперечисленными стандартами СЕ и ВОЗ. Закрепление использования изъятых органов и тканей человека не для тех целей, для которых оно было произведено, на наш взгляд, видится неэффективной в силу того, что может породить незаконную трансплантацию органов и тканей человека.

Реципиенты. Закон о трансплантации предусматривает, что трансплантация производится при условии: 1) обеспечения письменного согласия; 2) предоставлении информации о возможном ухудшении здоровья. Ст. 5 Дополнительного протокола устанавливает предоставление информации о цели и характере имплантации, о ее последствиях и рисках, а также об альтернативе ей [7, ст. 5]. 3-ий Руководящий принцип ВОЗ закрепляет информирование об отзыве согласия на проведение трансплантации органов и тканей человека.

То есть ст. 12 Закона о трансплантации требует совершенствования в части информирования реципиента о цели и характере трансплантации, а также об альтернативе проведения при ее наличии. Следует закрепить отдельно возможность отзыва согласия реципиента на трансплантацию.

Охрана здоровья. В белорусском законодательстве о трансплантации отсутствует норма «по охране здоровья живых доноров и его последующего ухода, который должен быть сопоставим с уходом за реципиентом, при этом органы здравоохранения несут одинаковую ответственность за благополучие обоих» [10, с. 6]. Необходимость ее внесения, обусловлена обеспечением гарантий по здоровью доноров и последующим уходом за ними, что минимизирует их желание по участию в продаже своих органов и тканей, трансплантационном туризме и незаконной трансплантации.

Ответственность. Запрет финансовой выгоды и рекламы спроса и предложения донорства отсутствует в Уголовном кодексе Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-3 и в Законе Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-3 «О рекламе». Видится необходимым внести положения, касающиеся запрета рекламы спроса «на ткани и органы или на их наличие с целью предложения оплаты или с целью поиска средств для оплаты лиц за их ткани или органы, либо ближайшего родственника в случае умершего донора. А также посредничество с осуществлением выплат таким лицам или третьей стороне» [10, с. 8]. Также следует криминализировать и запрет финансовой выгоды, закрепленной в ст. 21 Конвенции Овьедо и ст. 21 и 22 Дополнительного протокола.

Возмещение расходов. Закон о трансплантации устанавливает право живого донора на получение: «1) компенсации расходов, связанных с необходимостью восстановления его здоровья; 2) получение пособия по временной нетрудоспособности; 3) инвалидности» [8, ст. 9].

Полагаем, однако, что указанные гарантии недостаточны. Усовершенствование их будет способствовать распространению донорства и его поощрению, но не в коем случае не влечь за собой корыстных побуждений у доноров. Предлагаем внести следующие виды расходов: «1) компетенцию потерь заработков и других законных расходов живых доноров, вызванных с трансплантацией [10, с. 7; 4, ст. 21]; 2) выплата законных сборов за законные медицинские или связанные с ними технические услуги [10, с. 7; 4, ст. 21]; 3) компенсация в случае непредусмотренного ущерба в результате изъятия» [4, ст. 21]; 4) обоснованные расходы, связанные с поставкой и обеспечением безопасности, качества и эффективности человеческих органов и тканей [10, с. 7].; 5) бесплатные медицинские обследования, связанные с донорством, и страховка на случай смерти или осложнений, которые может повлечь изъятие» [10, с. 7].

Качество и безопасность органов и тканей, изъятых для целей трансплантации. Необходимость обеспечения качества и безопасности органов и тканей человека влияет на последующее их приживление у реципиента. Способность отслеживать такого рода информацию приведет к повышению качества и эффективности проведения трансплантации органов и тканей человека.

Ст. 10-2 Закона о трансплантации, устанавливает механизм отслеживания органов и тканей путем внесения их в единый регистр трансплантации. Но ни закон о трансплантации, ни подзаконные акты, не закрепляются требования качества и безопасности, предъявляемые к органам и тканям изъятых для целей трансплантации. Поэтому требования создания систем обеспечения качества, включая отслеживаемость и бдительность, с сообщениями о неблагоприятных событиях и реакциях при имплантации органов и тканей человека, используемых внутри страны, так и в отношении экспортируемой продукции [10, с. 11; 4, ст. 3].

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что международно-правовые стандарты в области трансплантации органов и тканей человека, разработанные СЕ и ВОЗ, в целом находят свое отражение в законодательстве Республики Беларусь в сфере трансплантации органов и тканей человека. Имеющаяся законодательная база систематически совершенствуется. Однако, как и любое законодательство в независимости от сферы, требует изменений и дополнений, так и Закон о трансплантации и иные нормативные правовые акты в данной сфере требует дополнений, в частности, в части расширения оснований для изъятия органов и тканей у несовершеннолетних; обеспечения согласия живого донора; приоритета трупного донорства; надлежащего информирования реципиентов и возможность отзыва их согласия; охраны здоровья; возмещения расходов; требования качества и безопасности к органам и тканям, изъятых для трансплантации.

Список использованной литературы

1. Ананич, С. М. Обеспечение прав человека в сфере трансплантации органов и тканей / С. М. Ананич [и др.] ; под общ. ред. Н.С. Анцух. – Минск: Экоперспектива, 2020. – 128 с.
2. Бабич, Д. В. Особенности законодательства, регламентирующего отношения в сфере трансплантации в Республике Беларусь / Д. В. Бабич // Образование и право. – 2019. – № 8. – С. 94–100.
3. Василевич Г. А. Трансплантация органов и тканей человека: основы правового статуса донора и реципиента / Г. А. Василевич, Д. Г. Василевич // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 2. – С. 3–11.
4. Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/16808b1c36>. – Дата доступа: 22.03.2022.

5. Жук, Е. В. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в Республике Беларусь / Е. В. Жук // Научная конференция студентов и аспирантов: 73-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 16-25 мая 2016 г. тез. докл. / Минск ; ред.: С. Г. Берлинская. – Минск, 2016. – С. 320–323.

6. Заключение Отдела по биоэтике Генерального директората по правам человека и верховенству права по вопросу о соответствии Закона Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3 «О трансплантации органов и тканей человека» стандартам, закрепленным в Конвенции о правах человека и биомедицине и Дополнительном протоколе к ней, касающемся трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/ru-expert-examination-of-the-belarusian-transplant-law/16808f10a8>. – Дата доступа: 15.03.2022.

7. Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007d004>. – Дата доступа: 22.03.2022.

8. О трансплантации органов и тканей человека: Закон Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3 : [с изм. и доп. : текст по состоянию на 15 июля 2021 г. № 120-3] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

9. По количеству трансплантаций на 1 млн населения, Беларусь на первом месте в СНГ [Электронный ресурс] // Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/ru/interview-ru/view/po-kolichestvu-transplantatsij-na-1-mln-naselenija-belarus-na-pervom-meste-v-sng-oleg-rummo-1157/>. – Дата доступа: 10.03.2022.

10. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: https://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63_22ru.pdf. – Дата доступа: 22.03.2022.

11. Соблюдение прав человека при транспортировке органов и тканей в медицинских учреждениях Республики Беларусь. Сравнение со странами Прибалтики [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/lapatneva16808c8c57>. – Дата доступа: 15.03.2022.

УДК 347.97

Д. А. Лагун

(Белорусский государственный университет, Минск)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭТИКО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ

В статье рассматриваются вопросы международной регламентации этико-правовых, нравственных основ деятельности судебных органов на примере Глобального кодекса судебной этики. Анализируются деонтологические принципы функционирования судебной власти в условиях построения демократического правового государства.

Международные этические стандарты судебной деятельности регламентируются широким спектром документов, среди которых можно отметить и Глобальный кодекс судебной этики [1]. Он был одобрен на Международной конференции независимых судей, проведенной на панели Болонского университета и Миланского университета Бокконни в 2015 году.

Данный кодекс фиксирует важнейшие морально-нравственные и иные ценности, которые должны составить основу деятельности судебных органов, конкретных судей, а

также лиц, выполняющих квазисудебные функции (медиация, арбитраж и др.). Он подчеркивает преимущество принципов, сформулированных в исторических источниках права и адаптированных к современным условиям осуществления правосудия.

Своей профессиональной деятельностью судье следует поддерживать авторитет судебной власти и формировать доверие общества к ней. Каждому государству рекомендовано разрабатывать и гарантировать реализацию механизма воздействия общества на формирование и функционирование судебной системы через установление института обжалования действий судьи в наблюдательный орган, состав которого должен включать кроме судей иных представителей, не являющихся судьями или бывшими судьями.

Глобальный кодекс судебной этики формулирует базовые основы деятельности судебной власти в современном государстве, которые одновременно сочетают в себе морально-нравственные и правовые устои функционирования судей.

Независимость судебной власти является фундаментом всего здания правосудия. Однако она рассматривается не как привилегия, а как юридическая обязанность и гарантия реализации прав и свобод человека и гражданина, имеющая институциональную (независимость от законодательной и исполнительной ветвей власти) и индивидуальную (независимость судьи от других судей и подчинение его только закону) составляющие.

Определяя общие этические стандарты, Глобальный кодекс выделяет ряд требований к должности судьи, направленных на формирование образа беспристрастности:

- запрет на выполнение законодательных и исполнительных функций;
- запрет на членство в политических партиях;
- запрет на юридическую практику;
- запрет на предпринимательскую и иную оплачиваемую деятельность, за исключением преподавательской деятельности, а также деятельности по управлению своим собственным имуществом;
- запрет на поведение, умаляющее честь и достоинство судьи, а также авторитет судебной власти и т.д.

Беспристрастность судьи требует равного отношения к сторонам независимо от того, бедные они или богатые и могущественные; запрещает быть милостивым к одной стороне и нелюбезным к другой; обязывает судить непредвзято, без предубеждений или пристрастий.

Провозглашение независимости и беспристрастности судьи не должно оставаться голословным. Для этого необходимо разработать и внедрить правовые механизмы и гарантии, направленные на достижение вышеназванных принципов.

Так, судье может быть предоставлен иммунитет от исков или иного преследования, за исключением случаев совершения умышленных или грубых правонарушений, связанных с профессиональной деятельностью. Судебную неприкосновенность следует защищать через систему санкций за правонарушения, связанные с ограничением, давлением, угрозами или иным вмешательством (прямым или косвенным) в деятельность судьи.

Механизм отвода судьи или его самоотвода должен быть реализован не только при наличии разумных оснований полагать о предвзятости судьи, но даже при наличии информации о потенциальной предвзятости.

Неотъемлемыми чертами характера судьи должны стать честность, порядочность, равенство.

Честность предполагает, что поведение судьи не подвергается сомнению с точки зрения разумного наблюдателя. Она подтверждает веру людей в честность всей судебной системы, когда правосудие не только свершается, но и видно, что оно свершилось.

Порядочность проявляется в том, судья не только избегает правонарушений, но и не допускает видимости их совершения во всех своих действиях. В этих целях судья принимает на себя свободно и добровольно личные ограничения, которые могут быть обременительными для обычного гражданина. В частности, судьи в личных отношениях с представителями юридической профессии, которые регулярно практикуют в суде, должны избегать подозрения в симпатии к ним или иного пристрастия. При реализации своего права на свободу выражения мнений, убеждений, ассоциации и собрания судьи должны вести себя так, чтобы сохранить достоинство судебной должности, беспристрастность и независимость судебная система. Судья не должен позволять членам своей семьи, коллегам, друзьям, иным заинтересованным лицам оказывать ненадлежащее влияние на поведение и суждения судьи, не должен использовать авторитет судебной должности для продвижения своих частных интересов. Конфиденциальная информация, полученная судьей, не должна использоваться или раскрываться для любых других целей, не связанных с правосудием.

Равенство означает обеспечение равного обращения ко всем участникам судебного процесса. Судья не должен словами или поведением проявлять предвзятость или предубеждение по отношению к какому-либо человеку или группе людей на неуместных основаниях, к которым относят помимо прочего, расу, цвет кожи, пол, религию, национальное происхождение, касту, инвалидность, возраст, семейное положение, социальный и экономический статус и другие подобные причины.

При осуществлении правосудия судья обязан демонстрировать такие личные качества, как пунктуальность, вежливость, терпение, толерантность, хорошее настроение. Он должен быть твердым, но справедливым и беспристрастным, строго соблюдать и защищать свои права, права стороны или иных участников процесса от любого проявления расовой, сексуальной или религиозной предвзятости или предубеждений. Он должен быть осторожен, чтобы не стать участником спора и, таким образом, не показаться, что принимает чью-то сторону или пришел к преждевременному выводу.

При поведении в быту, вне стен суда судьи должны пользоваться своей свободой слова с максимальной осмотрительностью, воздерживаясь от ответа на публичную критику приговора или решения, от выражения разногласий по поводу судебных решений в прессе. Участие судьи в публичных выступлениях, дискуссиях, дебатах не должно ассоциироваться с его заинтересованностью в деятельности конкретной организации, ассоциации или группы лиц; оно не должно происходить при обстоятельствах, которые могут вызвать чувство пристрастия к организации или к отсутствию беспристрастности к ней. При решении вопроса об участии в массовых шествиях, демонстрациях и протестах судья должен учитывать, как это скажется на авторитете судейской должности.

Право на участие в общественных организациях для судьи также сопряжено с принципом независимости и беспристрастности судебной власти. Поэтому судье необходимо соблюдать осторожность, чтобы это не стало обременительным и не мешало выполнению функций правосудия. Судьи, как правило, не должны участвовать в сборе средств, даже для благотворительных целей.

Судье следует проявлять осторожность при принятии любых подарков или знаков внимания (признательности). Их получение допускается, если это не вызывает возражений стороннего наблюдателя, не сказывается на независимости и беспристрастности судьи, в случае если подарок имеет скромную стоимость.

Судья, как и любой гражданин, вправе пользоваться социальными сетями и присутствовать в виртуальном пространстве. Однако его высокий статус налагает на него ряд ограничений.

Так, судье при работе в сети Интернет настоятельно рекомендуется (или даже требуется): не размещать персональную информацию о себе или своей семье в сети

Интернет, включая домашний адрес и телефон; не публиковать информацию, которая может поставить под угрозу личную безопасность; проверить настройки конфиденциальности и ограничить доступ к своему профилю, чтобы убедиться, что информация держится в ограниченной группе; при ведении блога не идентифицировать себя как члена судебной системы; не выражать свое мнение, если станет известно, что он занимает судебную должность, чем может подорвать доверие общества к собственной беспристрастности или к судебной системе в целом.

Глобальный кодекс судебной этики обращает внимание и на постсудебную деятельность судьи. На судью в прошлом (в отставке, после увольнения) также возлагается ряд этических норм. В целом он может вести любую разрешенную законом деятельность, включая юридическую практику в составе адвокатских и других юридических сообществ. Однако это не должно запятнать репутацию судебной системы.

Список использованной литературы

1. Bologna and Milan Global Code of Judicial Ethics 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2016/02/Bologna-and-Milan-Global-Code-of-Judicial-Ethics.pdf> . Date of access: 22.04.2022.

УДК 341.245

Ю. А. Лепешков

(Белорусский государственный университет, Минск)

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В СОДРУЖЕСТВЕ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В материалах выступления получила освещение текущая ситуация, связанная с осуществлением правосудия в рамках Содружества Независимых Государств его уставным органом – Экономическим Судом. Автор акцентировал внимание на основных результатах деятельности данного международного судебного органа за три десятилетия его существования, обозначил ключевые институциональные и процессуальные проблемы функционирования Экономического Суда, а также попытался спрогнозировать его дальнейшие перспективы. Сформулированы предложения по активизации усилий государств-участников Соглашения о статусе экономического Суда, направленных на выработку согласованной позиции по вопросу о возможных направлениях и способах его реформирования/модернизации, усиления роли Экономического Суда в институциональной системе Содружества Независимых Государств.

Содружество Независимых Государств (далее – Содружество, СНГ), отметившее в прошлом году свой 30-летний юбилей, представляет собой региональную межгосударственную организацию, основная цель которой – развитие сотрудничества одиннадцати постсоветских стран в самых различных областях и «формирование в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического объединения заинтересованных государств, обеспечивающего эффективное развитие каждого его участника» (п. 2.1 Концепции дальнейшего развития СНГ 2020 г. [1]).

В свою очередь, Экономический Суд, являющийся одним из уставных органов СНГ, создан и действует в целях обеспечения выполнения экономических обязательств в рамках Содружества посредством разрешения споров, возникающих при исполнении экономических обязательств, и других споров, отнесенных к его ведению соглашениями государств-членов СНГ, а также осуществления толкования положений соглашений и иных актов Содружества по экономическим вопросам (ст. 32 Устава СНГ [2]). При этом Экономический Суд в сравнении с судебными органами других региональных интеграционных объединений во многом уникален, олицетворяя собой яркий пример т.н. разноуровневой интеграции в рамках Содружества: участие

государства в его деятельности не «привязано» автоматически к членству в СНГ, а осуществляется исключительно на началах добровольности и заинтересованности.

В Соглашении о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 г. [3] (далее – Соглашение 1992 г.), подписанном восемью странами СНГ (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан; в настоящее время действует в редакции Протокола от 13 сентября 2017 г. [4]), более детально регламентированы цели (обеспечение единообразного применения соглашений государств-участников Содружества и основанных на них экономических обязательств и договоров), а также компетенция рассматриваемого судебного органа. В части последней речь идет о наделении Экономического Суда полномочиями в двух основных направлениях: разрешение межгосударственных споров и осуществление толковательной деятельности.

Реализуя данные полномочия, Экономическому Суду за время своего существования удалось достичь весьма ощутимых результатов в ходе осуществления судебной, экспертно-аналитической, а также организационной деятельности. В числе наиболее заметных из них, если проанализировать информацию, размещенную на его официальном интернет-сайте, можно отметить следующие:

- рассмотрено 127 дел;
- приняты 136 итоговых судебных актов (из них около 90 процентов – по делам о толковании, остальные – по делам о разрешении споров);
- подготовлены 7 обзоров судебной практики по различным категориям дел;
- почти 7 десятков международных договоров и актов органов Содружества стали предметом анализа и последующего толкования;
- рассмотрено более полутысячи обращений граждан и юридических лиц;
- заключено около 3 десятков соглашений о сотрудничестве с судебными и иными органами, организациями, учреждениями государств-участников СНГ;
- выполнение Экономическим Судом СНГ в 2004-2011 гг. функций Суда Евразийского экономического сообщества (ныне – Евразийский экономический союз);
- около 4 десятков международных договоров в рамках Содружества содержат оговорки, предусматривающие юрисдикцию Экономического Суда [5].

В дополнение к вышеуказанному нельзя не упомянуть и о ряде других значимых фактов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому судебному органу. В частности, в 2008 г. Экономическим Судом, Секретариатом Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ и Международным союзом общественных объединений юристов «Международный союз юристов» при Экономическом Суде на правах некоммерческого партнерства был учрежден Международный центр по урегулированию споров. В соответствии с Договором о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г., подписанным большинством стран Содружества, на Председателя Экономического Суда возложены функции определения председателя и членов комиссии экспертов, создаваемой для разрешения споров, связанных с выполнением государствами своих обязательств по названному договору (при не назначении соответствующих лиц сторонами спора). Наконец, в 2015 г. в целях научно-практического обеспечения решения основных задач, возложенных на Экономический Суд, при нем был создан Научно-консультативный совет, объединивший около полусотни известных ученых и практиков – представителей различных отраслей права из разных стран Содружества [5].

Вместе с тем, несмотря на достигнутые результаты, перспективы интеграционного правосудия в рамках СНГ трудно назвать радужными, а их общая предварительная оценка пока, к сожалению, далека от позитивной. В чем причины этого, и каковы основные проблемы, напрямую касающиеся статуса и функционирования Экономического Суда? На наш взгляд, среди таковых необходимо назвать следующие:

уменьшение квоты представительства судей с двух до одного от каждого государства-участника Соглашения 1992 г. (2002 г.);

перевод Экономического Суда на сессионную основу деятельности (2004 г.);

выход Армении (2006 г.) и Молдовы (2010 г.) из Соглашения 1992 г.;

перевод Экономического Суда в формат ad hoc и сокращение численности его аппарата до 3 человек (2016-2017 гг.);

последнее вынесенное Экономическим Судом решение датируется апрелем 2017 г.;

не сформирован реестр судей (должно было быть завершено до 31 июля 2017 г.) в связи с перевод Экономического Суда в формат ad hoc);

не утверждена новая редакция Регламента Экономического Суда (планировалось осуществить до 1 января 2018 г. с учетом изменения формата его функционирования);

вышеупомянутый Протокол от 13 сентября 2017 г. о внесении изменений в Соглашение 1992 г. подписан не всеми государствами-участниками последнего, а лишь пятью из нынешних шести (не подписан Узбекистаном);

два государства из пяти подписали Протокол 2017 г. о внесении изменений в Соглашение 1992 г. с оговорками, полностью исключающими (Таджикистан) либо ограничивающими (Кыргызстан) их участие в финансировании деятельности Экономического Суда;

лишь для трех из пяти государств, подписавших Протокол 2017 г. о внесении изменений в Соглашение 1992 г., данный документ вступил в силу: Россия и Таджикистан до настоящего времени так и не выполнили необходимые для этого внутригосударственные процедуры.

При этом нельзя не отметить тот удивительный факт, что всем перечисленным выше упущениям, недостаткам и текущим проблемам сопутствуют параллельные попытки заинтересованных стран СНГ реформировать, модернизировать Экономический Суд, повысить эффективность деятельности и укрепить его роль в системе органов Содружества.

Так, согласно п. 5.6 Концепции дальнейшего развития СНГ 2007 г. [6] в ходе планировавшихся усилий по повышению эффективности институтов и органов СНГ был взят курс на модернизацию Экономического Суда СНГ заинтересованными государствами с учетом того, что «обязательным элементом современной инфраструктуры международных экономических отношений является судебный механизм разрешения споров». В дополнение к этому Планом основных мероприятий по реализации названной Концепции на 2007-2008 гг. предусматривалась разработка Основных направлений реформирования Экономического Суда, которая, увы, так и не была осуществлена.

В Аналитическом докладе «Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу», принятом Советом глав государств Содружества в 2011 г. [7], в числе важнейших задач, с решением которых связывались новые перспективы развития СНГ, было обозначено завершение реформирования Экономического Суда. В свою очередь, в актуализированной версии Концепции дальнейшего развития СНГ 2020 г. [1] в рамках работы по повышению эффективности органов СНГ была особо отмечена необходимость «содействия работе Экономического Суда СНГ в новом формате ad hoc и усиления его роли, исходя из того, что важным элементом современной инфраструктуры международных экономических отношений является судебный механизм разрешения споров» (п. 5.5). При этом, как и в аналогичных документах, принятых в 2007 г., Планом основных мероприятий по реализации актуализированной в 2020 г. Концепции в качестве одного из направлений/задач по развитию сотрудничества государств-участников СНГ в части организационного совершенствования Содружества определено содействие работе Экономического Суда в новом формате ad hoc, а также предусмотрено выполнение в 2020-2021 гг. конкретных мероприятий, а именно:

оказание содействия Экономическому Суду в переходе на новый формат работы в полном объеме;

организация своевременного избрания (назначения) судей в реестр судей, формирование реестра судей Экономического Суда;

определение на национальном уровне правовых механизмов и создание необходимых условий для осуществления лицами, избранными (назначенными) на должность судей Экономического Суда, своих полномочий на период рассмотрения дел (п. 5.3).

Однако, несмотря на то, что на дворе уже 2022 г., какой-либо информации о выполнении вышеуказанных мероприятий их основными исполнителями – заинтересованными странами СНГ – так и не появилось. Это, на наш взгляд, может свидетельствовать только об одном, а именно об отсутствии на сегодняшний день среди государств-участников Соглашения 1992 г. единства взглядов по вопросу о предполагаемых путях/механизмах реформирования Экономического Суда.

Подводя итог, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы и предложения.

1. Неоднократные попытки заинтересованных государств-участников Содружества реформировать/модернизировать Экономический Суд, укрепить его роль в системе органов СНГ пока не дали желаемого результата.

2. Несмотря на вступление в силу в феврале 2019 г. Протокола 2017 г. о поправках к Соглашению 1992 г., изменившего порядок формирования и формат функционирования Экономического Суда, интеграционное правосудие в рамках Содружества на протяжении последних пяти лет фактически бездействует.

3. Налицо факт расхождения обозначенных в принятых документах намерений государств сохранить и повысить эффективность деятельности Экономического Суда с их последующими практическими действиями.

4. Считаю целесообразным обратить внимание заинтересованных стран СНГ на необходимость активизации усилий, направленных на выработку согласованной позиции по вопросу о возможных направлениях и способах реформирования/модернизации Экономического Суда.

5. В качестве альтернативы – при не достижении консенсуса по обозначенному выше вопросу – предлагается рассмотреть возможность возложения на Суд Евразийского экономического союза функций Экономического Суда СНГ на постоянной либо временной основе с учетом имеющейся прецедентной практики.

Список использованной литературы

1. О Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]: Решение Совета глав государств СНГ, 18 дек. 2020 г. // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=6363>. – Дата доступа: 15.04.2022.

2. Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: [принят в г. Минске 22.01.1993 г.] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187>. – Дата доступа: 15.04.2022.

3. Соглашение о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: [заключено в г. Москве 06.07.1992 г.] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=123>. – Дата доступа: 15.04.2022.

4. Протокол о внесении изменений в Соглашение о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств от 6 июля 1992 года [Электронный ресурс] : [подписан в рабочем порядке 13.09.2017 г.] // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5622>. – Дата доступа: 16.04.2022.

5. Экономический Суд Содружества Независимых Государств. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sudsng.org/>. – Дата доступа: 16.04.2022.

6. О Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс] : Решение Совета глав государств СНГ, 5 окт. 2007 г. // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2298>. – Дата доступа: 15.04.2022.

7. Аналитический доклад «Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу» [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/news/289/analiticeskij-doklad-itogi-deatelnosti-sng-za-20-let-i-zadaci-na-perspektivu>. – Дата доступа: 17.04.2022.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ КАК ПРАВОВАЯ МЕРА
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ОБЪЕКТОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ**

В статье рассматриваются проблемы правового закрепления предварительной оценки проектов стратегической (программной) документации на предмет возможного проведения стратегической экологической оценки. Так, в соответствии с национальным законодательством ее осуществление только в случаях внесения изменений и дополнений в стратегии, программы, градостроительные проекты ограничивает возможность распространения такой оценки. Предлагается ориентироваться на подход, отраженный в Протоколе по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте.

Стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО) находит правовую регламентацию в Республике Беларусь [1; 2; 3]. Тем не менее, перспектива присоединения к Протоколу по стратегической экологической оценке (далее – Протокол по СЭО) к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте [4] требует соотнесения отраженных в нем подходов со сложившимися в национальном законодательстве по ряду аспектов, что будет способствовать эффективной имплементации положений данного международного соглашения.

Объектами СЭО являются проекты государственных, региональных и отраслевых стратегий, программ и градостроительные проекты общего и специального планирования, а также проекты изменений и (или) дополнений в данные документы [2, ст. 6]. Они содержат проектные решения планируемой хозяйственной и иной деятельности, имеющие стратегический (программный), масштабный, комплексный характер.

В Республике Беларусь используется подход отнесения той или иной стратегической документации к объектам СЭО по ее типу (виду) и выделению содержательного критерия, в отличие от Протокола по СЭО, в котором при определении объектов СЭО предлагается, главным образом, использовать содержательный критерий, который является комплексным [5]. Так, такие планы и программы должны, во-первых, разрабатываться для сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства, энергетики, промышленности, включая горную добычу, транспорта, регионального развития, управления отходами, водного хозяйства, телекоммуникаций, туризма, планирования развития городских и сельских районов или землепользования, во-вторых, определять основу для выдачи в будущем разрешений на реализацию проектов, перечисленных в приложении I и любых других проектов, перечисленных в приложении II к данному протоколу, которые требуют ОВОС в соответствии с национальным законодательством [4, ст. 4]. В национальном законодательстве отсутствует вторая составляющая критерия, но представлена первая, что следует учитывать при совершенствовании правового регулирования соответствующих отношений.

Представляет интерес и такая мера по выявлению объектов, подлежащих СЭО, как предварительная оценка возможного воздействия на окружающую среду. В этом случае осуществляется предварительная оценка проектов стратегической (программной) документации на предмет возможного проведения СЭО. Протокол по СЭО ориентирован на максимальное число объектов, на которые может распространяться данная

природоохранная мера, что является положительным с позиции превентивной охраны окружающей среды. Так, существуют планы и программы, которые 1) не охватываются указанным комплексным критерием, но определяют основу для выдачи в будущем разрешений на реализацию проектов, или 2) охватываются им, но определяют использование небольших территорий на местном уровне, либо 3) охватываются им и касаются незначительных изменений планов и программ. Государствам предлагается осуществлять их предварительную оценку на предмет возможности СЭО, используя при этом критерии, изложенные в Приложении 3 к Протоколу по СЭО. Такая оценка может осуществляться либо путем их индивидуального изучения или определения типов планов и программ, либо посредством сочетания обоих подходов [4, ст. 5]. Как видится, наличие предварительной оценки основывается на понимании того, что может существовать разнообразная программная документация с потенциалом негативного воздействия на окружающую среду, но при этом не целесообразно распространять СЭО на всю стратегическую документацию, так как реализация ряда программных документов не представляет экологической опасности.

В Республике Беларусь предварительная оценка используется только в случаях внесения любых изменений и дополнений в подлежащие СЭО объекты путем индивидуального их изучения. При этом установленные критерии в целом соответствуют указанному Приложению 3 [4, п. 3, 4 ст. 4, ст. 5; 3, п. 8, 11; 2, пп. 2.2 ст. 6]. Исходя из контекста Протокола по СЭО значительные изменения подлежат СЭО без процедуры предварительной оценки. Генеральные планы поселков городского типа и сельских населенных пунктов, градостроительных проектов специального планирования для этих населенных пунктов или их частей вообще исключены из объектов СЭО, что также не соответствует международному соглашению, согласно которому решение о ее проведении следует принимать по результатам предварительной оценки [4, п. 4, ст. 4]. Представляется, что такой подход законодателя к применению предварительной оценки в сравнении с Протоколом по СЭО ограничивает возможность распространения данной процедуры на более широкий круг экологически значимых решений.

Возможность проведения предварительной оценки не указана в Законе Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» несмотря на то, что таковая получила закрепление в отдельной главе 2 Положения о порядке проведения стратегической экологической оценки, требованиях к составу экологического доклада по стратегической экологической оценке, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение стратегической экологической оценки и имеет обязательный характер для всех изменений и (или) дополнений, которые вносятся в программную документацию, подлежащую СЭО. Представляется логичным дополнить п. 1.1 и п. 1.2 ст. 6 отмеченного закона оговоркой «... а также проекты, предусматривающие внесение изменений и (или) дополнений в них после предварительной оценки возможного воздействия на окружающую среду».

Наличие определенной правовой регламентации предварительной оценки следует считать положительным. В том числе в законодательстве указывается, что ее результаты отражаются в обосновании к проекту программы или в пояснительной записке к градостроительному проекту. Тем не менее, таковая представляется недостаточной с позиции соответствия положениям Протокола по СЭО. Во-первых, предварительная оценка выполняется заказчиком и (или) проектной организацией совместно с заинтересованными органами государственного управления, а международное соглашение содержит более конкретное положение о необходимости запрашивать мнение природоохранных органов и органов здравоохранения, что позволяет ограничить усмотрение при определении круга таких органов. Во-вторых, участие общественности выражается только в возможности ознакомления с ее результатами по запросу граждан и юридических лиц. В данном контексте Протокол по СЭО менее категоричен, так как насколько это возможно, каждая сторона стремится предоставить возможности для

участия заинтересованной общественности в предварительной оценке. Но каждая сторона обеспечивает, чтобы ее выводы своевременно доводились до сведения общественности посредством либо официальных извещений, либо других соответствующих средств, таких, как электронные средства информации [3, п. 8-12; 4, ст. 5]. Отсутствие данного правила в национальном законодательстве следует признать его недостатком, так как это не способствует доступу общественности к экологически значимой информации и возможности ознакомиться с результатами предварительной оценки.

Специфика определенных сфер также может оказывать влияние на избирательность при определении круга объектов, подлежащих СЭО. Она не проводится для проектов стратегий и программ, связанных с национальной обороной, чрезвычайными ситуациями и радиационной безопасностью населения [2, ст. 6]. В данном контексте имеются отличия от Протокола по СЭО, соответствующие положения которого представляются более разумными с позиции природоохранного фактора, так как позволяют включить в сферу СЭО большой круг стратегической документации. Так, в международном документе, делается исключение для планов и программ касающихся национальной обороны или чрезвычайных ситуаций в гражданской сфере, и такое исключение не указывается для программной документации, связанной с радиационной безопасностью населения. Отмеченные сферы должны являться единственной целью данных планов и программ (специально для них разрабатываться), а не просто содержаться наряду с другими направлениями.

Список использованной литературы

1. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2016 г., № 399-З : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Положение о порядке проведения стратегической экологической оценки, требованиях к составу экологического доклада по стратегической экологической оценке, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение стратегической экологической оценки [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 января 2017 г. № 47 : с изм. и доп. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. Киев. 2003 г. [Электронный ресурс] / - Режим доступа:https://unesc.org/fileadmin//DAM/env/sea/eessa_saracity_r.htm – Дата доступа: 27.04.2022.
5. Мороз, О.В. Объекты стратегической экологической оценки в правовом контексте / О.В. Мороз // Проблемы управления. – № 3 (81). – 2021. – С. 124-130.

УДК 94:321.01(476)

І. В. Нямкевіч

(Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, Гомель)

ДА ПЫТАННЯ АБ ПАХОДЖАННІ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

У артыкуле на аснове абагульнення сучасных поглядаў на праблему ўзнікнення першых гістрычных форм беларускай дзяржаўнасці прапанавана інтэграваная версія адпаведных

працэсаў. Зроблена выснова аб тым, што раннефеадальная дзяржаўнасць на Беларусі стваралася ў кантэксце працэсаў, характэрных для ўсёй Еўропы.

Магчымасці і тэндэнцыі ўзаемадзеяння нацыянальных прававых сістэм дзяржаў ва ўмовах глабальнай і рэгіянальнай інтэграцыі ў значнай ступені абумоўленыя цывілізацыйнай прыналежнасцю гэтых дзяржаў. Межы і формы такой інтэграцыі неабходна вызначаць, “абапіраючыся на шматвяковую гісторыю развіцця беларускай дзяржаўнасці, культурныя і духоўныя традыцыі” [1, с.3]. У святле сказанага пытанне аб паходжанні беларускай дзяржаўнасці і яе гістарычных вытоках набывае дадаковы актуальны аспект.

Першае тысячагоддзе было эпохай узнікнення дзяржаўнасці ў нашым рэгіёне Еўропы. На змену племянной арганізацыі публічнай улады прыходзіць новы яе тып – раннефеадальныя дзяржавы на чале з князямі. Пытанне вызначэння дакладнага часу ўзнікнення дзяржаўнасці ва ўсходніх славян застаецца дыскусійным. Існуе некалькі канцэпцый яе паходжання. Калі вядомы савецкі гісторык права С. В. Юшкоў першыя прыкметы дзяржаўнасці ў славян адзначае пасля VII ст. н. э., а акадэмік Расійскай акадэміі навук (РАН) Б. Д. Грэкаў «значна раней IX ст.», то акадэмік РАН Б. А. Рыбакоў – намнога раней, недзе на памежжы старой і новай эры. «Не исключена возможность, – пісаў Б.А. Рыбакоў, – что во II-IV веках, до нашествия гуннов (около 375 года), у южной части восточных славян ... уже возникла государственность» [2, с.31].

На думку беларускага гісторыка-правазнаўцы Я. А. Юхо, на тэрыторыі Беларусі дзяржава ўзнікла задоўга да нашай эры. На яе рубяжы ішло станаўленне рабаўладальніцкага і адміранне абшчынна-патрыярхальнага ладу. Абодва гэтыя лады працяглы час суіснавалі, дапаўняючы адзін аднаго. Пры гэтым рабаўладальніцкі лад, як і ва ўсёй Усходняй Еўропе, не быў даведзены да яго вышэйшага развіцця (як гэта было ў іншых народаў) і ў X ст. пад нарастаючым уплывам фарміравання феадальных адносін пачаў занепадаць. Беларускі навуковец Г. В. Штыкаў лічыць, што ў VI – VIII стст. у славян (у тым ліку іх этнічных супольнасцей або княжанняў) на тэрыторыі Беларусі: крывічоў (у вярхоўях Дзвіны і Дняпра), дрыгавічоў (паміж Прыпяццю і Дзвіной); радзімічаў (на Сажы) існавала патрыярхальнае рабства. Да гэтага на сучаснай беларускай тэрыторыі родаплемянное грамадства знаходзілася на стадыі ваеннай дэмакратыі (агульны сход воінаў, савет старэйшын, племянныя правядыры), для якой усё больш тыповым становіўся пераход да манархічнай формы праўлення.

Апошнім часам беларускія вучоныя пагадзіліся з тым, што пачатак пераходу ўсходніх славян да класавага грамадства на тэрыторыі Беларусі адносіцца да другой паловы I-га тысячагоддзя нашай эры. На працягу гэтага часу тут устанаўліваюцца шматукладныя сацыяльна-эканамічныя адносіны, развіваецца маёмасная няроўнасць, зараджаецца раннефеадальны ўклад жыцця, які прыкладна ў IX – X стст. становіцца вызначальным. Прычым у пераходны перыяд адначасова існавалі тры грамадскія ўклады: першабытнаабшчынны, рабаўладальніцкі і феадальны. Першы быў аджываючым, другі не атрымаў шырокага распаўсюджвання, а трэці вызначаў накірунак эвалюцыі грамадства. У якасці паказчыка даволі высокай ступені грамадскай арганізацыі ў нашых продкаў навукоўцы адзначаюць параўнальна вялікую колькасць гарадоў (пры апісанні падзей XI-XII стст. летапісы згадваюць болей за 35 гарадоў на тэрыторыі сучаснай Беларусі). Па меркаванні вядомага спецыяліста, прафесара БГУ Таісіі Іванаўны Доўнар, узнікненне гарадоў азначала з’яўленне дзяржаў у мініяцюры, паколькі ім былі ўласцівыя асноўныя прыкметы дзяржавы: усталеўвалася публічная ўлада, засноўваліся органы, якія ажыццяўлялі кіруючыя функцыі, збіраліся падаткі і розныя іншыя зборы з насельніцтва. Улада ктраўніцтва гарадоў пашыралася і на пэўнае наваколле.

Узнікненне інстытута дзяржавы было вынікам распаду першабытнага ладу, пераходу ад радавой да суседскай (сельскай) абшчыны, паступовага выдзялення з

агульнай масы творцаў прадстаўнікоў адміністрацыйна-класавай сістэмы, спецыялізацыі і канцэнтрацыі вытворчасці, узнікнення гарадоў, неабходнасці абароны зямель ад знешняга ворага. Пры ўзрастанні ролі ўзброенай часткі насельніцтва з найбольш знатных

воінаў фарміравалася прывілеяваная частка грамадства. Сельская абшчына – «мір»,

«вервь» засноўвалася на тэрытарыяльных сувязях, складвалася з асобных «сялянскіх» гаспадарак. Для яе было характэрным спалучэнне калектыўнага уладання зямлёй, раллёй, лясамі і вадаёмамі з індыўдуальным (прыватным, сямейным) землекарыстаннем, прыватнай уласнасцю на прадметы працы і на вынікі працы сям'і. Тым самым ствараліся ўмовы для ўзбагачэння асобных сем'яў, старэйшын, военачальнікаў, жрацоў і, нарэшце, для ўзнікнення і развіцця класавага грамадства.

Ужо ў апошняй чвэрці першага тысячагоддзя, адзначаюць аўтары фундаментальнай «Истории белорусской государственности», у славянскіх плямёнаў на тэрыторыі Беларусі «общим в политическом отношении было то, что они находились на пороге государственности и названы в летописи княжениями, во главе которых стояла родоплеменная знать» [3, с.148]. Нарманская экспансія не толькі паскорыла мясцовыя дзяржаватворчыя працэсы, але і прадвызначыла форму раннефеадальнай манархіі як

гістарычна першай формы дзяржаўнасці на нашых землях. Рашаючую ролю інстытуту «запрашэння на княжанне» ў стварэнні якасна новай сістэмы кіравання ў дзяржаўна-арганізаваным грамадстве ўсходніх славян падкрэсліваў вядомы беларускі тэарэтык права М.У. Сільчанка [4, с.46]. Раннедзяржаўныя структуры (княствы, воласці, пагосты) ствараліся нарманамі шляхам «напластавання» на лакальныя племянныя протадзяржаўныя ўтварэнні [3, с.140], а інстытуты княжацкай улады «наслоіваліся» на мясцовыя інстытуты ваеннай дэмакратыі (веча, дума, племянныя цэнтры). Пры гэтым, як піша М.У. Сільчанка, «варагі вымушаны былі прыняць умовы ўсходніх славян «старыны не рушыці», але выкарысталі ў справе пабудовы дзяржавы практычна ўсе свае веды і інстытуты, прынамсі ў арганізацыі вайсковай справы і ажыццяўленні правосуддзя, але вымушаны былі іх, безумоўна, адаптаваць да рэальнай жыцця ўсходніх славян» [4, с.48].

З'яўленне ў нашым рэгіёне князёў на чале ўзброеных дружын было адлюстраннем новага грамадскага падзелу працы: вылучаўся слой людзей, якія спецыялізаваліся на прафесійным выкананні функцый публічнай улады. З пераходам да яе дзяржаўнай арганізацыі магчымасці публічнай улады ў параўнанні з уладай племянных правадыроў перыяда ваеннай дэмакратыі значна павялічваліся, што цалкам адпавядала аб'ектыўным патрэбам тагачаснага грамадскага развіцця. Узнікненне дзяржаў-княстваў дазваляла болей эфектыўна вырашаць актуальныя задачы развіцця грамадства, як унутраныя (забеспячэнне парадку ва ўмовах сацыяльнага расслаення, пераадоленне эканамічнай ізаляванасці абшчын і населеных пунктаў, стварэнне ўмоў для гандлю і да т.п.), гэтак і знешнія (абарона ад набегу стэпавікоў-качэўнікаў). Аднак створаныя пры панаванні натуральнай гаспадаркі і замкнёнай эканомікі першыя дзяржаўныя ўтварэнні адрозніваліся ад пазнейшых палітычнай нетрываласцю, неўстойлівасцю, недахопам унутранай кансалідацыі. Гэтыя рысы аб'ектыўна ўласцівыя раннефеадальнай дзяржаўнасці: ў розныя часы і у розных іншых рэгіёнах раннефеадальныя ўтварэнні былі палітычна нетрывалымі, дэманстравалі часовы характар счуплення сваіх тэрытарыяльных адзінак, мелі рухомыя межы (і нават сталіцы!).

На тэрыторыі сучаснай Беларусі такіх невялікіх дзяржаў-княстваў было некалькі дзясяткаў. Найбольш буйнымі сярод іх былі: Полацкае, Тураўскае, Пінскае, Віцебскае, Берасцейскае, Мінскае, Гарадзенскае, Навагародскае, Слуцкае, Мсціслаўскае княствы. Да IX ст. пераважалі асобныя, невялікія па памерах, дзяржавы-княствы. Пазней

распачаўся працэс іх аб'яднання ў больш буйныя дзяржаўныя ўтварэнні, які цягнуўся прыкладна да XI ст. Гэтак агульнасць знешнепалітычных інтарэсаў садзейнічала палітычнаму аб'яднанню усходнеславянскіх земляў пад уладаю дынастыі Рурыкавічаў са сталіцай у Кіеве. Аднак гэтая імперыя не была цэнтралізаванай дзяржаваю. Кіеўская Русь ўяўляла сабой палітычнае аб'яднанне федалаў вакол вялікага князя дзеля адпору набегу суседніх качавых плямёнаў, здзяйснення рабаўніцкіх паходаў на іншыя землі ды ажыццяўлення бесперашкоднага збору даніны з уласнага насельніцтва. У палітычнай гісторыі беларускіх земляў-княстваў прысутнічаюць перыяды як залежнасці іх, так і незалежнасці ад Кіеўскай Русі. На падставе сацыяльна-эканамічных, сацыяльна-палітычных, знешнепалітычных і іншых прычын княствы аб'ядноўваліся, уступалі ў палітычныя саюзы паміж сабою, а потым зноў раз'ядноўваліся. Сярод іх асабліва вылучалася Полацкае княства, якое у XI-XIII стст. было адной з буйных еўрапейскіх дзяржаў і ў суперніцтве з іншымі ўсходнееўрапейскімі дзяржавамі імкнулася павялічыць сваю тэрыторыю (каля 50 тыс. кв. км.) і міжнародны ўплыў.

Такім чынам, **раннефеадальная дзяржаўнасць на Беларусі стваралася ў кантэксце працэсаў, характэрных для ўсёй Еўропы.** Разнастайныя крыніцы сведчаць: асновы беларускай дзяржаўнасці былі закладзены нашымі продкамі (пераважна ўсходнімі славянамі – крывічамі, дрыгавічамі, радзімічамі і балтамі – літвой, ятвягамі, дайноўцамі) яшчэ да ўтварэння Кіеўскай Русі. **Першыя раннефеадальныя княствы на Беларусі з'яўляюцца вытокамі яе дзяржаўнасці, ўвасабленнем ідэі незалежнасці прабеларускага этнасу.**

Раней і больш паслядоўна гэтая ідэя праглядае ў Полацкім княстве, дзе існавала мясцовая дынастыя, за якой прызнаваліся і захоўваліся правы на працягу многіх пакаленняў. Закладзеныя ў старажытных дзяржавах-княствах інстытуты дзяржаўнасці ў спалучэнні з высокім узроўнем развіцця культуры і назапашаным палітычным вопытам станюча ўздзейнічалі на фарміраванне Вялікага княства Літоўскага.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Рыбаков, Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. / Б.А. Рыбаков. – М.: Мол. гвардия, 1987. – 351 с.
3. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В.Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 598 с.
4. Сільчанка, М. У. Паходжанне дзяржавы і права: вучэб. дапам. / М. У. Сільчанка. – Минск: Тэсей, 2005. – 144 с.

УДК 341.4+343.1

В. И. Самарин

(Белорусский государственный университет, Минск)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

В публикации предлагается механизм, позволяющий реализовать норму ст. 61 Конституции Республики Беларусь в рамках национального уголовного процесса. Законодателю необходимо предусмотреть в качестве повода для осуществления прокурором проверки по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 420 УПК) непосредственно само

решение международной организации, принятое в соответствии с международными договорами Республики Беларусь на основании обращения участника уголовного процесса, так как такое решение направляется не только заявителю, но и соответствующему государству. Установлено, что отсутствие процедуры имплементации результатов международной правовой защиты по уголовным делам в одном из государств-членов ЕАЭС создает неравенство граждан в рамках данного интеграционного образования, а соответственно препятствует свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Глобализация общественных отношений, открытая экономика не позволяют национальному уголовному процессу обретать закрытый характер. В связи с необходимостью обеспечения действия международно-правовых предписаний и в ответ на произвол нацистского режима, деятельность по проверке соблюдения процессуальных гарантий при производстве по уголовному делу в XX в. преодолела государственные границы и вышла на международный уровень. Были созданы международные органы, в которые могут обратиться граждане (в т.ч. участники уголовного процесса) с целью защиты нарушенных прав, признаваемых в универсальном измерении. Соответствующие нормы были закреплены в конституциях многих государств.

Все государства-члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), присоединившись к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт), признали компетенцию Комитета ООН по правам человека (далее – КПЧ) «...принимать и рассматривать сообщения» от лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Исходя из наличия в Пакте отдельных уголовно-процессуальных гарантий, такое признание компетенции может закономерно вести к оценке действий и решений органов, ведущих уголовный процесс, нормам данного международного правового акта. Армения, являясь единственным среди государств-членов ЕАЭС членом Совета Европы, признает компетенцию Европейского Суда по правам человека, в который в основном направляют свои жалобы граждане этого государства (ранее аналогичной практики придерживались граждане Российской Федерации).

Конституция Республики Беларусь гарантирует каждому право в соответствии с международными договорами Республики Беларусь обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ст. 61). Данная норма является легальной основой для обеспечения международной правовой защиты по уголовным делам в Беларуси. Отдельные исследователи полагают, что указанное положение Основного закона допускает обязательность для государственных органов решений международных организаций [1, с. 1027]. Схожие нормы можно найти в ч. 2 ст. 61 Конституции Армении, ч. 2 ст. 41 Конституции Кыргызстана и ч. 3 ст. 46 Конституции России.

Из анализа содержания вышеприведенного конституционного предписания можно заключить, что для реализации права на международную правовую защиту в рамках рассмотрения уголовного дела должно быть соблюдено два условия:

1) уголовное дело должно пройти все внутригосударственные процедуры, предусмотренные для обеспечения прав участников уголовного процесса (исчерпанность национальной процедуры);

Данное условие связано с недопустимостью подмены национальных судов судебными и квазисудебными органами международных организаций. Кроме того, данное условие основывается на обязательстве каждого государства-участника, взятого в соответствии с п. а ч. 3 ст. 2 Пакта, обеспечить любому лицу, признаваемые в Пакте права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты в рамках системы государственных органов.

Возникает вопрос о понимании момента исчерпания внутригосударственных процедур. Согласно п. 2 ст. 5 Факультативного протокола к Пакту должны быть исчерпаны «все *доступные* средства правовой защиты». Как нам видится, если исходить из исчерпаемости внутригосударственных процедур, то данное условие должно достигаться в соответствии с предписаниями именно внутригосударственного права. Профессор Г.А. Василевич понимает под такой исчерпаемостью «...использование гражданином всех легальных (предусмотренных законом) возможностей для защиты своих прав и свобод внутри государства.» [2, с. 226]. Учитывая, что в теории надзорное производство является исключительной стадией уголовного процесса [3, с. 12, 269-270], то для Беларуси можно рассмотреть две ситуации.

Если приговор (постановление, определение) может быть обжалован в апелляционном порядке, то исчерпаемость внутригосударственных процедур наступает одновременно со вступлением приговора (постановления, определения) в законную силу. Причем, для обращения в международную организацию в таком случае уголовное дело в обязательном порядке должно пройти стадию апелляционного производства либо должно быть доказано наличие неустранимых объективных препятствий для рассмотрения уголовного дела в данном производстве. Если по итогам рассмотрения уголовного дела в апелляционной инстанции приговор (постановление, определение) был отменен, а дело направлено на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции, то внутригосударственную процедуру сложно назвать исчерпанной.

В том случае, если приговор (определение, постановление) не подлежит обжалованию в апелляционном порядке (ч. 1 ст. 377, ч. 5 ст. 370 УПК), например, приговор Верховного Суда Республики Беларусь (в настоящий момент рассматривается вопрос о создании механизма обжалования (опротестования) такого приговора в апелляционном порядке), принимая во внимание в целом доступность надзорного производства, так как подача надзорных жалоб не ограничена их количеством, исходя из разумности, на наш взгляд, достаточно осуществления однократного обращения к должностному лицу высшей судебной инстанции с получением отказа в принесении протеста в порядке надзора (ч. 2 ст. 404, ч. 3 ст. 408 УПК). В случае же, если уполномоченные должностные лица приносят протесты в порядке надзора, исчерпанием внутригосударственных процедур следует считать отказ суда в удовлетворении надзорного протеста на уровне Верховного Суда Республики Беларусь (судебной коллегией по уголовным делам либо Президиумом либо Пленумом в зависимости от того, кем из них рассматривается уголовное дело в порядке надзора впервые – ст. 407 УПК).

При этом не должны быть пройдены в обязательном порядке такие средства правовой защиты, как рассмотрение вопроса о помиловании и производство по вновь открывшимся обстоятельствам, так как они, по мнению КПЧ, являются исключительными (*extraordinary remedy*) [4, п. 10.4; 5, п. 6.1]. Хотя КПЧ считает, что и ходатайства о пересмотре судебного решения в порядке надзора (*supervisory review*) не является обязательным для исчерпания, так как такой пересмотр ограничивается вопросами права [4, п. 11.6] и его доступность зависит от усмотрения должностного лица суда либо прокуратуры.

2) признание юрисдикции международной организации и ее соответствующих органов (комитета, суда и т.п.) должно быть осуществлено международным договором, ратифицированным Беларусью и вступившим для нее в силу.

Соблюдение юрисдикции является обязательным, в противном случае право на доступ к осуществлению правосудия не может быть осуществлено [6, с. 47]. Так, Беларусью ратифицирован Факультативный протокол к Пакту и тем самым наше государство признает компетенцию КПЧ принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами

нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте.

К сожалению, действующее законодательство не регулирует вопросы соприкосновения национального судопроизводства с международной правовой защитой, не созданы механизмы реализации конституционной нормы. Касательно уголовно-процессуального аспекта соответствующего механизма, важно предусмотреть не только переход рассмотрения вопросов уголовного дела на международно-правовой уровень, но и имплементацию решения международной организации (ее органов) в национальном уголовном процессе (их юридическую силу). Тем самым важно создать механизм, допускающий пересмотр, в нашем случае, уголовного дела после того, как оно стало предметом изучения в международной организации. Другими словами, предусмотрев выход из национального уголовного процесса, необходимо установить в законодательстве возможность возвращения.

Среди европейских государств нет единообразия в создании механизма возвращения к рассмотрению уголовного дела после его рассмотрения международной организацией (ее органом) на предмет нарушения прав человека. Пересмотр дела на основании решения международной организации либо ее органа возможен в рамках различных процедур: а) возобновление производства по вновь открывшимся обстоятельствам (Грузия, Латвия); б) возобновление производства в связи с новыми обстоятельствами (Армения, Кыргызстан, Россия); в) возобновление производства (Германия, Литва, Польша, Франция, Эстония); г) пересмотр дела (Азербайджан (пересмотр дела по новым обстоятельствам, связанным с нарушением прав и свобод), Испания, Молдова (в ревизионном порядке)) [7, с. 264-271].

Как мы видим, в большинстве исследованных государств уголовное дело пересматривается в порядке, аналогичном белорусскому возобновлению производства по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 43 УПК Беларуси). При этом отметим, что УПК Литвы и Грузии указывают на возможность пересмотра после принятия решения КПЧ.

Исходя из принятой национальной практики в соответствующих производствах, можно различать адресата подачи соответствующего ходатайства для первоначального рассмотрения на предмет наличия оснований для пересмотра (возобновления): суд (ст. 426.8 УПК Армении, ст. 312 УПК Грузии, ст. 452 УПК Кыргызстана, ст. 458 УПК Литвы, ч. 5 ст. 415 УПК РФ, ст. 463 УПК Украины) или прокурор (ст. 657 УПК Латвии).

Во всех исследованных нами правовых системах правом пересмотра (возобновления производства) обладают суды различного уровня (например, суд, принявший решение (Кыргызстан), апелляционный суд (Грузия), Высшая судебная палата (Молдова), Верховный Суд (Латвия, Литва, Азербайджан (Пленум), Россия (Президиум), Украина (Большая палата))),

Соображения КПЧ на основании индивидуальных жалоб (сообщений) не являются юридически обязывающими, хотя и признаются формой непосредственной международно-правовой защиты для индивида [8, с. 77] (но не судебной защиты). Учитывая, что в ряде своих соображений КПЧ проверял сообразность действий в рамках уголовного процесса Беларуси положениям Пакта, как нам видится, белорусский законодатель мог бы предусмотреть в качестве повода для осуществления прокурором проверки по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 420 УПК) решение международной организации, принятое в соответствии с международными договорами Республики Беларусь на основании обращения участника уголовного процесса, так как такое решение направляется не только заявителю, но и соответствующему государству. В этом случае основанием возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам является установление международными органами в соответствии с международными договорами Республики Беларусь нарушения прав и

свобод человека органами, ведущими уголовный процесс, при производстве по уголовному делу.

Отсутствие реальной процедуры имплементации результатов международной правовой защиты по уголовным делам в одном из государств-членов ЕАЭС создает неравенство граждан в рамках данного интеграционного образования, а соответственно препятствует свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, так как у граждан Армении, Кыргызстана и России могут быть опасения при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности в Беларуси и Казахстане без предоставления правовой защиты на привычном им уровне.

В большинстве государств признается, что международная правовая защита направлена не на рассмотрение конкретного уголовного дела по существу, а на разрешение вопроса о соблюдении государством при разрешении уголовного дела конвенционных норм. В случае установления нарушения конвенционных норм, необходимо установить насколько такое нарушение повлияло на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора и что необходимо предпринять, чтобы устранить последствия такого нарушения, восстановить положение, существовавшее до нарушения. Данный вопрос должен решаться внутригосударственным правом, а при нарушении в ходе производства по материалам и уголовным делам, – в уголовно-процессуальном законе.

На наш взгляд, опираясь на действующее законодательство Беларуси, установление прокурором нарушения прав человека в ходе производства по уголовному делу на основании содержания сообщения КПЧ следует считать вновь открывшимся обстоятельством, так как подобное нарушение в ходе расследования либо рассмотрения уголовного дела может быть в отдельных случаях сопоставимо с преступными действиями должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс. При конструировании нормы УПК следует исходить из того, что вопрос, связанный с возвращением в национальный уголовный процесс должен разрешаться высшими должностными лицами органов прокуратуры и высшей судебной инстанцией, так как в данной ситуации происходит непосредственное взаимодействие, сближение правовой системы Беларуси с международной правовой системой и именно эти органы могут взаимодействовать с международными организациями.

Таким образом, нами установлена необходимость создания механизма реализации нормы ст. 61 Конституции Республики Беларусь. С этой целью необходимо предусмотреть в качестве повода для осуществления прокурором проверки по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 420 УПК) решение международной организации, принятое в соответствии с международным договором Республики Беларусь. Учитывая, что каждое такое решение направляется государству, в отношении которого оно принято, рассмотрение вопроса о возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам должно осуществляться Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом, исполняющим его обязанности, на основании решения без обязательного обращения участника уголовного процесса.

Список использованной литературы

1. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь. В 2 т. Т. 1. – Минск: Амалфея, 2015. – 1221 с.
2. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2005. – 486 с.
3. Данилевич, А. А. Уголовный процесс / А. А. Данилевич, О. В. Петрова, В. И. Самарин. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – 448 с.
4. Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional protocol to the International covenant on civil and political rights

No. CCPR/106/D/2120/2011 [Electronic resource] // OHCHR Jurisprudence. – URL: <https://juris.ohchr.org>.

5. Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional protocol to the International covenant on civil and political rights No. CCPR/C/62/D/650/1995 [Electronic resource] // OHCHR Jurisprudence. – URL: <https://juris.ohchr.org>.

6. Рябцева, Е. В. Международная судебная защита по уголовным делам / Е. В. Рябцева. – М.: Проспект, 2017. – 112 с.

7. Самарин, В. И. Интерференция надгосударственного в уголовный процесс Беларуси / В.И. Самарин. – Минск : БГУ, 2021. – 303 с.

8. Дикман, С. С. Юридическая природа решений Комитета ООН по правам человека: основные проблемы / С. С. Дикман // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. – № 1. – С. 75–87.

УДК 349.6

Л. А. Субботина

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируется понятие и содержание правовой категории «экологический интерес» в аспекте правового регулирования национальной безопасности на государственном и межгосударственном уровнях, дается характеристика органов, обладающих полномочиями в сфере охраны окружающей среды и природопользования в рамках Содружества Независимых Государств и их полномочий.

Среди приоритетных целей устойчивого развития любого государства на первом месте стоит обеспечение национальной безопасности во всех ее формах и проявлениях. Выделение в качестве необходимого элемента структуры правоотношений в сфере обеспечения безопасности категории «интерес» продиктовано целым рядом факторов.

Во-первых, уже само понятие «безопасность» предполагает защищенность определенных интересов от угроз различного содержания. В качестве экологических угроз национальной безопасности могут рассматриваться глобальные изменения окружающей среды, изменение климата, разрушение озонового слоя, сокращение биоразнообразия, трансграничный перенос загрязняющих веществ, радиоактивное загрязнение среды обитания; образование больших отходов производства и потребления, недостаточное развитие правовых и экономических механизмов обеспечения экологической безопасности и др.

Во-вторых, именно интересы обуславливают направления развития государственно-правовых отношений в сфере обеспечения безопасности.

Национальные интересы выражают наиболее существенные потребности общества и государства, удовлетворение которых способно обеспечить их устойчивое развитие, поэтому национальные интересы являются важнейшими задачами внутренней и внешней политики.

Обязательными составляющими системы национальных интересов во многих государствах являются экологические интересы. Для каждого отдельного государства имеет огромное значение состояние окружающей среды, наличие природно-ресурсного потенциала, реализация экологических прав граждан.

Под национальными экологическими интересами понимается потребность нации в таком состоянии окружающей среды, которое не сказывается негативно на здоровье и

долголетия граждан и обеспечивает сохранность генофонда, многообразие и уникальность живой и неживой природы [1, с.12].

Исследуя экологические интересы, Велиева Д.С. отмечает их публичность, под которой она понимает интересы всего общества, складывающиеся из интересов социальных групп и отдельных граждан, заключающиеся в поддержании качества окружающей среды, обеспечивающего жизнь, здоровье человека и его будущих поколений, в справедливом распределении выгод, получаемых от использования природных ресурсов, составляющих основу жизни и деятельности населения страны, сбалансированные с потребностями экономического роста, опосредованные правом, охраняемые и гарантируемые государством. По утверждению автора, «публичные экологические интересы включают в себя государственные интересы в той их части, которая отражает экологические интересы общества в целом, а также общественные интересы в той степени, которая соответствует уровню осознания и познания этих интересов и которая может быть обеспечена правовой защитой в конкретных социально-экономических, экологических и политических условиях» [2, с. 7].

В соответствии со ст. 16 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) основными национальными интересами Республики Беларусь в экологической сфере являются:

- обеспечение экологически благоприятных условий жизнедеятельности граждан;
- преодоление негативных последствий радиоактивного загрязнения территории страны и иных чрезвычайных ситуаций, реабилитация экологически нарушенных территорий;
- устойчивое природно-ресурсное обеспечение социально-экономического развития страны;
- рациональное использование природно-ресурсного потенциала, сохранение биологического и ландшафтного разнообразия, экологического равновесия [3].

Каждое из этих направлений предусматривает принятие специальных мер с учетом специфики национального законодательства. Реализация национальных экологических интересов государства осуществляется посредством правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности государственных органов. В экологическом законодательстве Республики Беларусь понятие «экологический интерес» не закреплено. Оно вытекает из содержания нормативных актов, регламентирующих вопросы охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности. Под экологической безопасностью понимается «состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [4, ст.1]. Обеспечение экологической безопасности является приоритетной целью государственной экологической политики, закрепленной в ряде программных документов: Стратегии в области охраны окружающей среды Республики Беларусь до 2025 года, Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, Государственной программы «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов» на 2021–2025 годы, Водной стратегии Республики Беларусь до 2030 года и др. Действующее экологическое законодательство Республики Беларусь закрепляет обеспечение экологической безопасности в качестве принципа правового регулирования отношений в области охраны окружающей среды.

Экологическая безопасность обеспечивается решениями и действиями государственных органов, организаций и должностных лиц [5, с.135]. В Республике Беларусь создана система специально уполномоченных органов в сфере управления природными ресурсами и охраной окружающей среды, среди которых важную роль играет Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Особо следует отметить, что эффективная реализация национальных экологических интересов невозможна без взаимосогласованных действий сопредельных с Республикой Беларусь государств. В качестве важной меры нейтрализации угроз национальной безопасности в экологической сфере Концепция называет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и правового разрешения экологических проблем транснационального характера [3, ст.56].

Окружающая среда едина для всех стран и государств, вопросы ее защиты и охраны лежат не только в компетенции отдельных государств, но и требуют значительных усилий в рамках межгосударственных и межправительственных образований. Наличие многочисленных специализированных экологических организаций и органов подтверждает эту необходимость.

Наиболее плодотворным является международное экологическое сотрудничество в рамках Содружества Независимых Государств. Оно осуществляется на институциональном и нормотворческом уровне.

На институциональном уровне экологическое сотрудничество осуществляется в рамках деятельности Межгосударственных Советов, среди которых координирующую роль играет Межгосударственный Экологический Совет (далее - МЭС СНГ). МЭС СНГ создан в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей среды государств – участников Содружества Независимых Государств, которое было подписано 8 февраля 1992 года. Обновленное Соглашение о сотрудничестве было подписано 31 мая 2013 года в Минске. Соглашение подписали Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Украина (с оговоркой).

В соответствии с Положением о Межгосударственном экологическом совете государств – участников Содружества Независимых Государств, МЭС СНГ – орган отраслевого сотрудничества Содружества Независимых Государств в области охраны окружающей среды. Основными задачами МЭС являются: работа по гармонизации природоохранного законодательства и совершенствования природопользования при активном вмешательстве человека в природную среду; подготовка рекомендаций по гармонизации природоохранного законодательства, научно обоснованных норм вовлечения природных ресурсов, экологических норм и стандартов; содействие разработке общих методических подходов в области экономики природопользования и охраны окружающей среды; организация разработки и содействие осуществлению межгосударственных программ и проектов в области природопользования и экологической безопасности; содействие созданию и функционированию межгосударственной информационной системы и системы экологического мониторинга; подготовка и ведение Красной книги государств – участников СНГ и др. Совет сотрудничает с Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Постоянной комиссией МПА и другими структурами СНГ на основе заключенных с ними соглашений. Советом подготовлен и подписан целый ряд Соглашений в области охраны окружающей среды: Соглашение о книге редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений - Красной книге государств - участников СНГ (1995 г.), Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов (1998 г.), Соглашение о сотрудничестве в области экологического мониторинга (1999г.), Соглашение о контроле за транзитной перевозкой опасных и других отходов (1996 г.), Модельное двустороннее Соглашение об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте; Меморандум о взаимопонимании и партнерстве между Исполкомом СНГ и Исполкомом Международного фонда спасения Арала (2004 г.), разработан проект Конвенции об экологической безопасности [6].

Кроме МЭС, к органам отраслевого сотрудничества в сфере обеспечения экологической безопасности можно также отнести Межгосударственный совет по чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера (цель деятельности - организация системы экстренной помощи государствам СНГ в случае возникновения на их территориях чрезвычайных ситуаций, которые носят трансграничный характер), Межгосударственный совет по гидрометеорологии (цель деятельности - взаимодействие в прогнозировании и предупреждении о циклонах, штормах, ураганах, грозových шквалах, пылевых бурях, засухах, ливнях, наводнениях, внезапном понижении температуры воздуха, снегопадах, граде, снежных лавинах и т. д.). Межгосударственный совет по промышленной безопасности (цель деятельности – технологическая и производственная безопасность, состояние производственных фондов). На территории СНГ сохранено общее пространство обмена гидрометеорологической информацией и создана Межгосударственная гидрометеорологическая сеть СНГ, создан Центр мониторинга засух, ведется оценка трансграничного переноса воды, наносов, загрязняющих веществ через границы государств - участников СНГ. С 2008 года регулярно проводится Международный экологический форум.

Сотрудничество стран-участниц СНГ в нормотворческой деятельности характеризуется также разработкой и принятием модельных законодательных актов. Так, в рамках деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества независимых государств принято несколько модельных кодексов и законов в области природопользования и охраны окружающей среды: Экологический кодекс в 2-х частях (2006-2007 г.), Кодекс о недрах и недропользовании (2002 г.), Лесной кодекс (2003 г., 2017 г.), Земельный кодекс (2004 г.), Водный кодекс (2006 г.), Закон о доступе к экологической информации (2005 г.) и др.

Таким образом, решение проблемы защищенности окружающей среды от угроз экологического характера находится в числе основных направлений развития государства, переносится на уровень межгосударственных объединений и может осуществляться за счет создания межгосударственных и межправительственных институтов и принятия актов надгосударственного уровня.

Список использованной литературы

1. Клюев, Н. Н. Российские национальные экологические интересы. – М. : Институт географии РАН, 1996. – 54 с.
2. Велиева, Д. С. Конституционно-правовые основы экологической безопасности в Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2014. – 51 с.
3. Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. №575 – Режим доступа: <https://prokuratura.gov.by/ru/acts/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 25.03.2022
4. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 29 ноября 1992 года №1982-XII// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – 501с.
6. Межгосударственный экологический Совет [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3019/>. – Дата доступа: 27.03.2022

УДК 341.1/8

Н. М. Шевко

(Белорусский государственный университет, Минск)

РОЛЬ ПРАВА ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ НА УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ «GOOD GOVERNANCE»

Исследуемая тема посвящена актуальным вопросам, связанным с реализацией права на участие в политической и общественной жизни людей с инвалидностью в рамках современной концепции «good governance». Несмотря на то, что люди с инвалидностью однозначно признаются «субъектами» прав и свобод человека, они по-прежнему сталкиваются с многочисленными барьерами на пути реализации указанного права, тем самым остаются невидимыми при принятии политических и других жизненно важных решений. В то же время, государства, обеспечивая реализацию права на участие в политической и общественной жизни людей с инвалидностью повышают эффективность «good governance», а также роль участия людей с инвалидностью в жизни общества и государства.

С конца 1980-х гг. по инициативе Всемирного банка формируется концепция «эффективного государства», или «хорошего управления» (good governance) [1, с. 21]. В настоящий момент «good governance» имеет 8 основных характеристик, а именно: широкое участие, достижение консенсуса, прозрачность, оперативность, эффективность и действенность, справедливость и инклюзивность, верховенство права. В свою очередь, суть «good governance» заключается в: сокращении коррупции, учете мнений меньшинства и в том, что голоса наиболее уязвимых слоев общества будут услышаны при принятии решений [2, с. 1]. Также среди основных принципов, обеспечивающих эффективность «good governance» в отношении людей с инвалидностью, следует выделить: «никого не забыть», недискриминация, участие, субсидиарность и межпоколенческая справедливость. Более того, стоит согласиться с тем, что «благое управление имеет важнейшее значение для осуществления всех прав человека» [3, п. 6] и как таковое, оно является неременным условием для полного их осуществления [3, п. 7]. Таким образом, взаимно укрепляя друг друга, «good governance» и права человека необходимы для построения мирного, справедливого и инклюзивного общества, а также для обеспечения устойчивого развития.

В настоящей статье участие рассматривается, как краеугольный камень «good governance» в силу того, что с одной стороны «активное и осознанное участие различных групп населения, в том числе «...инвалидов, не только соответствует подходу, основанному на правах человека, но и является одним из принципов этого подхода.» [4, п. 13]. С другой стороны, участие в политической и общественной жизни государства является фундаментальным правом каждого гражданина и осуществление данного права позволяет человеку влиять не только на свое собственное развитие, но и на развитие общества в целом, обеспечивая при этом активную гражданскую позицию, эффективное управление и социальную справедливость.

В продолжении следует указать на то, что участие основано на международно-правовых рамках в области прав человека. Так во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. закреплено право каждого принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей (п. 1 ст. 21), а также право равного доступа к государственной службе (п. 2 ст. 22). Далее, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. подтверждает право на участие в ведении государственных дел, право голосовать и быть избранным, а также право на равный доступ к государственной службе без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений (ст. 25). Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. закрепляет равное с мужчинами право женщин на участие в политической и общественной жизни страны (ст. 7). Так, право ребенка (способного сформулировать свои собственные взгляды) свободно выражать свои взгляды по всем вопросам, затрагивающим его (ст. 12), как и право неполноценного в умственном или физическом отношении ребенка на полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в жизни

общества (п. 1 ст. 23) – гарантированы Конвенцией о правах ребенка 1989 г. В целом, участие, как принцип/право кодифицировано в ряде других международных и региональных договорах в области прав человека. Однако, в свете исследуемого вопроса, особого внимания заслуживает Конвенция о правах инвалидов 2006 г. (далее КПИ), в рамках которой участие рассматривается как в качестве общего обязательства, так и в качестве меж секторального вопроса. Знаменательным является то, что люди с инвалидностью и их представительные организации в полной мере участвовали в переговорном процессе по КПИ, а также при разработке и подготовке ее текста. В результате, эффективное и конструктивное участие является одной из основ КПИ.

Действительно, полноценное участие людей с инвалидностью закреплено в Преамбуле КПИ; «...полное и эффективное вовлечение и включение людей с инвалидностью в общество...» признается в качестве общего принципа КПИ (ст. 3 (с)); участие, как одно из основных политических прав закреплено в статье 29 КПИ; обеспечение участия, как обязательство государств закреплено в статье 4 (с) КПИ. Также участие упоминается в связи с правами: на самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество (ст. 19); на инклюзивное образование (ст. 24); на абилитацию и реабилитацию (ст. 26); на участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом (ст. 30). Это понятие присутствует также в статье 7 КПИ о детях с инвалидностью и в статьях, которые определяют условия для обеспечения участия, таких как статья о доступности (ст. 9) и о свободе выражения мнений и убеждений и доступе к информации (ст. 21). Важность участия также подчеркивается в статьях КПИ о механизмах осуществления и мониторинга (ст. 4, 33, 34 и 35) и о международном сотрудничестве (ст. 32) [4, п. 15]. Таким образом, широкое применение участия в КПИ свидетельствует не только о его значимости в жизни людей с инвалидностью, но и о том, что участие выходит за рамки политических прав и распространяется на другие права человека людей с инвалидностью (в таких сферах как здравоохранение, образование, правосудие). В тоже время, эффективность участия зависит от того, насколько люди с инвалидностью вовлекаются в процессы принятия решений по вопросам, затрагивающим их права, свободы и интересы.

Однако, необходимо признать, что на практике люди с инвалидностью по-прежнему сталкиваются с поведенческими, физическими, правовыми, экономическими, социальными и коммуникативными барьерами на пути их участия в жизни общества и государства, как полноправные члены и граждане. Существование такого рода барьеров приводит к тому, что люди с инвалидностью практически незаметны на политической арене и их потребностям почти не уделяется внимания [5, с. 5]. Также, под воздействием различного рода барьеров люди с инвалидностью лишаются возможности высказать свое мнение и в результате решения принимаются за них, а также создаются ситуации, при которых люди с инвалидностью исключаются из процесса принятия жизненно важных для них решений на местном, региональном и международном уровнях. Также они лишь в редких случаях занимают должности в правительствах и с ними обычно не консультируются в процессе разработки политики [4, п. 25].

Тем не менее, участие людей с инвалидностью в обсуждении и разработке текста КПИ способствовало тому, что произошел сдвиг в сторону того, что люди с инвалидностью совершенно однозначно были признаны «субъектами» прав человека и основных свобод. Принимая во внимание тот факт, что люди с инвалидностью представляют собой одну из наиболее неоднородных групп, именно их активное участие в процессах принятия решений способствует построению инклюзивного общества [4, п. 27]. В этой связи, не стоит не до оценивать роль участия людей с инвалидностью в рамках концепции «good governance». Так, реализация политических прав людей с инвалидностью, в частности права на управление государственными делами без дискриминации и наравне с другими и права на участие в государственных делах [6, ст. 29 (b)] приведет к принятию более оптимальных решений,

государственных стратегий и программ, основанных на их потребностях. Также, обеспечивая осуществление права на участие в политической и общественной жизни, государства таким образом гарантируют реализацию других фундаментальных прав человека людей с инвалидностью (право на образование, право на доступ к информации, право на участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом, право на свободу выражения мнения и убеждений). Таким образом, как отмечает Специальный докладчик по вопросу о правах инвалидов: «государства, которые поощряют активное участие всех своих граждан, включая людей с инвалидностью, способны более эффективно снижать напряженность в обществе и тем самым повышать социальную сплоченность» [4, п. 27].

Список использованной литературы

1. Тихомиров, Ю. А. Актуальные проблемы публичного права [Электронный ресурс] / Ю. А. Тихомиров, Г. А. Василевич // Журн. зарубеж. законод. и сравнит. правовед. – 2011. – № 6. – Режим доступа: https://law.bsu.by/pub/26/25_Vasilevich.pdf. – Дата доступа: 22.04.2022.

2. What is good governance [Electronic resource] // United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. – Mode of access: <https://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf>. – Date of access: 22.04.2022.

3. Intersessional seminar on the role of good governance in the promotion and protection of human rights and best practices in the implementation of the Sustainable Development Goals, including Goal 16 in this regard [Electronic resource] // UN, Human Rights Council. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/338/40/PDF/G1933840.pdf?OpenElement>. – Date of access: 22.04.2022.

4. Report of the Special Rapporteur on the rights of persons with disabilities [Electronic resource] // UN, Human Rights Council. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G16/004/48/PDF/G1600448.pdf?OpenElement>. – Date of access: 22.04.2022.

5. Люди с инвалидностью и обеспечение их права на участие в общественно-политической жизни [Электронный ресурс] // ОБСЕ. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/6/340251.pdf>. – Дата доступа: 22.04.2022.

6. Конвенция о правах инвалидов : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 61/106 от 1 декабря 2006 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа: 22.04.2022.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УДК 343.9.01

Т. П. Афонченко, А. С. Скоромный

*(Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
Гомель)*

К ПРОБЛЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В представленных материалах ставится вопрос о влиянии информатизации социума на динамику и характер преступности, исследуются преступления в сфере информационной (компьютерной) среды в контексте принимаемых мер противодействия несанкционированным деяниям и вредоносному контенту в информационном пространстве. Проанализированы важные аспекты и нюансы определенных международно-правовых актов и соглашений, на основе которых видоизменяется национальное законодательство Республики Беларусь.

Современные тенденции развития социума определяют закономерности функционирования составляющих его индивидов и позволяют заключить, что Интернет-среда не ограничивается утилитарными целями поиска информации, обмена служебной или личной корреспонденцией, занятием бизнесом, выполнением профессиональных обязанностей, проведения финансовых операций, но все более обогащается за счет появления контента, обеспечивающего приобретение новых знакомств, расширения масштабов и границ общения, продуктов развлекательной индустрии, новостных платформ. Фактически, рынок мобильных устройств и развитие компьютерных технологий обеспечивает каждому доступ на платной или безвозмездной основе к инновационным виртуальным возможностям, потенциал которых ограничен лишь объемом цифрового трафика и скоростью передачи данных. Роль и значение информации и обеспечения беспрепятственного доступа к ней в рамках правового поля предопределяет характер современного общества как информационного.

Высокая концентрация пользователей, отсутствие у многих из них базовых знаний и навыков об информационной этике и безопасности, а также элементарных механизмах защиты своих материальных и нематериальных интересов в Сети делает виртуальное пространство все более привлекательным с точки зрения его использования для противоправной деятельности. Становится вполне очевидным и закономерным возникновение и совершенствование инновационных общественных отношений, реализуемых в цифровом пространстве, что актуализирует обеспечение их охраны, в том числе с помощью уголовно-правовых средств.

Киберпреступность – термин, первоначально характеризовавший достаточно узкий сегмент субкультуры хакеров, преступлений профессионального сообщества, целью которого являлось неправомерное использование компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства, – сегодня определяется как реальная угроза экономической и правовой безопасности современного общества [1, с. 80]. Более того, преступность в информационном пространстве приобретает новые разнообразные формы и характеризуется все большей степенью глобализации ввиду отсутствия физических границ для распространения информации. Иными словами, предоставляется возможным определить киберпреступление как любое преступление, совершенное с помощью информационных технологий либо в информационном

пространстве независимо от непосредственно нарушенных общественных отношений и направленности посягательства – на собственность, общественную безопасность или нравственность, честь и достоинство индивида либо деловую репутацию субъекта хозяйствования. Среди потенциальных потерпевших от действий киберпреступников не только отдельные субъекты (физические или юридические лица), но и государственные образования.

При этом под информационными технологиями понимаются как технические средства (персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны и иные мобильные устройства), так и сама информация, а также ее носители. Под информационным пространством подразумеваются информационно-телекоммуникационные сети (например, Интернет), компьютерные локальные сети и т.д. Специфика места совершения преступления обусловлена необходимостью использования специализированных инструментов (информационных технологий), что уже само по себе является основным и определяющим признаком киберпреступления.

По темпам роста рассматриваемый сегмент преступности опережает все остальные виды преступлений как на национальном, так и на общемировом уровне. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, если еще в 2017 г. зарегистрированное количество хищений с использованием компьютерной техники и преступлений в сфере информационной безопасности составляло 3111 случаев, то в 2020 г. показатель вырос в 8 раз и составил 25575 случаев [2, с. 152].

Эффективно противодействовать киберпреступности, как и любому глобальному явлению, можно только объединив усилия. Правовую основу подобного противодействия образуют международные нормативные правовые акты, такие, как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [3], в которой отражены основные направления межгосударственного сотрудничества в данной сфере. Названная Конвенция имеет непосредственное отношение к противодействию преступлениям в сфере цифровизации, также характеризующимся транснациональным характером. Цель Конвенции, сформулированная в ст. 1, заключается в содействии сотрудничеству в области предупреждения транснациональной организованной преступности. Конвенция дает определения понятием «организованная преступная группа», «доходы от преступления» и раскрывает иные термины, необходимые для определения деятельности как преступной. Конвенция обязывает государства-участников установить уголовную ответственность (криминализовать) ряд деяний, признаваемых преступными данной Конвенцией. В рамках СНГ действует Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г [4]. Среди региональных правовых инструментов можно выделить также ряд конвенций Совета Европы: «О взаимной правовой помощи по уголовным делам в том, что касается судебных поручений о перехвате телекоммуникационных сообщений», «О борьбе с пиратством в области авторского права и смежных прав», «О порядке использования персональных данных полицией», «О защите персональных данных в сфере телекоммуникационных услуг, в особенности телефонных услуг», «О преступлениях, связанных с компьютерами», «По проблемам уголовно-процессуального права, связанным с информационными технологиями». Европейская Конвенция о киберпреступности (Будапештская конвенция) была принята Комитетом министров Совета Европы в ноябре 2001 г. с целью создания международной структуры для борьбы с киберпреступлениями и организации действенных механизмов защиты мирового сообщества от кибермошенничества. В Конвенции названы следующие виды деятельности с использованием компьютеров, которые считаются киберпреступлениями: незаконный перехват или кража данных; компрометация компьютерных систем и сетей; нарушение авторских прав; незаконные азартные игры;

продажа запрещенных предметов в Интернете; домогательство, производство или хранение детской порнографии [5].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь информационная безопасность определена как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [6]. Последовательным принятием ряда государственных программ и иных нормативных актов обеспечено широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий. Так, развитие государственной системы информатизации декларировано как одно из актуальных направлений правовой политики современного белорусского государства. Государственная программа «**Цифровое развитие Беларуси на 2021 – 2025 годы**» [7], в частности, предусматривает для **целей интеграции экономики Республики Беларусь в мировое экономическое пространство** создание общенациональной торговой площадки для отечественных предприятий (независимо от форм собственности) и иные меры по более широкому вовлечению в процесс цифровизации как индивидов, так и юридических лиц. В рамках действующей правовой базы организации коммерческого и некоммерческого сектора создают собственные вебсайты и автоматизированные базы данных, внедряют современные мобильные и сетевые технологии. Развитие информационно-коммуникационной сферы потребовало интенсификации разрешения проблем обеспечения информационной безопасности, в том числе с использованием рычагов уголовной репрессии.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) гарантирует охрану общественных отношений в сфере компьютерной информации, криминализируя соответствующие деяния в разделе XII «Преступления против компьютерной безопасности». В нем в рамках 5 составов преступлений закреплены меры наказания за несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК), уничтожение, блокирование или модификацию компьютерной информации (ст. 350 УК), неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК), разработку, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств (ст. 354 УК), а также нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК). Очевидно, что в указанном дискурсе национальное уголовное законодательство восприняло буквальный подход понимания защиты компьютерной безопасности и компьютерной информации. В то же время, помимо того, что носители компьютерной информации сами по себе могут вступать предметом преступления, в определенных ситуациях УК рассматривает элементы цифровой среды и их программное обеспечение, как, например, методы нарушения охраняемых прав и свобод, прямо называя их в качестве способа совершения преступления, (ст. 212 УК «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации»). Сеть Интернет в ряде случаев также указывается как место совершения преступления, констатируя таким образом складывающиеся в виртуальной среде общественные отношения в качестве неспецифических, не требующих обособления в качестве самостоятельного объекта отдельных составов преступлений. Например, ст. 188 УК «Клевета» криминализирует в качестве альтернативного деяния распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. Статья 130² УК «Отрицание геноцида белорусского народа» устанавливает ответственность за отрицание геноцида белорусского народа, содержащееся, помимо прочего, в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи. Аналогичное упоминание глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи содержится также в ст. 343¹ УК

«Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

Применительно к определению информационных платформ как места совершения преступления в УК нет единого подхода. Так, исключительно о глобальной компьютерной сети Интернет без упоминания иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи формулируются диспозиции ст. 361 «Призывы к мерам ограничительного характера (санкция), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь», ст. 367 «Клевета в отношении Президента Республики Беларусь», ст. 369 «Оскорбление представителя власти», ст. 369¹ «Дискредитация Республики Беларусь».

Согласно ст. 341¹ УК «Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики» указанные деяния могут осуществляться с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети.

В ст. 198¹ УК «Нарушение законодательства о средствах массовой информации» криминализировано распространение владельцем интернет-ресурса, не зарегистрированного в качестве сетевого издания, информации, распространение которой запрещено на интернет-ресурсах в соответствии с законодательными актами, при наличии административной преюдиции. Под владельцем интернет-ресурса согласно примечания к указанной статье понимаются физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, или должностное лицо юридического лица, реализующие права владения, пользования и (или) распоряжения интернет-ресурсом.

Представляется целесообразным систематизировать понимание информационно-коммуникативной среды, ее программного обеспечения и носителей в контексте уголовно-правовых представлений об объекте, предмете и признаках объективной стороны состава преступления в действующем УК Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. Буз, С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика / С. И. Буз // Юристы-Правоведы. – 2019. – № 4 (91). – С. 78-82.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021 г.: Стат. сб. / Национальный статистический комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – 407 с.
3. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс]: принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН, 15 ноября 2000 г. // Официальный интернет-портал Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml. – Дата доступа: 25.04.2022 г.
4. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации [Электронный ресурс]: заключено в г. Минске 1 июня 2001 г. // Официальный интернет-портал исполнительного комитета Содружества независимых Государств – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/866>. – Дата доступа: 25.04.2022 г.
5. Конвенция о компьютерных преступлениях [Электронный ресурс]: принята в г. Будапешт, 23 ноября 2001 г. // Официальный интернет-портал Совета Европы. – Режим доступа: https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#/. – Дата доступа: 25.04.2022 г.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь от

Е. А. Вержанский
(Речицкий РОВД, Речица)

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

В статье рассматриваются проблемы разграничения понятий «экстремизма» и «терроризма». В ходе проведённого сравнительного анализа законодательства Республики Беларусь, трудов учёных выработаны критерии разграничения данных понятий. К ним относятся тяжесть совершенного деяния, наличие специфической цели, а также факта устрашения населения для воздействия на его воли и поведение в качестве факультативного признака.

Под экстремизмом понимается форма радикального отрицания существующих общепризнанных общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Согласно законодательству под экстремизмом (экстремистской деятельностью) понимается деятельность, заключающаяся в планировании, организации, подготовке и совершении посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность, субъектами которой выступают граждане Республики Беларусь, иностранные граждане или лица без гражданства либо политические партии, профессиональные союзы, другие общественные объединения, религиозные и иные организации, в том числе иностранные или международные организации или их представительства, формирования и индивидуальные предприниматели. Указанная деятельность осуществляется различными способами, указанными в ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» [1].

Молодежь как особая социально-демографическая группа больше всего подвержена негативному влиянию социальных рисков, возникающих в периоды социальных трансформаций, в связи с чем в отношении данной возрастной группы особо актуальным становится распространение экстремизма. Молодые граждане пополняют ряды экстремистских организаций, которые активно используют молодежь в своих интересах. Экстремистски настроенная молодежь, как правило, своим поведением старается выразить пренебрежение к действующим в обществе нормам и правилам поведения, устоявшимся законам, обычаям и традициям. Зачастую члены молодежных экстремистских объединений совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе убийства и причинение тяжкого вреда здоровью [2, с. 31].

Основными причинами роста экстремистского поведения молодежи являются: ослабление и отсутствие воспитательной работы в учреждениях образования и на предприятиях; отсутствие высоких идеалов у молодежи и взрослого населения; массовое распространение и доступность для детей и подростков алкоголя и наркотиков; безработица; общее снижение культурного уровня; высокая миграция населения; политическая нестабильность; ухудшение физического и психического здоровья подрастающего поколения и др. [3, с. 68].

В свою очередь терроризм направлен на достижение политических, религиозных и экономических целей путем насильственных действий и устрашения населения. Террористическая деятельность выражается в создании террористических группировок; планировании террористических действий; подстрекательстве к совершению террористического акта; финансировании террористических организаций; пропаганде насилия для достижения религиозных, социальных или экономических целей; совершении террористических актов [4, с. 26–27; 5].

В ст. 3 Закона Республики Беларусь от 3.01.2002 № 77-3 «О борьбе с терроризмом» терроризм выражен в форме социально-политического криминального явления, которое представляет собой идеологию и практику применения насилия или угрозы насилием и направлен на оказание воздействия на принятие решений органами власти, воспрепятствование политической или иной общественной деятельности. Его целями также могут выступать провокация международных осложнений или войны, устрашение населения, дестабилизация общественного порядка [6].

Каждый террористический акт имеет конкретную направленность. В зависимости от целей выделяют несколько видов терроризма. Политический терроризм нацелен на борьбу за власть, устрашение политических оппонентов или государства в целом, он может существовать лишь при поддержке какой-то части населения. Религиозный вид терроризма существует для того, чтобы заставить население принять свою религию и нанести ущерб представителям другой веры. Также религиозный терроризм может происходить ради утверждения власти одного из представителей определенной веры. Военный терроризм происходит, как правило, в военное время; он совершается не только для того, чтобы ослабить военную мощь государства-противника, но и для того, чтобы повлиять на психологическое состояние населения. Криминальный вид терроризма осуществляется в форме совершения заказных убийств, разборок между преступными группировками, насильственного вымогательства и вооруженных захватов. Националистический терроризм строится по этническому признаку и совершается для того, чтобы доказать независимость отдельной нации или добиться ее превосходства в стране и в мире. Сравнительно новым видом является экологический терроризм, цель которого – повлиять на экологическую обстановку с помощью радикальных насильственных мер [4, с. 26–27; 5].

Экстремизм и терроризм достаточно близки по сущности: они несут вред обществу, влекут за собой неблагоприятные последствия для социального управления, дезорганизуют деятельность государства. Отличие между данными понятиями заключается в том, что терроризм характеризуется применением крайнего, общепасного насилия, которое направлено на неограниченное число лиц. Указанный критерий не следует абсолютизировать, ведь экстремистские проявления, совершенные по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы, могут являться тяжкими и особо тяжкими преступлениями. В то же время крайние формы проявления указанных явлений различаются достаточно явно: это административные правонарушения экстремистского характера и особо тяжкие преступления террористической направленности. Отличие выражается и при сопоставлении объективной стороны экстремистских и террористических действий: если экстремизм может выражаться в призывах к насилию, то терроризм совершается способом, общепасным для значительного числа людей или посягает на такие ценности как их жизнь, здоровье. Поэтому следует согласиться с мнением о том, что террористическая преступность выражается в более опасных действиях, включает использование более грубого насилия, чем экстремистские проявления [4, с. 30; 7].

Выделяют две основные, доминирующие точки зрения на соотношение террористической и экстремистской деятельности. Первая заключается в том, что террористическая деятельность является наиболее радикальной формой проявления экстремизма. Так Ю.И. Авдеев указывает, что экстремизм как социально-политический феномен представляет собой совокупность различных крайних форм политической борьбы, и одной из таких форм является терроризм [5]. По его мнению, экстремизм и терроризм – это явления не только взаимосвязанные, но и взаимопроникающие. Терроризм обладает всеми признаками экстремизма, а также специфическими признаками, присущими исключительно данному проявлению экстремизма, поэтому

вполне правомерно ставить вопрос о преступлениях, которые обладают одновременно признаками и экстремизма, и терроризма.

Иная точка зрения на проблему разграничения экстремизма и терроризма заключается в более четком разграничении данных явлений. Например, позиция А.М. Сыроева состоит в том, что экстремизм является социально-правовым явлением, в основе которого находится идеология, направленная на пропаганду идей расовой, национальной, религиозной, социальной ненависти, характеризуемым неприятием существующего государственного строя и насильственными призывами к захвату властных полномочий. Автор полагает, что основным критерием разграничения экстремистских и террористических преступлений служит специальная цель в виде дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решения – для преступлений террористической направленности. По его мнению, в экстремистских преступлениях политический мотив является абстрактным и, в отличие от террористических преступлений, не формируется в конкретную цель [8].

Отметим, что сравнительный анализ дефиниции экстремизма, приведенной в ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» (с изменениями и дополнениями) и дефиниции терроризма, содержащейся в ст. 3 Закона Республики Беларусь от 3 января 2002 № 77-З «О борьбе с терроризмом» (с изменениями и дополнениями) позволяет утверждать, что терроризм является составной частью экстремизма, одним из его проявлений. Такой подход законодателя выражается в том, что осуществление террористической деятельности указано в дефиниции экстремизма в качестве одного из его проявлений, при этом их перечень гораздо шире и включает также иные элементы.

Таким образом, отграничение терроризма от экстремистских проявлений необходимо проводить путем установления того, имело ли место устрашение с целью воздействовать на волю и поведение населения. Другим критерием разграничения экстремистских и террористических преступлений является цель совершения данных преступлений. Экстремистские преступления совершаются с целью возбуждения ненависти и вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Целью террористических преступлений является дестабилизация деятельности органов власти либо воздействие на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях; в качестве дополнительной цели террористических преступлений выступает устрашение населения. Также следует принимать во внимание тяжесть соответствующего деяния: более тяжкие посягательства характерны для террористических проявлений, менее тяжкие – для экстремистских.

Список использованной литературы

1. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Бурмистров, И. А. Сущность и специфика преступлений, совершаемых неформальными группами несовершеннолетних / И. А. Бурмистров // Российский следователь. – 2000. – № 6. – С. 31–35.

3. Муращенкова, Н. В. Социально-психологические детерминанты представлений молодежи об экстремизме и патриотизме.: дис. ... канд. психол. наук :19.00.05 / Н. В. Муращенкова. – Смоленск, 2014. – 311 л.

4. Харевич, Д.Л. О характерных чертах и определении понятия «терроризм» / Д. Л. Харевич // Юстыця Беларусі. – 2017. – № 7. – С.26–31.

5. Авдеев, Ю. И. Терроризм как социально-политическое явление / Ю. И. Авдеев // Современный терроризм: состояние и перспективы / под редакцией Е. И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 41–42.

6. О борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 77-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9.01.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Харевич, Д. Л. О разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм» / Д. Л. Харевич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Международной научно-практической конференции, г. Минск, 10 февр. 2017 г. / Академия МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – С. 223–224.

8. Сысоев, А. М. Об уточнении категории преступлений экстремистской направленности / А. М. Сысоев // Российский юридический журнал. – 2008. – № 4. – С. 126–128.

УДК 343.2

Е. Ю. Горошко

(Университет гражданской защиты МЧС Беларуси, Минск)

О НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Рассмотрен уголовно-правовой состав преступных действий - нарушение требований пожарной безопасности в соответствии с действующим уголовным законодательством, проанализированы основные изменения, произошедшие в уголовно-правовой практике с принятием в стране Уголовного Кодекса Республики Беларусь, уделено внимание квалифицирующим признакам уголовно-правовой нормы за нарушение требований пожарной безопасности и особенностям их установления в процессе проведения процессуальной проверки по пожарам.

Пожарная безопасность является одним из приоритетных направлений национальной безопасности Республики Беларусь, в связи с чем государством постоянно принимается достаточно большой комплекс мер для ее обеспечения, как на уровне профилактики нарушений пожарной безопасности, так и ликвидации чрезвычайных ситуаций в целом. Немаловажную роль в данном направлении имеет совершенствование правовых институтов обеспечения пожарной безопасности, как в административном, так и уголовном законодательстве.

Принятие Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. №112-З, которым произведена масштабная корректировка Уголовного Кодекса Республики Беларусь, не оставила без внимания и норму, регулиющую общественные отношения в области соблюдения требований пожарной безопасности. Первоначально, изменено само название статьи 304 Уголовного Кодекса Республики Беларусь с «Нарушение правил пожарной безопасности» на «Нарушение требований пожарной безопасности». Тем самым законодатель значительно расширил перечень нормативно-правовых актов, обязательных к соблюдению при обеспечении пожарной безопасности в стране. Так в предыдущей редакции статьи 304 Уголовного кодекса Республики Беларусь под правилами пожарной безопасности понимались общие требования пожарной безопасности, установленные Президентом Республики Беларусь, специфические требования по обеспечению пожарной безопасности, установленные Советом Министров Республики Беларусь, правила пожарной безопасности, утвержденные Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь [1]. Относительно действующей правовой нормы установлено, что под требованиями пожарной

безопасности понимаются требования по обеспечению пожарной безопасности, содержащиеся в нормативных правовых актах (их структурных элементах), в том числе обязательных для соблюдения технических нормативных правовых актах (их структурных элементах), и международных договорах Республики Беларусь, технических регламентах Таможенного союза, Евразийского экономического союза и иных международно-правовых актах, содержащих обязательства Республики Беларусь (их структурных элементах), и образующие систему противопожарного нормирования и стандартизации [2].

Отмечу, что изменился и юридический состав преступлений, регламентированных в трех частях статьи 304 действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь. Так в части 1 вышеназванной статьи в диспозиции заложена вина только в форме неосторожности, в отличие от предыдущей редакции. Кроме того, исключен специальный субъект данного состава преступления «лицо, ответственное за их выполнение» (требований пожарной безопасности), что непосредственно обуславливает общий субъект совершения преступлений по исследуемой части вышеназванной статьи, то есть все вменяемые физические лица, достигшие возраста уголовной ответственности (граждане Республики Беларусь, иностранные граждане, лица без гражданства и т.д.). В предыдущей редакции субъектом преступления по части 1 рассматриваемой статьи могли являться в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда № 8 от 28 сентября 2005 года только должностные лица (руководители организаций независимо от форм собственности или их структурных подразделений), другие работники, на которых действующими правилами (инструкциями) или специальным распоряжением возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил пожарной безопасности на определенном участке работы (прорабы, мастера) или выполнять их (электросварщики, кладовщики), а также граждане, которые в силу возлагаемой Законом Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. "О пожарной безопасности" и иными нормативными правовыми актами ответственности за нарушение требований пожарной безопасности должны соблюдать данные правила (квартиросъемщики, собственники жилых домов, дач и иных строений) [3].

Также в диспозиции рассматриваемой нормы в современной редакции определен достаточно важный квалифицирующий признак в виде «возникновение пожара и уничтожение или повреждение чужого имущества». Следовательно, законодатель определил, что в случае уничтожения или повреждения имущества собственника (потерпевшего) и отсутствия материального ущерба от пожара относительно чужого имущества, даже при наличии административной преюдиции, уголовная ответственность за нарушение требований пожарной безопасности не наступает. Кроме того, примечательно, что административная преюдиция, заложенная в части 1 рассматриваемой статьи, подразумевает совершение повторного нарушения требований пожарной безопасности, совершенное виновным лицом в течение года после наложения на него административного взыскания за такое же нарушение. То есть объективная сторона в составе административного правонарушения должна быть идентичной объективной стороне уголовного преступления, по сути действия субъекта правонарушения и преступления должны совпадать.

Примечательно, что повреждение и уничтожение имущества должно рассматриваться комплексно с учетом причиненного преступлением имущественного ущерба. Сегодня уничтожение имущества – это физическая ликвидация или приведение имущества в полную непригодность для целевого назначения, т.е. имущество перестает существовать либо утрачивает свою хозяйственную и иную значимость, материальную или духовную ценность. Оно не может быть восстановлено и полностью выводится из хозяйственного оборота. Повреждение имущества – это такое изменение свойств предмета, при котором существенно ухудшается его хозяйственная ценность, и вещь становится частично или полностью непригодной для целевого использования. При

повреждении имеет место уменьшение ценности имущества посредством частичного приведения его в негодность, что исключает возможность его дальнейшего использования без последующего ремонта, реставрации, восстановления. Однако в отличие от уничтожения при повреждении после восстановления или исправления вещи возвращаются ее прежние свойства. Таким образом, повреждение влечет лишь качественное ухудшение предмета, уничтожение – полную его утрату [4]. Зачастую, при определении ущерба по факту поврежденного или уничтоженного имущества не учитывается упущенная имущественная выгода – неполученные доходы, которые управомоченное лицо (лицо, чье право нарушено) получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено [5]. Например, при повреждении транспортного средства (например, грузового автомобиля, используемого в грузоперевозках) необходимо учитывать не только фактический ущерб (стоимость автомобиля и груза в нем), но и упущенную выгоду, которую с помощью данного автомобиля получил бы собственник в случае отсутствия состава преступления.

Во 2 части статьи 304 Уголовного кодекса в действующей редакции законодатель также исключил специального субъекта совершения преступления и предусмотрел субъекта преступления в качестве общего. Кроме того, изменился и квалифицирующий признак относительно ущерба. В действующей редакции обязательным условием является причинение ущерба чужому имуществу. К чужому имуществу относится как как движимое, так и недвижимое, в том числе чужая доля имущества в общей долевой собственности, а также имущество, изъятое или ограниченное в гражданском обороте. Объективно, право на имущество должно подтверждаться официальными документами собственника. Однако, сегодня относительно определения чужого имущества существует достаточно много дискуссий как в научной среде, так и правоприменительной практике. Одним из них, например, является вопрос считать ли имуществом животных? Кроме того, возникают вопросы относительно предметов, сделанных «своими руками», их стоимости и т.д. Часть 3 и санкции по части 2 рассматриваемой статьи законодатель оставил без изменений.

Таким образом, современная редакции нормы, предусматривающей уголовную ответственность на нарушение требований пожарной безопасности, системно охватывает все правовые институты, обеспечивающие пожарную безопасность в Республике Беларусь и позволяет дифференцировано квалифицировать деяния в зависимости от степени опасности последствий, причиненных преступлением. Вместе с тем, для унифицированного уголовного процесса по данной норме требуется комплексный подход и детальная проработка ученых и практиков всех возможных ситуаций относительно нарушений требований пожарной безопасности и принятия соответствующих процессуальных решений.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г. №275-3: принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 19 июля 2016 г. // ЭТАЛОН-ONLINE [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275> – Дата доступа: 03.04.2022.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г. №275-3: принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 5 янв. 2022 г. // ЭТАЛОН-ONLINE [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://etalonline.by/document/?regnum=НК9900275> – Дата доступа: 03.04.2022.

3. О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и требований пожарной безопасности

(ст.ст.302-304 Уголовного кодекса Республики Беларусь) / Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь №8 от 25 сен. 2005 г.: изм. 23 дек. 2021 г. // БелЗакон [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://belzakon.net/Законодательство/Постановление_Пленума_Верховного_Суда_РБ/2005/77145. – Дата доступа: 03.04.2022.

4. Фомина, Н.Г. Уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества / Н.Г. Фомина // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.belnovosti.by/obshchestvo/ugolovnaya-otvetstvennost-za-umyshlennye-unichtozhenie-libo-povrezhdenie-imushchestva>. – Дата доступа: 03.04.2022.

5. Функ, Я. Понятие убытков в праве Республики Беларусь / Я.Функ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex.by/ponyatie-ubytkov-v-prave-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 03.04.2022.

УДК 343.1

О. В. Качалова

(Российский государственный университет правосудия, Москва)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье определяются основные направления использования современных цифровых технологий в производстве по уголовным делам: 1) сервисы, обеспечивающие доступ к правосудию; 2) вспомогательные сервисы; 3) поддержка принятия судебных решений - «электронное уголовное дело», сервисы, осуществляющие подготовку проектов судебных актов – смарт-помощник судьи, интернет-платформы для электронной бесконтактной медиации, сервисы прогнозирования судебных решений, сервисы прогнозирования поведения лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Современные информационные технологии прочно вошли в нашу жизнь, без них невозможно представить уже ни одну сферу общественного бытия, даже такую традиционно консервативную как право. Внедрение различных информационных технологий в процесс осуществления правосудия и обеспечения доступа к нему стал трендом последнего десятилетия, и этот процесс продолжает активно развиваться [1, с. 109-112; 2, с. 86-99]. Информатизация правосудия и процесса рассмотрения уголовных дел позволяет упростить доступ к правосудию участникам процесса, в наибольшей степени обеспечить их доступ к информации, облегчить их информирование и осуществление ими своих прав, рационализировать процесс производства по уголовным делам.

Многообразие современных цифровых технологий и сервисов, их стремительное развитие позволяет выделить следующие основные направления использования таких технологий в судебном производстве по уголовным делам.

1. Сервисы, обеспечивающие доступ к правосудию:

- видеоконференцсвязь, посредством которой могут быть допрошены ряд участников уголовного судопроизводства, рассмотрены отдельные материалы, жалобы либо уголовные дела по существу;
- сервисы подачи ходатайств, жалоб и заявлений в суд в электронном формате;
- сервисы передачи уголовных дел и материалов с жалобами между судами различных инстанций;
- сервисы поддержки участников уголовного судопроизводства – чат-боты, обеспечивающие консультирование и информирование участников процесса о назначенных слушаниях, их отложениях, движении уголовного дела, правах и обязанностях участников уголовного судопроизводства, возможностях подачи в

электронном виде жалоб и ходатайств, возможностей примирения сторон по отдельным категориям уголовных дел и т.п.

2. Вспомогательные сервисы:

– сервисы удаленного доступа суда к различным базам данных, в том числе с использованием блокчейн (технологий распределенного реестра), где суд за считанные секунды получит сведения об имуществе обвиняемого и членов его семьи, его судимостях, совершенных правонарушениях, применяемых в отношении него мерах уголовно-процессуального принуждения, выездах за границу и т.д.;

– сервисы аудиопотоколирования, видеозаписи, интернет- трансляции судебных заседаний.

3. Поддержка принятия судебных решений:

– сервисы, позволяющие автоматизировать расчет сроков, необходимых для принятия решения (сроки назначения наказания при применении различных норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса; зачет в наказание времени, проведенного под стражей, домашним арестом, в лечебном учреждении во время производства экспертизы; снижение срока наказания в случае изменения уголовного закона, смягчающего ответственность; пересчет сроков наказания при замене неотбытой части наказания другим видом наказания и т.д.;

– «электронное уголовное дело» – сервис, позволяющий осуществить производство по уголовным делам в электронном, безбумажном формате (широко применяется в ряде стран, в том числе Грузии, Казахстане и др.);

– сервисы, осуществляющие подготовку проектов судебных актов (смарт-помощник судьи, робот-судья и т.д.). Использование таких автоматических сервисов возможно только в случаях, когда отсутствует спор о праве. Возможность использования таких сервисов в уголовном судопроизводстве в разы ниже, чем в гражданском и административном судопроизводстве (так, например, в Республике Казахстан до 400 тыс. материалов в год о взыскании алиментов, запрете на выезд и т.п. планируется рассматривается посредством использования смарт-помощника судьи, который составляет проект судебного акта, судья только лишь проверяет и подписывает его. На это уходит около 5 минут времени, тогда как судья тратил на это 30-60 минут) [3].

Однако и в уголовном судопроизводстве возможность использования подобного рода сервисов имеется – в первую очередь при вынесении промежуточных судебных решений технического характера, а также тех решений, которые существенным образом не затрагивают права и свободы участников уголовного судопроизводства (решение об отложении судебного разбирательства, решение о применении обязательства о явке, подписке о невыезде и надлежащем поведении, и т.д.).

– интернет-платформы для электронной бесконтактной медиации. Возможности такой медиации в уголовном судопроизводстве меньше, чем по гражданским и иным спорам частного-правового характера, однако и в уголовном судопроизводстве такие платформы могут использоваться по делам частного обвинения, а также по некоторым делам небольшой и средней тяжести, где возможно прекращение уголовного преследования с примирением сторон.

4. Сервисы прогнозирования судебных решений.

Так, например, в Китае действует сервис «Умный приговор» [4, с. 120-123], который позволяет предварительно прогнозировать приговор по делу. В его основе лежит программа на основе искусственного интеллекта, которая анализирует приговоры, вынесенные по схожим делам, и дает прогноз. Точность прогноза зависит от количества схожих дел: чем их больше, тем точность прогноза выше (аналогичный сервис «Умное решение» по гражданским делам функционирует в Республике Казахстан, где в системе загружено более 2 миллионов судебных решений). Такого рода сервисы позволяют суду ориентироваться на то, каким образом разрешаются

подобного рода дела, унифицировать судебную практику, обеспечить ее единообразие. Особенно полезны подобные сервисы для начинающих судей. Следует отметить, что для создания такого сервиса в базу данных должны быть загружены только те решения, которые являются правосудными, отвечают требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости. В противном случае судебная практика может пойти по неправильному пути, что приведет к печальным последствиям. Основная сложность заключается в том, чтобы научить нейросеть не просто искать решения по ключевым словам, а понимать суть судебного решения.

5. Сервисы прогнозирования поведения лиц, привлекаемых к уголовной ответственности (определение степени риска рецидива для лица, совершившего преступление, определение степени исправления осужденного при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, определение степени риска бегства от следствия и суда, воспрепятствования правосудию и продолжения преступной деятельности обвиняемым при применении мер пресечения и т.д.

Это наиболее сложное и спорное направление использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве в силу следующих причин:

искусственный интеллект основан на анализе больших данных, в уголовном судопроизводстве каждое дело уникально, существует вероятность того, что искусственный интеллект не сможет в полной мере учесть все индивидуальные данные и примет ошибочное решение;

машинный интеллект не обладает жизненным опытом, эмоциональным интеллект, которые являются необходимыми для формирования внутреннего убеждения судьи при принятии решений;

выводы, сделанные искусственным интеллект, во многом зависят от параметров и данных, которые разработчики закладывают в систему. Использование некорректных данных может привести к ложным выводам. Так, например, нейросеть Амазон признала преступниками 28 конгрессменов США. Эксперты загрузили в нейросеть 25 тысяч изображений преступников, после чего показали ей фотографии 535 членов Конгресса США (политики не имели судимостей). Больше всего членов Американского союза защиты гражданских свобод поразило, что система назвала преступником парламентария Джона Льюиса, который занимается защитой прав чернокожих. В Amazon заявили, что эксперты неправильно настроили и использовали систему распознавания лиц [5]. Основная сложность заключается в том, чтобы научить нейросеть определять ситуации, когда искусственный интеллект не может дать ответ на поставленный вопрос.

Очевидно, что робот-судья никогда не заменит «живого» судью в процессе рассмотрения уголовных дел, однако использование сервисов, которые помогают суду принять решение, облегчают его работу, оптимизируют процесс поиска информации и принятия решения, должны широко внедряться в осуществление правосудия.

Список использованной литературы

1. Качалова, О. В. Влияние цифровой реальности на деятельность судов / О. В. Качалова // Инновационная парадигма развития правовой системы. – Гомель, 2021. – С. 109 – 112.
2. Марковичева, Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства / Е. В. Марковичева // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 3. – С. 86-99.
3. Роботов внедряют в судебную систему Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newtimes.kz/obshchestvo/139315-robotov-vnedriat-v-sudebnuu-sistemu-rk>. – Дата доступа: 08.04. 2022.
4. Фоков, А. П. Электронное правосудие в Китайской народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» / А. П. Фоков // Наука и

образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – №8. – С. 119-124.

5. Нейросети Amazon назвали членов Конгресса США преступниками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://life.ru/p/1138553>. – Дата доступа: 08.04. 2022.

УДК 343.1

Н. Р. Крысина, И. Г. Лобанова

(Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, Саранск)

НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА ПРИ УЧАСТИИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ПРЕНИЯХ СТОРОН

В статье на основе анализа правоприменительной практики рассматриваются нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые в связи с участием адвоката-защитника в прениях сторон, их виды, специфика. Исследуется вопрос злоупотребления адвокатом-защитником своими процессуальными правами как основания ограничения судом права адвоката-защитника на участие в судебных прениях.

Участие защитника в прениях сторон является одним из важных аспектов защитительной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве. Значение участия адвоката-защитника в прениях подчеркивается в корпоративных актах адвокатуры – в соответствии со Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20.04.2017 г.: «Защитник не вправе уклоняться от участия в судебных прениях» (п. 15) [1].

Анализ судебной практики позволяет выявить многочисленные нарушения уголовно-процессуального закона, допускаемые в связи с обеспечением участия адвоката-защитника в прениях сторон, которые можно разделить на две группы:

1) нарушения закона, допускаемые самим адвокатом-защитником в связи с участием в прениях сторон;

2) нарушение судом права адвоката-защитника на участие в прениях сторон.

Во-первых, нередко адвокат-защитник сам допускает нарушения закона и профессиональной этики при участии в прениях. Наиболее типичные из них: адвокат-защитник, вопреки предписаниям профессиональной этики, не принимает участие в судебных прениях, при выступлении в судебных прениях занимает позицию вопреки интересам доверителя (подсудимого); участвует в судебных прениях формально (например, выступает с речью в одно предложение) [2].

Во-вторых, право адвоката-защитника на участие в прениях сторон, может быть ограничено судом. Такое ограничение проявляется в лишении судом адвоката-защитника права на выступление в прениях сторон, прерывание председательствующим выступления адвоката-защитника в прениях, непредоставлении адвокату-защитнику времени для подготовки к прениям, непредоставление права выступить с репликой. Ограничивая право адвоката-защитника на участие в прениях сторон, суд нередко необоснованно ссылается на злоупотребление адвокатом-защитником своими правами, как причину ограничения. Например, при рассмотрении Краснодарским краевым судом РФ по первой инстанции уголовного дела в отношении Г., А., О., Я., председательствующий неоднократно останавливал выступление адвокатов-защитников, запрещая высказываться о недопустимости доказательств, а затем лишил адвоката-защитника Т. права выступления в судебных прениях со ссылкой на то, что ранее судом принято решение о допустимости этих доказательств, а адвокат-защитник неправильно интерпретирует имеющиеся доказательства, злоупотребляя своими правами. Суд апелляционной инстанции – Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отменяя приговор по данному

уголовному делу, указал, что председательствующим судьей установлены не основанные на законе ограничения для участия защитника в судебных прениях. Выступая в судебных прениях, защитник вправе дать оценку всем исследованным доказательствам, в том числе, и тем, в отношении которых судом принималось решение об отказе в признании их недопустимыми [3].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил возможность ограничения права обвиняемого на защиту в случае недобросовестного использования обвиняемым или его защитником правомочий в ущерб интересам других участников процесса: «Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц» (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [4]). Хотя в данном Постановлении не употребляется понятие «злоупотребление правом на защиту», но подразумевается, тогда как Конституционный Суд РФ в своих решениях непосредственно использует понятие «злоупотребление правом», в частности, злоупотребление правом на защиту.

В научной литературе отмечается, что используемая в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ формулировка «недобросовестное использование обвиняемым или его защитником правомочий в ущерб интересам других участников процесса» представляется весьма опасной в применении, поскольку не предлагает никаких критериев для определения добросовестности/недобросовестности использования участником процесса своих правомочий, само же по себе наличие «ущерба интересам других участников процесса» не может служить достаточным основанием для отнесения поведения участника к категории злоупотребления правом, поскольку в силу объективно существующего в уголовном процессе противоречия между интересами сторон и даже различных участников, действующих на одной стороне, любая эффективная реализация одним из участников уголовного судопроизводства своих процессуальных прав может привести к ущербу для интересов других участников. Ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника могут привести к произвольному лишению данных участников уголовного процесса их прав [5].

Приведенные положения п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 были восприняты корпоративными актами адвокатуры и в настоящее время дословно воспроизведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов РФ «О двойной защите» от 27.09.2013 г. в редакции от 28.11.2019 г. [6].

Термин «добросовестность» используется в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре – в соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [7]: Адвокат обязан: 1) честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами». Данный термин используется и в нормах профессиональной этики адвоката, так, в соответствии с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката [8]: «При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан: 1) честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией РФ, законом и настоящим Кодексом». Таким образом, добросовестность, является оценочной категорией применительно к содержанию профессиональной деятельности адвоката, к реализации им профес-

сиональных прав. Недобросовестность является в большей степени нравственно-этической, а не правовой категорией [9].

Анализируемые нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката закрепляют обязанность адвоката действовать добросовестно в первую очередь в интересах доверителя. Сформировалась соответствующая дисциплинарная адвокатская практика по вопросу несоблюдения адвокатом-защитником требования добросовестности при осуществлении защиты подозреваемого, обвиняемого. Так, нарушением адвокатом-защитником положений пп. 1 п. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики признаются: подписание адвокатом-защитником протоколов допроса подзащитного в качестве подозреваемого, обвиняемого, без фактического проведения следственного действия; участие адвоката в качестве защитника, в случаях, когда имелись основания для его отвода; и некоторые другие [10, с. 919]. В указанных типичных случаях, согласно дисциплинарной адвокатской практике, презумпция добросовестности адвоката считается опровергнутой.

Поскольку положения п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 о «недобросовестном использовании обвиняемым или его защитником правомочий в ущерб интересам других участников процесса» были восприняты корпоративными актами адвокатуры, то не/добросовестность профессиональной деятельности адвоката теперь подлежит оценке не только с точки зрения обеспечения законных интересов доверителя, но и с точки зрения не нанесения ущерба интересам других участников уголовного процесса.

Список использованной литературы

1. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве: принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru>. – Дата доступа: 08.04.2022.

2. Калинкина, Л. Д. Размышления по поводу речи адвоката в одно предложение / Л. Д. Калинкина // Адвокатская практика. – 2019. – № 1. – С. 23–27.

3. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.02.2020 г. по делу № 18-АПУ19-29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 08.04.2022.

4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 08.04.2022.

5. Трубникова, Т. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства / Т. В. Трубникова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Право. – 2015. – № 3 (17). – С. 65–78.

6. Решение Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 27.09.2013 г. «О двойной защите» (в ред. от 28.11.2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru>. – Дата доступа: 08.04.2022.

7. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2020 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 08.04.2022.

8. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 г. (в ред. от 15.04.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. – Дата доступа: 08.04.2022.

9. Чаплыгина, В. Н. Сравнительно-правовой анализ нравственно этический категорий «добросовестность» и «недобросовестность» в уголовно-процессуальном праве России / В. Н. Чаплыгина // *Личность, право, государство*. – 2017. – № 2. – С. 57–66.

10. Крысина, Н. Р. К вопросу о недобросовестном использовании адвокатом-защитником процессуальных правомочий в ущерб интересам других участников уголовного процесса / Н. Р. Крысина, И. А. Вдовина // *XLIX Огарёвские чтения : материалы науч. конф. : в 3 ч. [Электронный ресурс] / сост. А. В. Столяров ; отв. за вып. П. В. Сенин*. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2021. Ч. 3. – С. 918–921.

УДК 656.2.08

И. Г. Кудрин, В. В. Медведева

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
ВИНОВНЫХ ЛИЦ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПРИ ПОКУШЕНИИ НА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ**

В статье раскрыты актуальные проблемные вопросы привлечения виновных лиц к уголовной ответственности при покушении на жизнь и здоровье военнослужащих Республики Беларусь и членов их семей, а так же разработаны основные направления по внесению и изменению предложений в законодательство Республики Беларусь в исследуемой сфере.

Защита Республики Беларусь в соответствии со статьей 57 Конституции Республики Беларусь, – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь [1, с. 17]. В истории Беларуси это всегда была одной из важнейших функций государства, а военная служба – почетной обязанностью граждан.

Под защитой Республики Беларусь следует, прежде всего, понимать оборону страны, охрану ее суверенитета и безопасности, обеспечение целостности и неприкосновенности ее территории, независимости конституционного строя. Военная служба в этих целях и осуществляется.

Традиционно правовой статус (от лат. status) человека и гражданина характеризуется как система прав и обязанностей, законодательно закрепляемая государством в конституциях и иных нормативных правовых актах. При этом общий правовой статус личности включает в себя общие права и обязанности, принадлежащие всем гражданам (как общие конституционные, так и общие отраслевые) [2, с. 237].

Следует отметить, что существует специальный правовой статус, конкретизирующий и дополняющий общие права и обязанности личности с учетом специфики ее социального, служебного и иного положения. Специальный правовой статус характеризует особенности положения определенной категории граждан. В данной статье авторами анализируется статус военнослужащих.

Под статусом военнослужащих понимается совокупность прав, свобод, обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных Конституцией Республики Беларусь [1], Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» [3] и иными законодательными актами Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь. Конкретное определение совокупности: реального содержания (объема) прав, свобод, обязанностей и ответственности зависит от многих обстоятельств и является достаточно сложной системой.

В Республике Беларусь правовой статус военнослужащих распространяется на граждан Республики Беларусь проходящих военную службу по призыву и контракту в Вооруженных Силах Республики Беларусь, внутренних войсках Министерства

внутренних дел, органах государственной безопасности, органах пограничной службы, Службе безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитическом центре при Президенте Республики Беларусь и других воинских формированиях, создаваемых в соответствии с законодательством [4, ст. 1].

Статус военнослужащего приобретает гражданами Республики Беларусь со дня начала состояния на военной службе и утрачивается со дня, следующего за днем окончания состояния на военной службе.

Правовой статус военнослужащего является сложной по своей структуре правовой конструкцией. Он имеет двухсоставную структуру: с одной стороны, на военнослужащих распространяются нормы общего законодательства, поэтому он обладает правами граждан Республики Беларусь в целом, а с другой – в отношении военнослужащих действует специальное военное законодательство, которое в силу особенностей военной службы предусматривает для военнослужащих не только дополнительные права (например, на социальные льготы), но и дополнительные обязанности.

Необходимо отметить, что важной особенностью правового статуса военнослужащих является и то, что их ответственность, страхование и пенсионное обеспечение (в случае получения травмы или инвалидности) зависит от того, находятся они или не находятся при исполнении обязанностей военной службы.

Военнослужащие находятся при исполнении обязанностей военной службы и во время оказания помощи сотрудникам правоохранительных органов в обеспечении законности и правопорядка, а также защиты жизни, здоровья, чести и достоинства граждан.

Так, для обеспечения законности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, а также охраны Государственной границы Республики Беларусь могут привлекаться лица, на которых распространяется статус военнослужащих. При этом проблемным вопросом, так называемым – законодательным пробелом, является в отсутствие наделения специальным статусом военнослужащих при выполнении ими служебно-боевых задач.

В соответствии со статьей 14 Закона Республики Беларусь от 3 июня 1993 года «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь» на военнослужащих внутренних войск при исполнении ими обязанностей органов внутренних дел распространяется статус сотрудника органов внутренних дел [5, ст. 14].

Но при привлечении военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь и военнослужащих (сотрудников) Государственного пограничного комитета Республики Беларусь для выполнения этих же задач и выполнения ими схожих обязанностей сотрудников органов внутренних дел по пресечению массовых беспорядков, групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок, и несанкционированных массовых мероприятий, сопряженных с применением насилия в отношении лиц, пресекающих данные противоправные действия, статус сотрудника органов внутренних дел на них не распространяется.

В связи с этим, актуальной почвой для изучения является привлечение лиц к уголовной ответственности за действия в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Республики Беларусь и военнослужащих (сотрудников) Органов пограничной службы Республики Беларусь.

Становится актуальным вопрос также и о порядке применения физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники военнослужащими Вооруженных Сил Республики Беларусь и внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь при выполнении этих служебно-боевых задач, т.к. применение таких действий в соответствии с действующим законодательством имеют право только военнослужащие и сотрудники Государственного пограничного комитета Республики Беларусь.

Следует отметить, что при выполнении задач боевой службы на Государственной границе Республике Беларусь и в приграничных районах автоматически затрагиваются и вопросы страхования и пенсионного обеспечения военнослужащих. При совершении расчета пенсии военнослужащим, охраняющим Государственную границу Республики Беларусь, исчисление производится за выслугу лет. При этом, один месяц исчисляется как 1,5 месяца с учетом предоставления отпуска равному 45 суткам.

Таким образом, авторы полагают, что решение этих вопросов возможно при изменении и дополнении статьи 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» абзацам следующего содержания: «На военнослужащих при выполнении ими задач, возложенных на другие государственные органы и военные организации, распространяется правовой статус военнослужащего (сотрудника) тех государственных организаций, других войск и воинских формирований, в которые они откомандированы». Такая правовая дефиниция позволит дополнительно простимулировать и повысить качество выполнения стоящих перед военнослужащими задач.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 80 с.

2. Вишневский, А. Ф. Общая теория государства и права: учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. В. А. Кучинского. – Минск: Интегралполиграф, 2009. – 552 с.

3. О статусе военнослужащих [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 100-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Об утверждении Положения о порядке прохождения военной службы [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 25 апреля 2005 г., № 186: в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 02.05.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 января 2010 г., № 100-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.102

Н. В. Машинская

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
Архангельск)*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗЪЯТИЕМ И КОПИРОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ

В настоящей работе исследуется механизм проведения следственных действий, направленных на изъятие и копирование электронных носителей информации, с точки зрения обеспечения прав владельцев и обладателей указанной информации. В результате

констатируется несовершенство процессуального порядка, формулируется вывод о необходимости изменения редакции ст. 164.1 УПК РФ.

Федеральным законом от 27.12.2018 г. № 533 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) включена ст. 164.1, устанавливающая порядок изъятия электронных носителей информации (далее – ЭНИ) при производстве следственных действий. Названная норма одобрительно воспринята юридическим сообществом и представителями бизнеса, поскольку изъятие электронных носителей информации допускается лишь в определенных ч.1 ст. 164.1 УПК РФ случаях, при этом по общему правилу при производстве по уголовному делу налагается запрет на изъятие такой информации в случае совершения преступления предпринимателем (ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ). Вне всякого сомнения, созданный правовой механизм исключает произвольное изъятие электронной информации, не допускает вследствие такового необоснованное приостановление или ограничение профессиональной деятельности предпринимателей, наступления других неблагоприятных последствий.

Однако, несмотря на то, что специальный правовой режим создан, анализ рассматриваемой нормы вынуждает констатировать ее несовершенство с точки зрения обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, являющихся законным владельцем или обладателем указанной информации.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ при изъятии ЭНИ законный владелец вправе заявить ходатайство о копировании информации, которое осуществляется на другой носитель. При этом неизбежно реализация рассматриваемого права зависит от наличия у владельца или обладателя ЭНИ другого электронного носителя. Установление такого порядка фактически освобождает следователя от обязанности оказывать содействие в реализации предоставляемого права, что не вполне согласуется с принципиальным положением, закрепленным в ч.1 ст. 11 УПК РФ о том, что следователь не только обязан разъяснить права участникам процесса, но и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Подобная ситуация стала предметом обжалования действий следователя в порядке ст. 125 УПК РФ, где в качестве ее основания указывается, что в ходе проверки по сообщению о совершенном преступлении следователь одновременно проводил два осмотра места происшествия: в офисе и помещении цеха предприятия, что исключило возможность участия директора организации сразу в двух осмотрах, а, следовательно, реализацию им прав, в том числе, предусмотренного ч.2 ст. 164.1 УПК РФ. Возможность привлечения к осмотру мест происшествия другого представителя администрации ООО не предоставлялась (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2020 г. № 77-431/2020). Таким образом, существующее правило, по-прежнему дает возможность лицам, осуществляющим предварительное расследование обходить установленные УПК РФ правила и запреты и фактически изымать электронные носители информации без реального предоставления их владельцам возможности скопировать необходимую информацию. Как показал опрос следователей, случаи изъятия носителя электронной информации преобладают по сравнению с фактами, сопровождающимися копированием таковой, поскольку изъятие позволяет существенно сократить время при производстве следственного действия, не требует поиска другого качественного электронного носителя, позволяющего скопировать информацию.

Сказанное приобретает еще большую остроту в связи с тем, что в соответствии со ст.176 и 177 УПК РФ изъятие в ходе осмотра места происшествия следователь вправе провести до возбуждения уголовного дела. Наблюдается парадоксальная ситуация: ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ запрещает изъятие электронных носителей информации при производстве по уголовному делу, однако в стадии возбуждения уголовного дела, когда решение об уголовном преследовании еще не принято, изъятие электронных носителей допускается. Подтверждением этому служит судебная практика. Так, суд кассационной инстанции признал необоснованными выводы

нижестоящего суда, признавшего изъятие системного блока в ходе проверки незаконным на том основании, что лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности не установлено, квалификация его действиям не дана, соответственно, правила ч.1 ст. 164.1 УПК РФ применению не подлежат. В своем решении суд кассационной инстанции отметил, что осмотр места происшествия, в ходе которого допускается изъятие предметов, имеющих значение для уголовного дела, направлен на достижение конституционно оправданных целей и проводится при наличии заявления о преступлении или сообщения о нем, что делает законным и обоснованным и его производство, и изъятие предметов (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2020 г. № 77-431/2020). Полученная таким способом информация зачастую подвергается экспертному исследованию (ч.4 ст. 195 УПК РФ), которое может осуществляться в срок до 30 суток. Таким образом, складывается ситуация, когда до вступления в силу ограничений, предусмотренных ст. 164.1 УПК РФ, носитель электронной информации изъят, деятельность предпринимателя приостановлена, однако признаки преступления еще не обнаружены и вопрос о возбуждении уголовного дела остается открытым. Учитывая изложенное, представляется необходимым устранить выявленное противоречие на законодательном уровне, предусмотрев в стадии возбуждения уголовного дела лишь возможность копирования электронной информации. В исключительных случаях, когда есть основания полагать, что имеющаяся на электронном носителе информация, содержит сведения о совершенном или готовящемся преступлении, изъятие информации должно осуществляться при наличии судебного решения. Такой порядок уже сформирован в уголовном судопроизводстве и закреплен в ч.3 ст. 183 УПК РФ. Наряду с этим следователь обязан обеспечивать реальную возможность владельцу информации или его обладателю скопировать информацию с изымаемого источника, предоставив для этого необходимое время для приобретения соответствующего носителя и копирования информации.

В анализируемой норме видится еще один недостаток. В соответствии с ч.2 ст. 164.1 УПК РФ следователь в обязательном порядке привлекает специалиста к изъятию электронной информации в ходе следственных действий. Думается, что устанавливая указанное правило, законодатель преследовал двоякую цель. С одной стороны - обеспечить техническое сопровождение следственного действия, с тем, чтобы не допустить утрату информации, ее искажение либо повреждение, чем создать почву для оспаривания допустимости рассматриваемого доказательства в дальнейшем. С другой - обеспечить законный интерес владельца электронного носителя информации по ее сохранению и дальнейшему использованию. По правилам ч.1 ст. 75 УПК РФ нарушение процессуальной формы изъятия и проведение следственного действия, влечет признание полученных таким способом доказательств недопустимыми (ч.1 ст. 75 УПК РФ). Казалось бы, указанное правило должно распространяться и на случаи нарушения требования, предусмотренного ч.2 ст. 164.1 УПК РФ. Никаких исключений по участию специалиста при изъятии электронной информации рассматриваемая норма не содержит. Однако судебная практика идет по другому пути и признает участие специалиста обязательным лишь в случае копирования электронной информации. Так, отказывая защитнику в удовлетворении ходатайства о признании незаконным изъятие флеш-носителя, суд указал, что привлечение специалиста необходимо, когда следует исключить возможность утраты информации либо ее искажения [1, с. 47-51]. Если в ходе следственного действия изымаются предметы, свойство которых не указывают на необходимость привлечения специалиста для реализации обозначенной цели, то участие специалиста не требуется (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021г. № 77-292/2021, 77-3230/2020; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2021 г. № 77-1475/2021). В таких случаях следователь решает вопрос на основании общих положений УПК РФ о том, что специалист привлекается к участию в следственных действиях по усмотрению

следователя. Кроме того, в силу ч.3 ст. 164.1 УПК РФ следователь вправе самостоятельно осуществить копирование информации с электронного носителя. При таких обстоятельствах в целях обеспечения прав и законных интересов владельцев и обладателей изъятой информации представляется необходимым осуществлять осмотр информации по месту проведения предварительного расследования с обязательным привлечением специалиста (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 2 сентября 2020 г. № 1788/2020). Такой порядок обеспечит правильное с технической точки зрения обращение с изъятой информацией, а, следовательно, ее сохранение, что обеспечит возможность ее дальнейшего использования в профессиональной деятельности. О целесообразности именно такой практики высказывались и ученые-процессуалисты [2, с.47; 3, с.58].

Таким образом, анализ законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации, судебной практики в части обеспечения прав и законных интересов владельцев и обладателей электронной информации позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования рассматриваемого порядка. Представляется, что предложенные изменения будут способствовать не только повышению уровня обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, но и способствовать единообразному применению нормы, предусмотренной ст. 164.1 УПК РФ.

Список использованной литературы

1. Машинская, Н. В. Проблемы законодательного регулирования изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий / Н.В. Машинская // Общество и право. – 2022. – №1 (79). – С. 47–51.
2. Гаврилин, Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Гаврилин // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4. – С.47.
3. Зуев, С. В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий / С. В. Зуев // Законность. – 2018. – №4. – С.58.

УДК 343.1

Н. О. Никурадзе, Е. В. Мищенко, Е. А. Марина
(Оренбургский государственный университет, Оренбург)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВОСУДИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена рассмотрению вопросов применения искусственного интеллекта в отправлении правосудия, что в условиях глобальной цифровизации общества особенно актуально. Преимущества и недостатки систем искусственного интеллекта, опыт зарубежных стран и России, потенциальные угрозы и риски стали предметом рассмотрения данного научного исследования и обуславливают его новизну. В качестве доминантной определена проблема противоречивости прогрессивных научных взглядов о преимуществах использования искусственного интеллекта в правосудии и потенциальных рисках машинного обучения.

В эпоху глобальной цифровизации особую значимость приобретают технологические решения для юристов как одной из составляющих приоритетного развития информационного общества не только в России, но и других странах мира. Период пандемии коронавируса стал решающим в развитии мирового LegalTech (сокращ. от англ. legal technology – юридические технологии), разрабатывающих

технологические продукты для упрощения и оптимизации юридической деятельности, преимущественно в бизнес-секторе по двум основным направлениям: оптимизация рабочих процессов, связанных с анализом судебной практики и законодательной базы, составлением договоров и т.д.; оптимизация информационных процессов по отслеживанию случаев интернет-мошенничества, пиратского контента, контрафакта и т.д. Автоматизация и средства удаленного доступа в юриспруденции стали условием «выживания» различных направлений жизнедеятельности современного общества. В настоящее время такие технологические решения актуальны и в секторе государственного регулирования различных направлений юридической деятельности – правотворческой, правоохранительной и правоприменительной. При этом особого внимания заслуживает область уголовного судопроизводства, мало поддающаяся цифровой трансформации ввиду ее консервативности и специфики правового регулирования общественных отношений.

Науке уголовного процесса учеными давно рассматриваются различные проблемные аспекты применения цифровых технологий в производстве по уголовным делам, использование государственных автоматизированных систем, баз данных, облачных хранилищ, справочных правовых систем, средств видео-конференц-связи, электронных носителей информации и т.п. Сегодня актуальны прогрессивные идеи об электронизации порядка уголовного судопроизводства, роботизации типичных технических функций органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, а также внедрении искусственного интеллекта в систему отправления правосудия.

Искусственный интеллект можно рассматривать как алгоритмы, способные обучаться и достигать поставленные человеком цели на основе применения сформированных знаний, и как свойство интеллектуальных систем выполнять различные функции, традиционно являющиеся прерогативой человека. К предметным областям научных исследований искусственного интеллекта относят робототехнику, обработку естественного языка, нейронные сети, компьютерное зрение, обучение машины, рассуждения на основе конкретных случаев и многое другое. Применение искусственного интеллекта в юриспруденции, как отмечают ученые, обещает совершенствование доступности, эффективности и справедливости национальных правовых систем. Однако в гонке за «удобством и упрощением» нельзя оставить без внимания проблему «лжеэффективности», ставящей под сомнение работу алгоритмов искусственного интеллекта, этический аспект его применения и т.д.

И так, мы все чаще слышим о новых технологиях анализа судебной практики, прошедших путь от обычной оцифровки судебных решений до разработки интеллектуальных алгоритмов ее обработки для классификации, группировки рассматриваемых судами дел и даже принятия итоговых решений по заданным параметрам, на основе заложенного массива ранее принятых судебных решений, когда достаточно анализа представленных сторонами доказательств в виде разного рода документов. Подобные технологии применяются в Китае. Так в сентябре 2018 года в Пекине создан интернет-суд, который рассматривает все споры, связанные с Интернетом, преимущественно по вопросам авторских прав – 77,7 % [1]. Важно отметить, что прообразом применения искусственного интеллекта в отпадении правосудия по уголовным делам все-таки выступает сфера гражданско-правовых споров, так как именно они выступали экспериментальной платформой.

Российское уголовное судопроизводство имеет особенности, которые выступают барьером проникновения в него современных технологий искусственного интеллекта максимально приближенных к способностям человека, ввиду общественной опасности совершаемых преступлений, а также специфики самой правовой системы, исключаящей судебный прецедент как основание принятия судебных решений, обязывающей к рассмотрению и разрешению каждого уголовного дела с учетом его индивидуальных особенностей, без какой-либо аналогии. Другими словами, добиться, так называемой типич-

зации уголовных дел, практически невозможно. Для формирования подхода относительно перспектив применения технологий искусственного интеллекта в российском уголовном процессе целесообразно обратиться к опыту и научным взглядам зарубежных стран.

В Бразилии в мае 2018 года Министром Кармен Люсией было объявлено о начале работы проекта VICTOR при Верховном суде, направленного на обеспечение повышения эффективности и скорости судебной оценки поступающих дел, посредством технологий искусственного интеллекта, названного в честь Виктора Нуньеса Леала – главного реформатора судебной системы Верховного суда, облегчившего применение судебных прецедентов в порядке апелляции. Данный проект выполняет: преобразование изображений в тексты в цифровом процессе, разделение начала и конца документа (процессуального фрагмента, решения и т.д.), разделение и классификацию наиболее используемых процессуальных документов, из числа загруженных в систему, и выявление дел большей распространенности в работе Верховного суда. В тестовом режиме прошел скрининг подлежащих рассмотрению дел с точностью 84 % и определена последующая его перспектива до 95%. оцифровка процесса вместо трехчасовой работы сервера, может теперь занимать не более 5 секунд [2]. Проект позволяет с помощью искусственного интеллекта на начальном этапе поступления материалов в Верховный суд определять к какой категории дел они могут быть отнесены и какие типовые решения по ним могут быть приняты. Главная цель проекта – добиться высокой точности в работе изложенного принципа сортировки материалов дел, на основе сложного машинного обучения.

В своем исследовании Де Санктис о состоянии использования искусственного интеллекта в бразильской системе правосудия отмечает его способность обеспечить гибкость и точность практики судебных решений, которые могут быть результатом комбинации алгоритмов, основанных на машинном обучении посредством текстового анализа судебных дел, выступающих моделями. При этом эффективность его применения зависит от степени исключения этических проблем, возникающих ввиду риска ошибочной классификации и дезинформации в системе, ошибочного или недобросовестно подобранного алгоритма и т.д., ввиду чего выбор – будут ли судебные решения результатом человеческого мышления или машины, должен оставаться за уполномоченными должностными лицами [3].

Сегодня в Бразилии инструменты искусственного интеллекта работают в судебной системе частично в полную силу и частично экспериментально, однако результат ускорения производств достигнут. Например, Суд штата Минас-Жерайс разработал систему искусственного интеллекта под названием Radar, позволяющую проверять типовые повторяющиеся дела и принимать по ним стандартизированные решения. В Высшем суде система «Сократ» производит автоматизированное рассмотрение апелляции и решения по апелляции, представление законодательных ссылок, перечисление аналогичных дел и предложение стандартного решения, которое, однако, всегда будет оставаться за судьей. Не менее интересны роботизированной технологии «Clara». Она способна читать документы, предлагать задачи и рекомендовать решения, например, об отмене наказания, при доказанности уплаты налогов, посредством введения в систему стандартного решения, подтверждаемого или отклоняемого сервером [4].

Рассматривая применение искусственного интеллекта в уголовном правосудии США ученые отмечают, что полученный правоприменительный опыт свидетельствует о предостережении от «ловушки эффективности». В США искусственный интеллект используется для оптимизации судебных заседаний по вопросам применения залога к обвиняемым, а также обработки судебных приговоров, принимаемых на всей территории страны, однако существуют риски оспаривания справедливости, правильности и безошибочности заданных алгоритмов работы технологий с искусственным интеллектом. Результатом может стать дегуманизация всей правовой системы, где верховенство закона есть высшая ценность, поскольку технологии искусственного

интеллекта лишены чувств, а заданные алгоритмы не всегда поддаются гибкости и могут искажать нерушимые принципы, например, презумпцию невиновности, согласно которой каждый человек предопределён как законопослушный, если обратное не будет доказано в установленном законом порядке. И такие риски не должны рассматриваться как отдаленные в демократических правовых государствах [5].

Россия в вопросах цифровизации сферы уголовного судопроизводства не отстает от лидирующих стран мира. Сегодня действуют государственные автоматизированные системы «Правосудие», «Правовая статистика» и др. частично основанные на применении инструментов искусственного интеллекта. Это как правило интеллектуальные системы анализа данных: о функциональных возможностях системы; типичных ошибках; потенциальных угрозах; оценок пользователей интернет-порталов и т.д. Функциональные возможности ГАС «Правосудие» предусматривают более пятнадцати платформ, среди которых, безусловно, имеются обеспечивающие дистанционный доступ к правосудию, электронный документооборот, аккумулирование базы данных судебных решений, в том числе и по уголовным делам, и многое другое. ГАС «Правовая статистика» обеспечивает автоматизированный анализ, накопление и обработку данных о состоянии преступности на территории России по различным классификационным основаниям, посредством ввода данных органами предварительного расследования еще на стадии досудебного производства по уголовным делам. В экспертной деятельности при производстве по уголовным делам применяются системы анализа изображений (почерка, печатей, следов обуви, рук, портреты и т.д.), системы вспомогательных расчетов и моделей (моделирование криминалистических ситуаций, версий), автоматизированные системы решения экспертных задач и подготовки экспертного заключения, в основу работы которых заложены возможности искусственного интеллекта. Однако, речь не идет о замене человека искусственным интеллектом. Этот атрибут современности целесообразен для выполнения операций, требующих больших интеллектуальных затрат, но не связанных с принятием процессуальных решений, поскольку целью является облегчить и ускорить работу должностных лиц.

В России действует указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», определяющий приоритетные направления развития в том числе в правоохранительной деятельности органов уголовного преследования и отправления правосудия. Бесспорно, эксперты все чаще поднимают вопросы о допустимости применения искусственного интеллекта, максимально приближенного к возможностям человеческого мышления, в правосудии по уголовным делам, выполняющего задачи: общение с человеком на естественном языке; запоминание сложных взаимосвязанных фактов, их анализ и логическое решение; предложение потенциально возможных решений по уголовным делам; выстраивание плана – алгоритма действий, по рассмотрению уголовного дела судом; компьютерное зрение; робототехника и виртуализация по материалам уголовного дела.

Вопрос применения искусственного интеллекта в области отправления правосудия по уголовным делам в России является спорным как в науке уголовного процесса, так и практики правоприменения. Высказываются точки зрения прямо противоположные – от категоричного отрицания такой возможности, ввиду законодательного закрепления оценки доказательств судом, руководствуясь внутренним убеждением и недопустимости аналогии, до «революционного» признания приоритета за искусственным интеллектом. Научные сообщества различных стран мира, выделяя преимущества систем искусственного интеллекта, отмечают их широкую доступность и оснащенность совершенными знаниями в области права и судебной практики, способность обеспечивать самооптимизацию, процессуальную экономию времени, человеческих и финансовых ресурсов, принимать решения по уголовным делам абстрактно от расовых и иных предубеждений, субъективных

факторов, устанавливая истинность фактов быстро и дешево. Однако надо понимать, что главной задачей должна оставаться не упрощение судебных процедур, а, в первую очередь, эффективная защита прав участников уголовного судопроизводства. Если и говорить о применении искусственного интеллекта в отправлении правосудия по уголовным делам, то необходимо обозначить ряд элементарных обязательных:

- приоритет за решением профессионального судьи – возможность отказаться от решения, предлагаемого системой искусственного интеллекта;
- приоритет за непосредственным обращением к суду – возможность обратиться в суд лично без использования искусственного интеллекта;
- оспариваемость решения, принятого системой искусственного интеллекта – возможность участника уголовного судопроизводства обжаловать принятое системой решение, затрагивающее его права и законные интересы.

Список использованной литературы

1. Beijing Internet Court Year 1: Inside China's Internet Court Series – 05. – Available from: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/beijing-internet-courts-first-year-at-a-glance>. – Date of access: 04.25.2022.

2. Minister Carmen Lucia announces the launch of Project Victor, artificial intelligence. Artificial intelligence will speed up the consideration of cases in the Supreme Court. – Available from: <https://stf.jusbrasil.com.br/noticias/620175789/ministra-carmen-lucia-anuncia-inicio-de-funcionamento-do-projeto-victor-de-inteligencia-artificial>. – Date of access: 25.04. 2022.

3. De Sanctis, F. (2021). Artificial intelligence and innovation in Brazilian justice. *International Annals of Criminology*. – 59(1), 1-10. doi:10.1017/cri.2021.4.

4. CNJ. The judicial system is gaining flexibility with the use of artificial intelligence. Published on 03.04.2019. – Available from: <https://www.cnj.jus.br/noticias/cnj/88698-judiciario-ganha-agilidade-com-uso-de-inteligencia-artificial>. – Date of access: 25.04. 2022.

5. Economou, N., & Hedin, B. (2020). Legal Systems at a Crossroads: Justice in the Age of Artificial Intelligence. In A. Naqvi & J. Munoz (Eds.), *Handbook of Artificial Intelligence and Robotic Process Automation: Policy and Government Applications* (pp. 119-128). Anthem Press.

УДК 343.131

В. В. Пятрова

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

САЦЫЯЛЬНА-ПСІХАЛАГІЧНАЯ НАСЫЧАНАСЦЬ КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВАСУДДЗЯ З УДЗЕЛАМ НЕПАЎНАЛЕТНІХ

Артыкул прысвечаны сацыяльнай насычанасці правосуддзя з удзелам непаўналетніх. Аўтар звяртае ўвагу на неабходнасць падрыхтоўкі спецыяльнай справаздачы аб сацыяльным абследаванні і ўскладанні функцыі яе падрыхтоўкі на спецыялізаваныя органы дзяржавы. Таксама адзначаецца важнасць псіхалагічнай дапамогі падчас вядзення па справах непаўналетніх. У артыкуле становіцца ацэньваецца заканадаўчае замацаванне дружалюбных дзеяў пакояў для допыту. Указваецца на важнасць спецыяльнай падрыхтоўкі следчых і суддзяў для допыту непаўналетніх абвінавчаных і падазраваных.

Неабходнасць абароны дзяцінства – аб'ектыўная ўмова развіцця любога грамадства. Важна стварыць ўмовы для развіцця асобы кожнага дзіцяці, незалежна ад жыццёвай сітуацыі, у якой ён ці яна апынуліся. Асабліва востра пытанне аб

сацыяльным дабрабыце стаіць пры вытворчасці па матэрыялах і крымінальнай справе, калі разглядаецца пытанне аб прыцягненні да крымінальнай адказнасці.

Прынцып найлепшага забеспячэння інтарэсаў дзіцяці складае аснову прававога статусу непаўналетняга ў адпаведнасці з арт.3 Канвенцыі ААН 1989 г. аб правах дзіцяці, у адпаведнасці з якой ва ўсіх дзеяннях у адносінах да дзяцей, незалежна ад таго, прадпрымаюцца яны дзяржаўнымі або прыватнымі ўстановамі, якія займаюцца пытаннімі сацыяльнага забеспячэння, судамі, адміністрацыйнымі або заканадаўчымі органамі, першачарговая ўвага надаецца найлепшаму забеспячэнню інтарэсаў дзіцяці.

Сацыяльная насычанасць правасуддзя па справах з удзелам непаўналетніх з'явілася з развіццём ювенальнай юстыцыі як сістэмы барацьбы з падлеткавай злачыннасцю. Сутнасць гэтага прынцыпу – у шырокім выкарыстанні ў крымінальным працэсе па справах непаўналетніх неюрдычных спецыяльных ведаў і акцэнт на вывучэнні сацыяльных умоў жыцця непаўналетніх, якія здзейснілі правапарушэнне.

У межах ювенальнай юстыцыі адбываецца сацыяльнае насычэнне ўсяго юрыдычнага працэсу дадзенымі з неюрдычных крыніц. Размова ідзе не толькі аб прыцягненні да ўдзелу ў працэсе экспертаў ці спецыялістаў, але і аб выкарыстанні ў рамках ювенальнай юстыцыі дадзеных, атрыманых ад дапаможных службаў. Выкарыстанне такіх дадзеных – адна з галоўных асаблівасцяў крымінальнага працэсу ў «класічным» правасуддзі па справах непаўналетніх.

Так, п. 16.1 Мінімальнага стандартнага правілаў ААН, якія тычацца адпраўлення правасуддзя ў адносінах да непаўналетніх ад 29 лістапада 1985 года (далей – Пекінскія правілы), патрабуе, каб ва ўсіх выпадках, за выключэннем дробных правапарушэнняў, да вынясення кампетэнтным органам улады канчатковага рашэння, якое папярэднічае прыговору, неабходна старанна вывучыць асяроддзе і ўмовы, у якіх жыве непаўналетні, або абставіны, пры якіх было ўчынена правапарушэнне, з тым, каб садзейнічаць вынясенню кампетэнтным органам улады разумнага судовага рашэння па справе.

Заканадаўства Рэспублікі Беларусь таксама прытрымліваецца неабходнасці даследавання ўмоў жыцця і выхавання непаўналетняга (ч.2 арт.89 Крымінальна-працэсуальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей – КПК).

Разам з тым сацыяльная насычанасць ювенальнай юстыцыі вызначаецца не толькі дадатковымі абставінамі прадмета даказвання, але і прыцягненнем розных сацыяльных службаў. Звычайна гэта работа ажыццяўляецца на аснове спецыялізацыі, і рэалізуецца ў выглядзе падрыхтоўкі дакладаў аб выніках сацыяльнага абследавання.

Адным з прыкладаў рэалізацыі функцыі сацыяльнага абследавання якую выконваюць работнікі суда з'яўляецца ювенальная сістэма Польшчы. У гэтай краіне абавязак па збіранні падобных звестак ускладзены на службовую асобу пры сямейным судзе – судовага (сямейнага) куратара. Складанае ім для суда заключэння па зместу ўключае: апісанне паводзін і ўмоў выхавання, стан здароўя, паспяховасць у школе або поспехі на працы, як непаўналетні праводзіць вольны час, кантакты з аднагодкамі і іншымі асобамі, якія могуць аказаць уздзеянне на яго выхаванне; інфармацыя аб членах сям'і і адносінах бацькоў (законных прадстаўнікоў), спосабах выхавання ў сям'і і канфліктах наяўных у сям'і. Указваюцца інфармацыя аб матэрыяльных і бытавых умовах сям'і непаўналетняга, а таксама сацыяльных паталогіяў у сям'і (пры іх наяўнасці).

Сацыяльная насычанасць правасуддзя па справах непаўналетніх можа выражацца не толькі ў правядзенні сацыяльнага абследавання ў адносінах да непаўналетніх, але і аказанні псіхалагічнай падтрымкі непаўналетняму пры адпраўленні правасуддзя.

У цяперашні час крымінальна-працэсуальны закон Рэспублікі Беларусь прадугледжвае прысутнасць педагога (псіхолога) пры вытворчасці допыту непаўналетніх падазронага, абвінавачанага, пацярпелага і сведкі (арт. 221, 332, 435 КПК).

Канцэптуальным з'яўляецца той факт, што ў адрозненне ад крымінальна-працэсуальных законаў іншых краін СНД згодна з айчынным – педагог (псіхолаг) нададзены статусам спецыяліста (ч.1 арт.62). А гэта азначае, што яго задача – удзельнічаць у вытворчасці следчых і іншых працэсуальных дзеянняў, выкарыстоўваючы спецыяльныя веды, навыкі і навукова-тэхнічныя сродкі для выяўлення, замацавання і канфіскацыі доказаў.

Такім чынам, нельга не адзначыць, што сёння закон не выключае магчымасць удзелу педагога ці псіхолага пры вытворчасці не толькі допыту, але і іншых працэсуальных дзеянняў, асабліва звязаных з атрыманнем паказанняў, такіх як вочная стаўка ці праверка паказанняў на месцы. Па рашэнні суда ён можа ўдзельнічаць і ў судовым разглядзе крымінальнай справы (арт. 299, 332 КПК).

У Рэспубліцы Беларусь створана сістэма прыцягнення педагога (псіхолага) для ўдзелу ў працэсе, прадугледжаная Пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 24 кастрычніка 2001 г. №1533. Гэтай пастановай зацверджана Палажэнне аб парадку прыцягнення педагога (псіхолага) для ўдзелу ў крымінальным працэсе. Педагог (псіхолаг) можа ўдзельнічаць у крымінальным працэсе згодна з зацверджаным графікам у любы час сутак.

Норма п. 2 названага Палажэння трактуе больш шырока мэту ўдзелу педагога (псіхолага) – устанавленне псіхалагічнага кантакту, атмасферы даверу, захаванне правоў і законных інтарэсаў непаўналетніх удзельнікаў крымінальнага працэсу. Шырокае разуменне мэт не спрыяе аднастайнай правапрымяняльнай практыцы і адрозніваецца неадназначным навуковым асэнсаваннем [1].

Вельмі спрэчным з'яўляецца прапанаванае ў юрыдычнай літаратуры меркаванне аб задачах гэтага ўдзельніка як забеспячэнне правоў і законных інтарэсаў дапытанага. Так, некаторыя вучоныя разглядаюць педагога (псіхолага) як гарантыю абароны ад нетактычных з выхаваўчага пункту гледжання паводзінаў службовай асобы [2], як важны сродак забеспячэння правоў і законных інтарэсаў непаўналетніх [3, с.11].

Аднак забеспячэннем абароны правоў непаўналетніх у ходзе вытворчасці па справе ў першую чаргу задача законных прадстаўнікоў непаўналетняга, а таксама абаронцы. Пекінскія правілы гавораць толькі аб адвакаце і бацьках або апякунах, або іншых давераных асоб як аб асобах, якія аказваюць падтрымку непаўналетняму абвінавачанаму або падазраванаму. У гэтым сэнсе, хоць міжнародныя нормы змяшчаюць толькі рэкамендацыі аб удзеле абаронцы, айчыннае заканадаўства змяшчае найвышэйшыя патрабаванні, т.я. згодна з п. 2 арт. 45 КПК ўдзел абаронцы абавязковы, калі падазраваны або абвінавачаны з'яўляюцца непаўналетнімі.

Права бацькоў або апекуна на ўдзел якраз трэба разглядаць як аказанне агульнай псіхалагічнай і эмацыйнай падтрымкі непаўналетняму, як функцыю, якая павінна выконвацца на працягу ўсяго разбору (каментар да п.15 Пекінскіх правілаў).

Ахоўная функцыя павінна выяўляцца ў напрамку зніжэння псіхалагічнай траўматызацыі ўдзелу непаўналетніх у працэсе. У першую чаргу гэта датычыцца пацярпелых і сведкаў. Удзел у вытворчасці следчых дзеянняў прымушае непаўналетняга нанова перажываць учыненае ў адносінах да яго або ўбачанае ім злачынства, што негатыўна адбіваецца на стане яго псіхалагічнага здароўя.

На міжнародным узроўні распрацаваны рэкамендацыі, якія датычацца псіхалагічнай дапамогі непаўналетняму. Так, былі прыняты ў рамках ЭКАСАС ААН Кіруючыя прынцыпы, якія датычацца правасуддзя ў пытаннях, звязаных з удзелам дзяцей-ахвяр і сведак злачынстваў (2005/20 ад 22 ліпеня 2005 года). Норма п. 30 замацоўвае істотныя патрабаванні да сацыяльнай і псіхалагічнай падтрымкі непаўналетніх ахвяр і сведак гвалту: суправаджэнне дзіцяці на ўсім працягу яго ўдзелу ў працэсе адпраўлення правасуддзя; дружалюбныя дзеям тэхналогіі допыту, у тым ліку пакоі для правядзення апытанняў, міждысцыплінарныя службы для дзяцей-ахвяр,

прыстасаванне судовых памяшканняў да ўліку інтарэсаў дзяцей-сведак, устанаўленне перапынкаў у працэсе дачы дзіцём сведкавых паказанняў і іншыя меры.

Сучасныя інавацыйныя тэхналогіі, адзначаныя ў міжнародных актах, патрабуюць змен у прававым рэгуляванні вытворчасці па крымінальнай справе з удзелам гэтага спецыяліста.

Прамае замацаванне нормы, якія прадугледжваюць дужалюбны дзіцяці допыт пры прымяненні відэаканферэнцсувязі, заканадаўчага абмежавання колькасці допытаў непаўналетніх пацярпелых ад цяжкіх гвалтоўных злачынстваў прадугледжаны заканадаўствам многіх дзяржаў.

Варта станоўча ацаніць навілу крымінальна-працэсуальнага закона, што допыт непаўналетніх пацярпелага або сведкі, якія не дасягнулі шаснаццацігадовага ўзросту, па крымінальных справах аб злачынствах супраць асабістай свабоды, гонару і годнасці, жыцця і здароўя, палавой недатыкальнасці або палавой свабоды адбываецца у дужалюбнай дзецям пакоі для допыту. (ч.22 арт.221 КПК) У далейшым закон дазваляе агалосіць паказанні непаўналетняга, калі ёсць у матэрыялах справы гука- і відэазапіс іх паказанняў (п.21 ч.1 арт.333 КПК).

Закон не ўдакладняе правіл допыту непаўналетніх у спецыяльных пакоях. Зыходзячы з практыкі, пры допыце ў спецыяльных пакоях выключаецца візуальны кантакт дапытванага з іншымі асобамі, за выключэннем таго, хто дапытвае. На наш погляд, магчымасць запрашэння прадстаўнікоў бакі абароны можна разглядаць як гарантыю таго, што ў далейшым у суд паказанні не будуць абвергнутыя гэтым бокам.

Калі ў адносінах сведак і ахвяраў злачынстваў на міжнародным узроўні прызнана неабходнасць зніжэння псіхалагічнай траўмы, то пры допыце непаўналетняга падазронага або абвінавачанага аб псіхалагічнай траўме ад учынення злачынства, як правіла, размовы не ідзе, т.я. дапытаны не з'яўляецца пацярпелым. Задачы педагога ці псіхолога імкнуцца ў бок устанаўлення псіхалагічнага кантакту і карэктнага з пункту гледжання псіхалогіі вядзення допыту. Але найлепшым чынам, названым мэтам садзейнічае непасрэдная падрыхтоўка асоб, якія вядуць крымінальны працэс (п. 12.1 Пекінскіх правілаў).

Аднак у выпадку, калі непаўналетні мае псіхічныя расстройствы, трэба да допыту ў абавязковым парадку прыцягваць судовага эксперта-псіхолога. Такім чынам, ён можа якасна ацаніць як здольнасць правільна ўспрымаць абставіны, якія падлягаюць даказванню па справе і даваць аб іх паказанні (ч.2 арт.60 КПК), так і здольнасць непаўналетняга абвінавачанага/падазронага ўдзельнічаць у следчым дзеянні ў цэлым, ажыццяўляць сваю абарону.

Такім чынам, комплексны падыход да сацыяльна-псіхалагічнай насычанасці правосуддзя з удзелам непаўналетніх можа павысіць эфектыўнасць вытворчасці па матэрыялах і крымінальнай справе і забяспечыць прыярытэт праваў асобы.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Дударев, В.А. Педагог и психолог - как специальные субъекты допроса несовершеннолетних / В.А. Дударев // Актуальные вопросы права и государства: материалы междунар. заочной науч.-практ. конф., Новосибирск, 2 июля 2012 г. – Новосибирск: Изд-во «Сибир. ассоц. Консультантов», 2012. – С. 90-97.

2. Скичко, О.Ю. Проблемы охраны прав несовершеннолетних в уголовном процессе / О.Ю. Скичко // Вопросы ювенальной юстиции [Электронный ресурс]. – 2009. – №6. – Режим доступа: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=1352&st=0&#entry7104>. – Дата доступа: 27.04.2022.

3. Калинин, Ю. А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями: 12.00.09: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. – М., 1981. – 19 с.

ПРАБЛЕМЫ ВЫЗНАЧЭННЯ МЕЖ НЕАБХОДНАЙ АБАРОНЫ

У гэтым даследаванні зроблена спроба разгледзець дыскусійныя пытанні, якія пастаянна сустракаюцца пры кваліфікацыі такой крымінальна-прававой нормы як неабходная абарона. Відавочна, што гэтая палеміка не запытаная, бо вызначэнне межаў неабходнай абароны ў следчай і судовай практыцы сутыкаецца з пэўнымі цяжкасцямі. Адбываецца гэта з-за адсутнасці ў заканадаўчай базе дакладных і адназначных фармулёвак, якія давалі б магчымасць адназначнага і беспамылковага ўспрымання артыкула 34 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь. Без сумневаў, разглядаюцца інстытут акалічнасцяў, якія выключаюць злучнасць дзеі, заўсёды быў у цэнтры ўвагі тэарэтыкаў і практыкаў, але вывучаючы дадзенае пытанне, былі вызначаны праблемы і, у сувязі з гэтым унесены прапановы, якія, маглі б, даць праваахоўным органам магчымасць правільнага інтэрпрэтавання межаў неабходнай абароны.

Інстытут неабходнай абароны мае шматвяковую гісторыю, яшчэ з глыбокай старажытнасці права на неабходную абарону прызнавалася як адно з найважнейшых, якое вынікае з самой прыроды чалавека, з яго права на жыццё. Важнасць інстытута неабходнай абароны адзначаў і вялікі расійскі вучоны А.Ф. Коні. У 1865 г. ён падрыхтаваў дысертацыйнае даследаванне «Аб праве неабходнай абароны» [1]. Адною з асноўных ідэй А. Ф. Коні ў сферы правамернай неабходнай абароны было палажэнне аб прызнанні за любым грамадзянінам права ў межах свайго жылля прымяняць натуральнае права аб прадухіленні старонняга уварвання.

Да 1958 г. у крымінальным заканадаўстве СССР не былі прадугледжаны межы дапушчальнасці неабходнай абароны. Таксама не паказваліся прыкметы, па якіх можна было б зрабіць выснову аб правамернасці неабходнай абароны або яе перавышэнні. Гэтае пытанне вырашалася ў судовай практыцы асобна па кожнай канкрэтнай крымінальнай справе. Толькі з прыняццем Асноў крымінальнага заканадаўства Саюза ССР і саюзных рэспублік 1958 г. і КК БССР 1960 г. упершыню ў савецкай юрыспрудэнцыі былі вызначаны крытэрыі меж неабходнай абароны.

Сёння ў нашай краіне норма крымінальнага права аб неабходнай абароне прама выцякае з артыкула 24 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь (далей - Канстытуцыя). Яна ўстанаўлівае, што дзяржава абараняе жыццё чалавека ад любых супрацьпраўных замахў [2]. Гэта права гарантуецца дзяржавай. Аднак яна, ў асобе праваахоўных органаў, не заўсёды можа прадухіліць кожны супрацьпраўны замах. Таму кожны грамадзянін мае права на самастойную абарону ад грамадска небяспечнага замаху.

Дзеючае крымінальнае заканадаўства змяшчае разгорнутае вызначэнне неабходнай абароны. Артыкул 34 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей - КК) абвясчае, што не з'яўляецца злучнасцям дзеянне, здзейсненае ў стане неабходнай абароны, гэта значыць пры абароне жыцця, здароўя, уласнасці, жылля, правоў таго, які абараняецца ці іншай асобы, інтарэсаў грамадства ці дзяржавы ад грамадска небяспечнага замаху шляхам прычынення нападаючаму шкоды, калі пры гэтым не было дапушчана перавышэння межаў неабходнай абароны [3]. Гэта значыць, гэтыя дзеянні не ўяўляюць грамадскай небяспекі, можна сказаць больш, яны з'яўляюцца грамадска карыснымі, бо абаранялі законныя правы і інтарэсы.

Стан неабходнай абароны дапушчальны пры абароне ад любога грамадска небяспечнага замаху, прадугледжанага Асаблівай часткай крымінальнага закона. У фармулёўцы ст. 34 КК прама ўказана мэта неабходнай абароны – абарона жыцця, здароўя, правоў таго, які абараняецца або іншай асобы, інтарэсаў грамадства або дзяржавы ад

грамадска небяспечнага замаху. Такім чынам, мэтай неабходнай абароны з'яўляецца спыненне або прадухіленне такога грамадска небяспечнага замаху. Пры гэтым права неабходнай абароны належыць асобе незалежна ад таго, ці ёсць у яе магчымасць пазбегнуць замаху або такая магчымасць адсутнічае. Грамадзянін таксама можа рэалізаваць сваё права на неабходную абарону, нават у тым выпадку, калі ў якасці альтэрнатыўнага варыянта ў яго ёсць магчымасць для звароту па дапамогу да іншых асоб або органаў улады. Прычыненне нападаючаму суразмернай з ўчыненай злачынствам шкоды ў працэсе рэалізацыі права на неабходную абарону не цягне прававых наступстваў.

Аднак адной з найважнейшых умоў правамернасці неабходнай абароны з'яўляецца адпаведнасць абароны характару і небяспекі супрацьпраўнага замаху. Гэта адпаведнасць з'яўляецца мяжой, пераступіўшы якую той, які абараняецца ад злачынца, сам становіцца такім [4, с. 34].

Некаторыя даследчыкі (А. П. Дзмітрэнка і інш.) звяртаюць увагу на тое, што «рэалізацыя грамадзянамі права неабходнай абароны ў значнай ступені стрымліваецца з-за боязі крымінальнай адказнасці за перавышэнне яе межаў» [5, с. 3-4].

У адпаведнасці з ч. 3 арт. 34 КК «Перавышэннем межаў неабходнай абароны прызнаецца відавочная для асобы якая абараняецца неадпаведнасць абароны характару і небяспекі замаху, калі таму які замахваецца без неабходнасці наўмысна прычыняецца смерць або цяжкае цялеснае пашкоджанне» [3]. Гэта значыць перавышэнне межаў неабходнай абароны (эксцэс абароны) – гэта наўмыснае без неабходнасці прычыненне нападаючаму цяжкіх цялесных пашкоджанняў або смерці, калі іх прычыненне з'яўляецца для таго, які абараняецца відавочна празмерным, не адпаведным характару і ступені грамадскай небяспекі, а таксама становішчу замаху. Эксцэс абароны з'яўляецца самым праблемным паняццем у інстытуце неабходнай абароны.

Для кваліфікацыі дзеянняў асобы ў якасці эксцэсу абароны, неабходна выкананне трох умоў: абарона не адпавядала характару і небяспекі замаху; гэтая неадпаведнасць была відавочнай для асобы якая абараняецца; таму які замахваецца наўмысна, без неабходнасці прычыняецца смерць або цяжкае цялеснае пашкоджанне.

Характар грамадскай небяспекі замаху вызначаецца тымі грамадскімі адносінамі на прычыненне шкоды, якім накіраван замах (напрыклад, жыццё, здароўе чалавека, маёмасць і г.д.). Ступень грамадскай небяспекі замаху ж вызначаецца памерам шкоды, якая можа быць прычыненая замахам. Таму для таго, каб кваліфікаваць дзеянні асобы як эксцэс абароны неабходна наяўнасць неадпаведнасці паміж мерамі па абароне ад замаху і характарам, ступенню самога замаху. Пры гэтым важнай умовай эксцэсу абароны з'яўляецца яўнасць для неадпаведнасці паміж мерамі па абароне і характары, небяспекі замаху на яго. Гэта азначае, што асоба, абараняючыся ад грамадска небяспечнага замаху, павінна ўсведамляць, што яе дзеянні з'яўляюцца залішнімі, што такія паводзіны не былі выкліканы ні характарам, ні ступенню замаху, ні становішчам яго ажыццяўлення. І апошняй, але не менш важнай умовай з'яўляецца прычыненне пасягаючаму смерці або цяжкіх цялесных пашкоджанняў.

Крымінальная адказнасць за забойства пры перавышэнні межаў неабходнай абароны прадугледжана арт. 143 КК Рэспублікі Беларусь, а за наўмыснае прычыненне цяжкага цялеснага пашкоджання пры перавышэнні межаў неабходнай абароны – арт. 152 КК Рэспублікі Беларусь.

Прытрымліваючыся логікі заканадаўца, ахвяра ў любой сітуацыі павінна захоўваць цвярозы розум і ўмець пастаяць за сябе, нават пры атрыманні цяжкіх раненняў. А што, калі ахвяра не валодае пэўнымі баявымі навыкамі, ужыўшы якія, яна змагла б абяшкодзіць нападніка з прычыненнем яму найменшай шкоды, і, акрамя таго, не можа ў сілу асабліласцяў сваёй псіхікі падчас стрэсавых сітуацый за кароткі прамежак часу разлічыць, шкоду якога цяжару яна павінна нанесці нападаўшаму, не парушыўшы пры гэтым крымінальнае заканадаўства? Як захоўваць цвярозасць розуму,

калі той які абараняецца можа думаць толькі аб захаванні свайго жыцця, а таксама абароне сваіх канстытуцыйных правоў?

Не цяжка заўважыць, што легальнае вызначэнне паняцця перавышэння межаў неабходнай абароны мае відавочна ацэначны характар, што, натуральна, спараджае шэраг праблем: у прыватнасці, супярэчнасці ў правапрымяненні дадзенага інстытута. Часта пытанне аб кваліфікацыі дзеянняў як эксцэс абароны застаецца на меркаванне суддзі. Дадае акалічнасць можа ў асобных выпадках прыводзіць да супярэчлівых ацэнак падобных мадэляў паводзінаў, што ў канчатковым рахунку не спрыяе аб'ектыўнасці правасуддзя.

Шэраг аўтараў, напрыклад В. В. Арэхаў [6, с. 123], для вырашэння гэтай праблемы прапануюць у прынцыпе адмовіцца ад эксцэсу абароны. Аднак варта адзначыць, што такі падыход прывядзе да павелічэння выпадкаў злоўжывання неабходнай абаронай.

Згодна з іншым пунктам гледжання, якой, напрыклад, прытрымліваўся І.Э. Звечароўскі [7, с. 28], заканадаўцу прапануецца замацаваць у Крымінальным заканадаўстве найбольш тыповыя сітуацыі, у якіх той які абараняецца можа правамерна прычыніць любую шкоду пасягаючаму. Гэты падыход знайшоў адлюстраванне ў заканадаўстве шэрагу краін.

Пры вырашэнні пытання аб наяўнасці або адсутнасці прыкмет перавышэння межаў неабходнай абароны прапаную звяртаць увагу на сукупнасць усіх абставін, якія характарызуюць у кожным канкрэтным выпадку грамадска небяспечны замах і абарону ад яго. Вырашаючы пытанне аб наяўнасці або адсутнасці прыкмет перавышэння межаў неабходнай абароны, органы крымінальнага пераследу павінны ўлічваць характар небяспекі, якая пагражае абараняламу, яго сілы і магчымасці па адбіцці замаху, а таксама іншыя абставіны, якія маглі паўплываць на рэальныя суадносіны сіл нападаючага і таго які абараняецца, (колькасць злачынцаў і тых, якія абараняюцца, іх узрост, фізічнае развіццё, наяўнасць зброі, месца і час замаху і т. д.).

Пры здзяйсненні замаху групай асоб, які абараняецца, мае права прымяніць да любога з нападаючых такія меры абароны, якія вызначаюцца небяспекай і характарам дзеянняў усёй групы. Для ўсталявання наяўнасці або адсутнасці перавышэння межаў неабходнай абароны варта мець на ўвазе, што ў стане душэўнага хвалявання, выкліканага замахам, які абараняецца не заўсёды можа сапраўды ўзважыць характар небяспекі і абраць суразмерныя сродкі абароны [8, с. 214].

Улік абставін суадносін сіл бакоў можа мець вызначальнае значэнне пры кваліфікацыі дзеянняў які абараняўся ў выпадку смерці нападаючага. Значэнне мае пол, фізічная падрыхтоўка, узрост і нападаўшага, і які абараняўся. Напрыклад, пры адбіцці нападения ад няўзброенага, але фізічна моцнага мужчыны, напрыклад пенсіянерам або слабой жанчынай, варта прызнаць апраўданым прымяненне зброі або іншых прадметаў, якія яе замяняюць, у якасці сродку абароны. Адпаведна, прычыненне смерці слабаму нападаючаму, які не валодае неабходнай фізічнай сілай, можа быць прызнана забойствам пры перавышэнні межаў неабходнай абароны [9, с. 522].

Немалаважнае значэнне маюць умовы, пры якіх адбываецца канфлікт. Напрыклад, на пустынной вуліцы або ў лесе пры нападзе мяркуюцца больш актыўныя сродкі абароны, чым пры замаху, які ўчыняецца ў людным месцы. У апошнім выпадку які абараняецца мае магчымасць звярнуцца да дапамогі навакольных. Які абараняецца далёка не заўсёды можа адэкватна ацэньваць становішча, узважыць характар пагрозы і на падставе гэтага абраць які адпавядае сродак абароны. Гэта, усваю чаргу, можа прывесці да цяжкіх наступстваў, за якія не павінна наступаць адказнасць.

Для ўхілення паказаных вышэй праблем прапанаваў бы ўвесці пераліковую сістэму, гэта значыць выразны пералік абараняемых выгод і максімальная мяжа шкоды, якую магчыма прычыніць пасягаючаму ў абарончых мэтах [10, с. 100].

Таксама было б мэтазгодным на падставе ўсебаковага аналізу правахоўнай і судовай практыкі распрацаваць і прыняць пастанову Пленума Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь "Аб прымяненні судамі заканадаўства аб неабходнай абароне". Прыняцце такой пастановы садзейнічала б больш аднастайнаму тлумачэнню судамі норм аб неабходнай абароне.

Такім чынам, інстытут неабходнай абароны – адна з гарантый забеспячэння права на жыццё і іншых правоў грамадзян. Яго важнасць складана пераацаніць, бо любы чалавек можа апынуцца ў сітуацыі прымянення неабходнай абароны, і правільная кваліфікацыя прымянення гэтага права на практыцы з'яўляецца вельмі важным інструментам у барацьбе са злачыннымі замахамі. Таму інстытут неабходнай абароны мае патрэбу ў максімальна дакладнай рэгламентацыі ў заканадаўстве.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Коні, А. Ф. Аб праве неабходнай абароны / А. Ф. Коні. – М., 1866. – 112 с.
2. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 г. (са змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г., 17 кастрычніка 2004 г. і 27 лютага 2022 г.) // Эталон - Беларусь [Электронны рэсурс] / Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэспублікі Беларусь. – Мінск, 2022.
3. Крымінальны кодэкс Рэспублікі Беларусь: прыняты Палатай прадстаўнікоў 2 чэрвеня 1999 г.: ухвал. Радай Рэсп. 24 чэрвеня 1999 г.: у рэд. Закона Рэсп. Беларусь ад 05.01.2022 г. // Эталон - Беларусь [Электронны рэсурс] / Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэспублікі Беларусь. - Мінск, 2022.
4. Бабій, Н.А. Аб безумоўнай невінаватасці які абараняецца / Н. А. Бабій // Юстыцыя Беларусі. – 2009. – № 7. – С. 34–39.
5. Дзмітрэнка, А. П. Неабходная абарона: межы дапушчальнасці: аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук: 12.00.08 / А. П. Дзмітрэнка; Юрыд. ін-т МУС Расіі. – М., 1998. – 20 с.
6. Арэхаў, В.В. Неабходная абарона і іншыя абставіны, якія выключаюць злачыннасць дзеі / В. В. Арэхаў // Сер. Тэорыя і практыка крымінальнага права і крымінальнага працэсу; Асоц. Юрыд. Цэнтр. – СПб., 2003. – 217 с.
7. Звечароўскі, І.Э. Каму неабходна неабходная абарона? / І.Э. Звечароўскі // Крымінальнае права. – 2013. – № 1. – С. 28–29.
8. Прымачонак, А.А. Крымінальнае права Рэспублікі Беларусь. Асаблівая частка: практ. дапаможнік / А. А. Прымачонак. – 3-е выд. – Мінск: Дыкта, 2007. – 214 с.
9. Лукашоў, А.І. Крымінальнае права Рэспублікі Беларусь. Асаблівая частка: вучэб. дапаможнік / пад агул. рэд. А. І. Лукашова. – Мінск: Тесей, 2009. – 522 с.
10. Дзмітрэнка, А.П. Абставіны, якія выключаюць злачыннасць дзеі, у крымінальным праве РФ: манаграфія / А.П. Дзмітрэнка. – М.: Ілекса, 2010. – 100 с.

УДК 343.7

Ю. Е. Руденя

*(Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававых ісследованияў
Рэспублікі Беларусь, Мінск)*

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Исследован институт уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в свете последних изменений уголовного закона и общих тенденций совершенствования уголовно-правового механизма противодействия недобросовестной налоговой минимизации в русле его либерализации. Раскрыты и систематизированы новые подходы законодателя к кримина-

лизации составов налоговых преступлений и определению их системы. Подробно рассмотрены признаки соответствующих уголовно-наказуемых деяний в налоговой сфере.

Эффективность и действенность уголовно-правового механизма противодействия налоговой преступности не может не рассматриваться в его реальной способности реагировать как на новые вызовы экономической преступности и преступности в целом, так и на изменение налогового и связанного с ним законодательства. Так, в правоприменительной деятельности судов и органов уголовного преследования имел место комплекс проблем, связанных с применением норм об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, которые подвели законодателя к необходимости пересмотра конструкции состава уклонения от уплаты налогов.

О необходимости либерализации уголовного закона в части нормы об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов неоднократно подчеркивалось как высшим руководством страны, так и рядом экспертов в сфере уголовного права [1, с. 4; 2, с. 68; 3, с. 11].

В рамках общей тенденции декриминализации экономических преступлений в 2019 г. был принят Закон Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – Закон № 171-3), которым внесены изменения и в состав уклонения от уплаты налогов, предусмотренный ст. 243 УК [4].

Во-первых, произошла синтаксическая корректировка в конструкции данного состава путем замены предлога «либо» на «в том числе посредством» перед такой альтернативной формой уклонения от уплаты налогов, как «уклонение от представления налоговой декларации (расчета) или внесение в нее заведомо ложных сведений», что фактически изменило количество альтернативных форм рассматриваемого преступного деяния. Так, уклонение от подачи налоговой декларации или внесение в нее заведомо ложных сведений с учетом названной выше формулировки перестало быть самостоятельным способом уклонения от уплаты налогов, а стало лишь разновидностью сокрытия либо занижения налоговой базы. Соответственно, были предусмотрены лишь две формы уклонения от уплаты налогов: сокрытие и занижение налоговой базы.

Во-вторых, повышены планки уголовно-наказуемого ущерба. Крупным размером ущерба для целей квалификации действий виновного лица как уклонения от уплаты налогов признаваться размер ущерба на сумму, в две тысячи и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным размером – в три тысячи пятьсот и более раз превышающую размер такой базовой величины.

В связи с исключением Законом № 171-3 конфискации имущества из числа дополнительных наказаний сужен круг возможных наказаний и за совершение уклонения от уплаты налогов. Вместе с тем, законодатель в ст. 461 УК предусмотрел специальную конфискацию в качестве отдельной меры уголовно-правового воздействия. Относительно уклонения от уплаты налогов применение указанной меры предусмотрено наличием таких объектов специальной конфискации, как имущества, добытого преступным путем или приобретенного на средства, добытые преступным путем, а также дохода, полученного от использования этого имущества.

Кардинальные изменения претерпела норма об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в 2021 г. в результате принятия Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [5]. Так, в настоящий момент система налоговых преступлений представляет собой совокупность нескольких однородных составов противоправных деяний:

- 1) уклонение от уплаты налогов, сборов (ст. 243 УК);
- 2) уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов (статья 243¹ УК);
- 3) налоговое мошенничество (статья 243² УК).

Сложившаяся в белорусском уголовном законе система налоговых преступлений в большей степени напоминает имеющуюся в Российской Федерации.

Объект уклонения от уплаты налогов, а равно определение и содержательное наполнение признаков его субъекта и субъективной стороны, не изменились.

Вместе с тем, применительно к данному составу преступления предусмотрены следующие изменения уголовного закона в части корректировки признаков объективной стороны и санкций за совершение соответствующего противоправного деяния:

– возвращался ранее имевший место в законодательстве подход, в соответствии с которым формулировка наименования статьи и её диспозиции содержит упоминание «налогов, сборов», а не «сумм налогов, сборов». Стоит отметить, что Законом Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных положений Законов Республики Беларусь по вопросам налогообложения» от 3 августа 2004 г. № 309-З уже вносились аналогичные изменения, но обратные по смыслу. Изменение названия и соответствующего содержания ст. 243 УК как уклонения от уплаты сумм налогов, сборов не являлось лишь техническим, а имело под собой определенную основу. Законодателем ставилась цель очертить материальный характер причинённых неуплатой налогов последствий. Принимая во внимание закрепление состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК, в качестве материального, неисполнение соответствующей налоговой обязанности является уголовно-наказуемым, если влечет причинение ущерба в крупном или особо крупном размере. Иными словами, под описываемым в частях 1 – 2 ст. 243 УК ущербом понимаются суммы неуплаченных в бюджет налогов в уголовно-наказуемом размере вследствие совершения уклонения от уплаты налогов хотя бы одним из перечисленных в диспозиции ст. 243 УК способом. Вместе с тем, учитывая формулировку диспозиции ст. 243 УК и возможность «причинения описываемыми действиями ущерба в уголовно-наказуемом размере» причинно-следственная связь описана не совсем корректно. Выходом из сложившейся ситуации законодатель посчитал добавление слова «сумм» в описании признаков объективной стороны преступления. Вместе с тем, понятие «уклонение от уплаты» уже «сумм налогов» стало само по себе содержать признак материальности последствий, при этом законодатель как бы закрепил дополнительные связанные с ними материальные последствия в виде причинения ущерба в крупном или особо крупном размере. Буквальное толкование указанной нормы наводит на спорный вопрос, что же в таком случае понимать под причинением ущерба, если законодатель уже вложил в описание преступного деяния последствие материального характера. При этом вряд ли по смыслу рассматриваемой уголовно-правовой нормы предусматривался ещё какой-либо ущерб, кроме непоступивших в бюджет налогов. Таким образом, спорно данную правку ст. 243 УК считать решением проблемы непротиворечивого конструирования причинно-следственной связи в составе уклонения от уплаты налогов;

– изменилось описание системы способов уголовно-наказуемого уклонения от уплаты налогов. Так, вследствие исключения предлога «в том числе посредством» перед упоминанием таких форм противоправной налоговой минимизации, как «уклонение от представления налоговой декларации (расчета) или внесение в нее заведомо ложных сведений», фактически изменилось количество альтернативных форм названного преступного деяния. С учетом такой корректировки диспозиции ст. 243 УК «уклонение от подачи налоговой декларации или внесение в нее заведомо ложных сведений» как формы противоправной налоговой минимизации перестали быть разновидностями сокрытия либо занижения налоговой базы, а стали самостоятельными

способами уклонения от уплаты налогов. Вместо двух их стало четыре: 1) сокрытие налоговой базы, 2) занижение налоговой базы, 3) уклонение от представления налоговой декларации (расчета), 4) внесение в налоговую декларацию (расчет) заведомо ложных сведений;

– вместо привычной правоприменителю двухступенчатой градации уголовно-наказуемого ущерба введена третичная, а именно, установлен значительный, крупный и особо крупный размер ущерба вследствие уклонения от уплаты налогов. Согласно примечанию к ст. 243 УК значительным размером ущерба признается размер ущерба на сумму, в две тысячи и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, крупным размером – в три тысячи пятисот и более раз, особо крупным – в тридцать тысяч и более раз превышающую такой размер базовой величины. Это обусловлено тем, что ранее грань между крупным и особо крупным размером уклонения от уплаты налогов не была столь значительная. Так, противоправная минимизация налогов в сумме, в три тысячи пятисот и более раз превышающей размер базовой величины (в особо крупном размере) признавалось тяжким преступлением и существенно ухудшало правовое положение лица, в том числе применительно к возможности реализации его права на освобождение от уголовной ответственности на досудебных стадиях уголовного процесса;

– претерпела небольшие изменения и санкция нормы об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов. Так, из санкции ч. 1 ст. 243 УК исключено дополнительное наказание в виде штрафа к аресту, а верхний предел ограничения свободы теперь установлен лишь до одного года. В ч. 2 ст. 243 УК исключено дополнительное наказание в виде штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в совокупности с ограничением свободы. Вместе с тем, сохранилась возможность применения указанных видов дополнительного наказания к лишению свободы. Теперь уклонение от уплаты налогов в крупном размере наказывается ограничением свободы на срок до 5 лет или лишением свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения, в особо крупном – лишением свободы на срок от 5 до 12 лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

Как уже было отмечено, помимо корректировки ст. 243 УК уголовный закон дополнен рядом новых составов, предусматривающих признаки налоговых преступлений.

Так, в белорусском уголовном законе установлена ответственность за уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов (статья 243¹ УК). Введение данной нормы было вызвано актуализацией в 2021 г. задач уголовно-правового механизма противодействия уклонению от уплаты подоходного налога с доходов, выплачиваемых налоговыми агентами по трудовым либо гражданско-правовым договорам.

Также впервые на постсоветском пространстве криминализировано налоговое мошенничество в форме соответствующего состава преступления, предусмотренного ст. 243² УК. Посредством криминализации налогового мошенничества белорусский законодатель попытался разрешить имеющиеся ранее проблемы, связанные с невозможностью охватить квалификацией по ст. 243 УК действий, направленных на незаконный возврат из бюджета сумм НДС. До этого правоприменителем для целей уголовно-правовой оценки соответствующих действий использовались различные сочетания составов противоправных деяний, предусмотренных ст. ст. 209, 216, 424, 427 УК.

Таким образом, на протяжении довольно длительного времени неоднократная корректировка состава уклонения от уплаты налогов была призвана решать сложившиеся проблемные вопросы в ходе практической деятельности по реализации мер уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений. Стоит

отметить, что в настоящее время уголовно-правовой механизм противодействия налоговой преступности с последними законодательными нововведениями стал в большей степени схож с имеющим место в Российской Федерации.

При этом принципиально новые подходы противодействия налоговой преступности уголовно-правовыми средствами в настоящее время все ещё не выработаны. Например, не решены многие проблемы, связанные с описанием диспозиций уголовно-правовых норм, закреплением признаков общего субъекта, исчерпывающего перечня способов уклонения от уплаты налогов и т.д. Не предпринимаются и более смелые шаги по закреплению формального состава уклонения от уплаты налогов по признаку установления хотя бы одного факта взаимодействия с лжепредпринимательским субъектом, криминализации простой неуплаты налогов по признаку повышенного размера уголовно-наказуемого ущерба.

Список использованной литературы

1. Гладкий, П. А. Комментарий к статье 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов» УК Республики Беларусь» / П.А.Гладкий // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Лукашов, А. И. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов / А.И.Лукашов, О И.Бируля // Библиотечка журнала «Юрист». Право и бизнес. – 2011. – № 6. – С. 64-70.
3. Никитин, Ю. А. Особенности расследования уклонения от уплаты налогов / Ю.А.Никитин // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 9 января 2019 г. № 171-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: Закон Республики Беларусь, 26 мая 2021 г. № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.112

Т. К. Рябинина

(Юго-Западный государственный университет, Курск)

СТАДИЯ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УПК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ЗАВЕРШЕНО ЛИ ЕЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ?

В статье рассматриваются теория и практика назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации, определяются пути совершенствования данного процесса.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, реформировав коренным образом многие стадии уголовного судопроизводства, особенно затронул стадию, ставшую преемницей стадии предания суду – стадию назначения судебного заседания. Поэтому требуют теоретического осмысления вопросы о месте стадии назначения судебного заседания в системе уголовного судопроизводства, о функциях суда в настоящей стадии процесса, о

полномочиях суда в этой стадии как средствах реализации судебной власти, об особенностях отправления правосудия на данном этапе судопроизводства. Актуальность исследования перечисленных вопросов обусловлена тем, что на фоне глобальных законодательных изменений в правовом регулировании судебной деятельности в уголовном процессе, выражающихся, в первую очередь, в том, что суд наконец-то стал обретать реальную власть – властные полномочия суда выходят за пределы судебных стадий, все шире распространяя свое действие в досудебном производстве, законодатель сужает объем судебных полномочий в первой судебной стадии, сводя их, по мнению отдельных авторов, к разрешению формальных, процедурных вопросов, связанных с подготовкой к судебному разбирательству, что существенным образом подрывает авторитет судебной власти, лишает настоящую стадию характерных черт полноценной стадии процесса.

Между тем, стадия назначения судебного заседания является одной из составляющих частей, этапов уголовного судопроизводства, на котором осуществляется правосудие, в свою очередь являющееся основной движущей силой судебной власти, ее функцией, ее предназначением, сердцевиной, душой судебной власти, поэтому изучение стадии назначения судебного заседания, в том числе и в ее историческом развитии, и в системно-логической связи с судебной властью, только обогатит теоретические изыскания и феномена судебной власти, и настоящей стадии процесса, обеспечивающей качественное отправление правосудия по уголовным делам.

Ни одна стадия уголовного судопроизводства не испытывала на себе такого влияния уголовно-процессуальной теории, как эта. Диапазон научных рекомендаций колебался от предложений значительно усилить ее правовую регламентацию до предложений вообще от нее отказаться. Один тот факт, что правовое регулирование этой стадии неоднократно подвергалось существенным изменениям, уже свидетельствует о том, что законодатель, ученые и правоприменители придают ей особое значение.

В результате регулярных изменений, начинающихся с судебной реформы 1864 года, настоящая стадия по-разному называлась: предание суду, предварительное рассмотрение дел в суде, производство в суде до судебного разбирательства, подготовительные действия к судебному заседанию, назначение судебного заседания, подготовка к судебному заседанию. Процессуальная деятельность в этой стадии на всем протяжении своего существования осуществлялась различными органами: прокурором, единолично судьей, коллегией судей, судом первой инстанции, судом второй инстанции.

Законодатель то принимал меры по укреплению настоящей стадии, усиливая гарантии прав участников уголовного судопроизводства и предоставляя суду широкие полномочия в принятии любого решения по поступившему делу, кроме признания обвиняемого виновным, то сокращал полномочия суда по преданию обвиняемого суду и ограничивал права участников по отстаиванию своих интересов на данном этапе судопроизводства.

Многочисленные изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части регулирующей исследуемую стадию, Федеральными законами от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ, от 24 июля 2002 г. № 98-ФЗ, от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ, от 3 июня 2006 г. № 72-ФЗ, от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ, от 30 октября 2009 г. № 244-ФЗ, от 29 марта 2010 г. № 32-ФЗ, от 11 июля 2011 г. № 194-ФЗ, от 6 ноября 2011 г. № 292-ФЗ, от 5 июня 2012 г. № 53-ФЗ, от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ, от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ, от 8 марта 2015 г. № 40-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 327-ФЗ, 28 марта 2017 г. № 50-ФЗ, от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, от 24 марта 2021 г. № 49-ФЗ, 1 июля 2021 г. № 294-ФЗ (24), хотя и реформировали существенным образом деятельность суда в настоящей стадии в сторону наделения суда широкими полномочиями по выявлению и устранению процессуальных

препятствий по рассмотрению уголовного дела по существу, созданию условий для отправления правосудия на более ранних этапах судопроизводства, тем не менее, в действительности не привели к созданию эффективной нормативной модели механизма реализации судебной власти на данном этапе судопроизводства, что негативно отражается на правоприменительной практике.

Так, суд по-прежнему лишен права инициировать решение некоторых вопросов, напрямую связанных с обеспечением прав и законных интересов сторон в этой стадии. Отдельные вопросы, в первую очередь по формированию доказательственной базы, для их разрешения переносятся в стадию судебного разбирательства, хотя в стадии назначения судебного заседания имеются все условия для их рассмотрения, или их рассмотрение дублируется, происходит неоднократно в этих двух стадиях, что приводит к затягиванию рассмотрения уголовного дела по существу. Порой несвоевременно принимаются решения о приостановлении или прекращении производства по делу, что также свидетельствует не только о нарушении разумного срока судопроизводства, но и об умалении роли суда в настоящей стадии процесса, недооценке значения этой стадии в отправлении правосудия.

Существенному реформированию подверглась процедура решения вопроса об отдельных мерах принуждения – законодатель вслед за правовыми позициями Конституционного Суда РФ установил, что вопрос об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо о продлении срока запрета определенных действий, срока домашнего ареста или срока содержания под стражей, а также о продлении срока ареста, наложенного на имущество лиц, указанных в части третьей статьи 115 УПК РФ, рассматривается только в судебном заседании судьей по ходатайству прокурора или по собственной инициативе с участием заинтересованных лиц. Такая правовая регламентация процедуры решения указанных вопросов требует соблюдения установленных в законе гарантий прав лиц, в отношении которых применяются указанные меры или продляется срок их применения, однако имеющиеся в законе пробелы осложняют правоприменительную деятельность и обуславливают необходимость дальнейших теоретических разработок, касающихся выработки более единообразного понимания оснований избрания, отмены или изменения отмеченных выше мер принуждения, а также продления сроков их применения в стадии назначения судебного заседания.

Не менее значимым является также исследование вопросов, связанных с прекращением уголовного дела по новому основанию – по ст. 25.1 УПК РФ – в настоящей стадии процесса, поскольку в правовом регулировании порядка прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа имеются определенные пробелы и противоречия, затрудняющие возможность правоприменителю прекращать уголовное дело по этому основанию на данном этапе судопроизводства.

Отмечая важность многих законодательных новелл, связанных с правовым регулированием отправления правосудия в стадии назначения судебного заседания, тем не менее, необходимо признать, что наиболее противоречивым, неустоявшимся, подвергающимся регулярным изменениям со стороны законодателя является институт возвращения уголовного дела прокурору, пришедший на смену институту возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. До настоящего времени этот институт не приобрел теоретического осмысления его сущности, значения, оснований его применения. Неутихающие споры среди ученых и практиков ведутся по вопросам, отвечает ли данный институт предназначению суда как органа, отправляющего правосудие, не противоречит ли он принципам состязательности, независимости судей, вправе ли суд по собственной инициативе принимать решение о возвращении уголовного дела прокурору, целесообразно ли вообще принимать такое решение в стадии назначения судебного заседания, без исследования и полноценной оценки доказательств, не

нарушаются ли тем самым права и законные интересы сторон. Вместе с тем, социологический опрос практических работников показал, что в целом правоприменители дают положительную оценку такому институту (так, среди опрошенных практических работников 90 % судей, 72,7 % прокуроров, 64,3 % адвокатов высказались за целесообразность сохранения данного института), несмотря на то, что те же респонденты считают необходимым его реформирование в плане пересмотра оснований возвращения уголовного дела прокурору, расширения прав участников сторон на данном этапе судопроизводства, совершенствования самой процедуры принятия такого решения. Все это свидетельствует о необходимости глубокого, системного исследования столь неоднозначного правового института.

Важное место среди актуальных проблем правового регулирования судебной деятельности в стадии назначения судебного заседания занимают вопросы, посвященные обеспечению прав заинтересованных лиц и созданию условий для их реализации на данном этапе судопроизводства, а также правилам подсудности, в первую очередь связанным с возможностью изменения подсудности в настоящей стадии уголовного процесса; институту отказа прокурора от обвинения, предусматривающему обязанность суда в таком случае прекратить уголовное дело, и др. Уголовно-процессуальные нормы, регулирующие полномочия суда в разрешении вышеуказанных вопросов, основания и процедуру принятия решений в первой судебной стадии в своем большинстве несут на себе отпечаток бессистемности, в них в полной мере не отражается властный характер полномочий суда в определении дальнейшей судьбы как поступившего в суд уголовного дела, так и обвиняемого, в отношении которого суд должен принять законное и обоснованное решение, имеются ли основания для того, чтобы поместить его на скамью подсудимых.

Тем самым, следует констатировать, что данная стадия до настоящего времени не может обрести совершенные и оптимальные форму, содержание и даже название.

Затрудняет также и нормативное регулирование, и судебную практику в единообразном применении правовых норм отсутствие концептуальных теоретических разработок роли суда в стадии назначения судебного заседания – несмотря на имеющиеся исследования, посвященные судебной власти и ее генезису, механизму реализации судебной власти, в том числе и в уголовном судопроизводстве, тем не менее, вопросы, связанные с реализацией судебной власти в настоящей стадии процесса, остаются недостаточно исследованными; проблемы утверждения судебной власти, укрепления статуса суда (судьи), расширения, а не сокращения его полномочий, на данном этапе судопроизводства требуют своего общетеоретического осмысления, и, соответственно, нормативного и практического разрешения.

Серьезным мотивом, побудившим обратиться к настоящей теме, послужило и то обстоятельство, что, несмотря на серьезные преобразования в регулировании стадии назначения судебного заседания, направленные на усиление процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства, расширение состязательных начал в этой стадии, значение этой стадии продолжает недооцениваться (так, 39,3 % опрошенных адвокатов, 13,6 % прокуроров и 10,6 % судей считают настоящую стадию формальным этапом), участниками процесса не используются в полной мере все предоставленные им возможности для реализации своих прав в настоящей стадии процесса; судьи порой не реагируют на допущенные в досудебном производстве нарушения или, что еще удивительнее, сами их допускают.

Поэтому в целях повышения эффективности стадии назначения судебного заседания недостаточно совершенствование уголовно-процессуального закона. Необходимо также переориентировать психологию тех судей, которые явно недооценивают роль этой стадии, осуществляют свою деятельность на этом этапе формально, возлагая все надежды, связанные с разрешением уголовного дела и

обеспечением прав участников процесса, на стадию судебного разбирательства уголовного дела по существу.

УДК 343.412.2

А. В. Скоробогатый
(Жлобинский РОВД, Жлобин)

О РАЗЛИЧИЯХ НЕКОТОРЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Проведенный анализ отдельных элементов состава преступлений в сфере торговли людьми позволил сделать вывод о том, что сопоставление различных преступлений в сфере торговли людьми необходимо производить по совокупности признаков (цель, мотив, наличие зависимого положения потерпевшего, его отношение к действиям, в которые его вовлекает виновное лицо), относящихся к объективным и субъективным элементам состава преступления, что позволит дать правильную квалификацию преступлений.

Развитие информационных технологий, внутренней и внешней миграции придают новые черты проблеме торговли людьми, внешними проявлениями которой часто выступают распространение порнографии, создание интернет-сайтов с предложением интимных услуг, размещение сомнительных объявлений о трудоустройстве, брачных предложений и т. д.

Торговля людьми считается третьей по доходности сферой организованной преступности, особенно в части ее транснациональной составляющей, наряду с торговлей оружием и наркотиками [1, с. 193]. Республика Беларусь является преимущественно страной происхождения жертв торговли людьми, и государством предпринимаются немалые усилия по предотвращению вовлечения своих граждан в данное негативное явление. Являясь также страной транзита, наша страна также испытывает негативные последствия незаконной миграции в другие страны. Это обуславливает актуальность сопоставления характерных черт торговли людьми и иных смежных преступлений.

Ответственность за торговлю людьми и вербовку людей для эксплуатации впервые была введена в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в 1999 г. Принятые нормы были призваны восполнить образовавшийся законодательный вакуум и дать правоохранительным органам реальный инструмент в сфере противодействия торговле людьми и иным формам эксплуатации человека. Однако с течением времени стало ясно, что требуется внесение многих изменений в УК в отношении статей, связанных с торговлей людьми, и правильное их разграничение [2]. Законодатель криминализировал незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК). Впервые в законодательстве появилась норма, предусматривающая ответственность за вовлечение в занятие проституцией совершеннолетнее лицо (ст. 171–1 УК). В 2008 г. была введена ответственность за использование рабского труда, также ответственность за детскую порнографию.

В настоящее время в УК предусмотрено семь составов преступлений, криминализирующих торговлю людьми и связанные с ней деяния: ст. 171 «Организация и(или) использование занятия проституцией либо создание условий занятия проституцией», ст. 171–1 «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ст. 181 «Торговля людьми», ст. 181–1 «Использование рабского труда», ст. 182 «Похищение человека», ст. 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей», ст. 343–1 УК «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

Сопоставляя торговлю людьми, связанную с выездом за пределы государства, и организацию незаконной миграции, отметим, что последняя всегда носит транснациональный характер, и сопровождается пересечением границы с нарушением установленного порядка. В свою очередь, торговля людьми может осуществляться как на территории одного государства, так и с вывозом за его пределы. Помимо этого, жертва торговли людьми может ввозиться в государство назначения легально.

Еще одно различие будет заключаться в том, что согласие жертвы достигается применением мер воздействия со стороны преступника, в то время как незаконные мигранты очень часто по собственной воле стремятся к выезду в другое государство. Этот аспект важен с точки зрения заинтересованности жертв торговли людьми в даче показаний против торговцев людьми в отличие от незаконных мигрантов, которые такую заинтересованность не проявляют. Вместе с тем, организация незаконной миграции зачастую совершается способами, представляющими опасность для жизни или здоровья незаконных мигрантов, например, в результате жестокого или унижающего их достоинство обращения и т.д. Оказание помощи таким лицам является оправданным, а в отношении них по аналогии с торговлей людьми полагаем обоснованным использование термина «жертва незаконной миграции».

Важным признаком, отличающим торговлю людьми от организации незаконной миграции, является наличие цели эксплуатации (трудовой, сексуальной или иной), а также зависимости жертвы от торговца людьми. При организации незаконной миграции цель эксплуатации отсутствует и отношения между мигрантом и преступником прекращаются после пересечения границы либо получения последним денег; далее свобода мигранта не ограничивается, он не находится более в зависимости от организаторов незаконной миграции. Нелегальные мигранты чаще всего не подвергаются физическому или сексуальному насилию, применяемому в отношении жертв торговли людьми. В случае торговли людьми основным источником дохода преступников и движущим экономическим стимулом является получение дохода, извлекаемого за счет эксплуатации жертв в форме проституции, принудительного труда или иным другим путем, что возможно лишь при условии дальнейшего нахождения жертвы торговли людьми в распоряжении злоумышленника [3, с. 173–174].

До внесения изменений и дополнений в уголовный закон ответственность за вербовку людей для эксплуатации была предусмотрена в ст. 187 УК. В качестве обязательного признака объективной стороны этого преступления выступал способ его совершения – обман. Если учесть, что диспозиция ст. 181 УК (в прежней редакции) включала совершение и некоторых приготовительных действий, направленных на осуществление незаконных сделок в отношении человека, то вербовка лица путем обмана в случае, если виновный в дальнейшем имел намерение совершить куплю-продажу или иную сделку, должна была рассматриваться как торговля людьми. Между тем на практике вербовка лиц, ставших жертвами торговли людьми, в одних случаях квалифицировалась по ст. 187 УК (в прежней редакции), а в других – по ст. 181 УК (в прежней редакции) [2].

В соответствии со ст. 181 УК (в нынешней редакции) вербовка лица для эксплуатации рассматривается как признак объективной стороны единого преступления – торговли людьми, как это и предусмотрено Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющим Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Однако для правоприменительной практики такой признак состава преступления не служит основным отграничивающим критерием при решении вопроса о квалификации деяния как торговли людьми (ст. 181 УК) либо как вовлечения в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171–1 УК). Отграничение рассматриваемых составов следует проводить по субъективной стороне, прежде всего по такому ее признаку как цель. Если будет

установлено, что виновный вовлекая лицо в проституцию, преследует цель в дальнейшем использовать это лицо для сексуальной эксплуатации, его действия следует квалифицировать как торговлю людьми. При отсутствии такой цели должна применяться ст. 171–1 УК [4, с. 378].

Также сексуальная или иная эксплуатация в составах преступлений, предусмотренных ст. 181, 182 УК, является целью совершения иных, предусмотренных диспозициями указанных норм действий, а в ст. 187 УК наличие факта реальной сексуальной или иной эксплуатации незаконно трудоустроенного лица является необходимым элементом состава преступления.

Сексуальная эксплуатация – разновидность эксплуатации вообще. Поэтому при решении вопроса о наличии факта или цели сексуальной эксплуатации необходимо установить, имела ли место собственно эксплуатация зависимого лица в виде незаконного принуждения к оказанию сексуальных услуг либо было использование добровольно осуществляемой деятельности в виде занятия проституцией. В противном случае стирается грань между составами ст. ст. 171 и 181 УК [4, с. 362, 378; 5, с. 179–182].

Наряду с указанными признаками объективной и субъективной стороны сравниваемые составы преступления различаются и по моменту их окончания. Как было отмечено, вербовка считается окончанным преступлением с момента достижения соглашения с вербуемым лицом, в то время как вовлечение в занятие проституцией является окончанным преступлением с момента совершения указанных действий независимо от того, приступило ли склоняемое лицо к занятию проституцией. Данная позиция закреплена в п. 18 постановлении пленума Верховного суда Республики Беларусь от 20.06.2002 № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних».

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой вовлечение считается окончанным преступлением, когда вовлекаемый фактически стал заниматься проституцией. Если же, несмотря на оказанное воздействие, вовлекаемый заниматься проституцией не стал, то действия вовлекающего следует квалифицировать как покушение на вовлечение (ч. 1 ст. 14, ст. 171-1 УК). Аналогичная точка зрения имеет место и у некоторых российских ученых, которые считают состав вовлечения в занятие проституцией материальным. Вменение в вину указанного преступления, по их мнению, предполагает доказывание не только действий по склонению потерпевшего к занятию проституцией, но и наступивших общественно опасных последствий в виде непосредственного занятия проституцией. В связи с этим доказыванию подлежат как минимум два факта вступления потерпевшего в половой контакт, не основанный на личной симпатии, за вознаграждение. Тем не менее, несмотря на различные точки зрения, правильное было бы исходить из того, что вовлечение в занятие проституцией признается окончанным преступлением независимо от того, начало ли лицо заниматься проституцией или нет [6, с. 113–114].

При решении вопроса о разграничении составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 171 и 171–1 УК, следует исходить из следующего. Ст. 171 УК предусматривает ответственность за использование занятия проституцией (предполагается, что лицо уже занимается проституцией добровольно и виновный только использует эту деятельность другого лица в своих целях, в том числе и корыстных). Ст. 171–1 УК – вовлечение в занятие проституцией лица, ранее не занимавшегося проституцией либо прекратившего такое занятие, а равно принуждение к занятию проституцией лица, намеревающегося прекратить такое занятие. Таким образом, одним из критериев разграничения указанных составов преступлений является отношение лица (потерпевшего – вовлекаемого или принуждаемого, а также свидетеля, чье добровольное занятие проституцией используется другими лицами) к самому виду деятельности – занятию проституцией. Кроме того, следует иметь в виду, что вовлечение в занятие проституцией или принуждение к занятию ею не всегда с неизбежностью сопряжено с использованием этим же вовлекающим или

принуждающим занятия проституцией другим лицом. Использовать могут и иные лица [4, с. 362 – 363].

В то же время действия лица, вовлекшего кого-либо в занятие проституцией (либо принудившее к продолжению занятия ею), а затем ставшего использовать это занятие тем же лицом в своих интересах (не обязательно в корыстных), образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 171–1 и 171 УК, поскольку каждое из деяний должно получить самостоятельную юридическую оценку. Причем последующие действия по использованию занятия проституцией будут являться квалифицированным составом, предусмотренным ч. 2 ст. 171 УК, по признаку ранее совершенного преступления, предусмотренного ст. 171 УК [4, с. 362 - 363].

Таким образом сопоставление схожих по характеру общественной опасности преступлений в сфере торговли людьми производится по совокупности признаков (цель, мотив, наличие зависимого положения потерпевшего, его отношение к действиям, в которые его вовлекает виновное лицо), относящихся к объективным и субъективным элементам состава преступления. Их правильная оценка позволит исключить ошибки в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений.

Список использованной литературы

1. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности: [моногр.] / Н. И. Ретнева [и др.]; под общ.ред. В. А. Ананича. – Минск: Акад. МВД, 2017. – 385 с.
2. Ретнева, Н.И. Новеллы уголовного закона и эффективность противодействия торговле людьми в Республике Беларусь: постановка проблемы / Н. И. Ретнева, И. В. Козелецкий // Право.by. – 2016. – № 2. – С. 64 – 68.
3. Харевич, Д. Л. Некоторые криминологические аспекты отграничения торговли людьми от организации незаконной миграции / Д. Л. Харевич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии: тезисы докладов Международной научно-практической конференции, г. Минск, 26 мая 2017 г. / Академия МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – С. 171 – 174.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
5. Харевич, Д. Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми / Д. Л. Харевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. – 2018. – № 5. – С. 179 – 184.
6. Ретнева, Н. И. Вербовка в целях сексуальной эксплуатации и вовлечение в занятие проституцией: проблемы квалификации и отграничения / Н. И. Ретнева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 1. – С. 112 – 115.

УДК 343.4

Н. Ю. Скрипченко

*(Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова, Архангельск)*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Федеральным законом от 28.01.2022 № 3-ФЗ изменено содержание ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ. Проанализировав новые нормы, автор обозначает вопросы, которые могут

возникнуть при квалификации насильственных половых преступлений, совершенных в отношении двух или более несовершеннолетних и сопряженных с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления. Расширив особо квалифицирующие признаки насильственных половых преступлений, законодатель установил наказание за посягательства на половую неприкосновенность более строгие, чем за квалифицированные виды убийства.

Федеральным законам от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ [1] нормы о преступлениях против несовершеннолетних подверглись изменениям, выдержанным в русле борьбы с криминальными посягательствами на половую неприкосновенность. Расширив содержание особо квалифицированного состава, предусмотренного ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ, законодатель отнес к числу самых опасных сексуальных посягательств деяния:

совершенные в отношении несовершеннолетнего лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности (п. «а»);

совершенные в отношении двух или более несовершеннолетних (п. «б»);

сопряженные с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ («в»).

Содержательный анализ указанных изменений свидетельствует о том, что, устанавливая более строгие санкции за посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних при специальном рецидиве, законодатель отошел от принципа системности, ограничив свое решение только деяниями, описанными в ст.ст. 131, 132 и 133 УК РФ. Часть 6 ст. 134 и ч. 5 ст. 135 УК РФ остались неизменными, относя к числу особо квалифицированных признаков специальный рецидив за сексуальные посягательства в отношении лица, не достигшего 14 лет.

Признак, характеризующий число потерпевших, широко используется в законе в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) в преступлениях против личности, в том числе и в половых преступлениях. Однако следует обратить внимание, что в судебной практике соответствующие посягательства оцениваются как единое сложное преступление, независимо от того охватывалось ли посягательство на двух и более жертв единым умыслом [2; 3], но только в тех случаях, когда причиняется предусмотренный законом вред двум или более потерпевшим. В случаях же, когда вред причиняется одному потерпевшему, а в отношении второго общественно опасные последствия не наступают по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, содеянное оценивается как совокупность преступлений. Очевидно, что указанный подход будет применяться и по делам о насильственных половых преступлениях, актуализируя вопрос о реализации принципа вины и справедливости, ориентирующих на вменение только тех преступлений, которые охватываются умыслом виновного и в тех пределах, в которых этот умысел реализован, так как квалификация действий виновного по совокупности оконченного преступления против половой неприкосновенности и покушение на изнасилование (насильственные действия сексуального характера) двух и более несовершеннолетних повлечет двойную ответственность за одно и то же преступление.

Следует обратить внимание, что законодательный учет числа несовершеннолетних потерпевших от насильственных половых преступлений повлечет повышенную ответственность отдельных лиц, совершающих данные преступления в соучастии, так как Пленум Верховного Суда РФ широко толкует указанный способ совершения насильственных половых преступлений, относя к нему не только согласованные насильственные сексуальные действия нескольких лиц в отношении одного потерпевшего, но и указанные действия, совершаемые в отношении нескольких лиц, при этом не обязательного, чтобы виновные совершили половой акт (насильственные действия сексуального характера) с каждым из потерпевших (см. п. 10

Постановления «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»[3]).

Реализация анализируемого особо квалифицирующего признака актуализирует вопрос о справедливости уравнивания наказуемости действий лиц, реально совершающих насильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних и лиц, фактически совершающих развратные действия, но осуждаемых по п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ в силу того, что потерпевший не достигший 12 лет, отнесен законодателем к беспомощным лицам (см. примечание к ст. 131 УК РФ). Учитывая наметившуюся динамику роста развратных действий, совершаемых посредством использования виновными информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающий широкий охват потерпевших, можно прогнозировать практическую востребованность п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ. При этом осуждаться по указанной норме будут преимущественно лица, совершающие бесконтактные развратные действия в отношении детей, не достигших 12 лет. Учитывая, что санкция по этой норме максимальна, устанавливая пределы наказаний строже, чем за квалифицированный вид убийства (санкция ч. 5 ст. 132 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет, а по ч. 2 ст. 105 УК РФ – на срок от 8 до 20 лет), особую актуальность вызовет вопрос соответствия характера и степени общественной опасности криминального деяния, мерам государственного принуждения, принимая во внимание фактическое отсутствие в действиях виновного объективной стороны состава ст. 132 УК РФ.

В п. «в» ч. 5 ст. 131 и п. «в» ч. 5 ст. 132 УК РФ нашел отражение один из самых спорных в доктрине уголовного права квалифицирующих признаков – «сопряженность» с совершением другого преступления. По делам об убийствах сложилась практика одновременного вменения соответствующего пункта ч. 2 ст. 105 УК РФ и сопряженного преступления[2; 3], но она вызывает критику, так как противоречит ч. 1 ст. 17 УК РФ, исключающей совокупность преступлений в случаях, совершения двух и более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

Дополнительно следует отметить, что законодательная конструкция анализируемого признака отличается от аналогичных, закрепленных в ч. 2 ст. 105 УК РФ. В отличие от состава убийства, законодатель не конкретизировал в п. «в» ч. 5 ст. 131 и п. «в» ч. 5 ст. 132 УК РФ преступления, сопряженные с изнасилованием или насильственным действиям сексуального характера, определив их как «тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, за исключением убийства, сопряженного с совершением насильственных половых преступлений (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ)». Выявленная неопределенность актуализирует вопрос о содержательном перечне сопряженных криминальных деяний. Принимая во внимание возрастные характеристики потерпевшего, охватываемого ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ, а также способы совершения преступления и общественно опасные последствия, которые заложены в конструкцию указанных составов, совершение преступлений против половой неприкосновенности может быть сопряжено с совершением отдельных видов квалифицированного убийства (например, убийство малолетнего или группой лиц (п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ)), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 – 4 ст. 111 УК РФ), а также квалифицированные виды похищения человека (ч. 2 – 3 ст. 126 УК РФ). Вместе с тем не исключены и случаи доведения до самоубийства путем жесткого обращения в форме изнасилования и насильственных действия сексуального характера (ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Разделяя стремление законодателя противодействовать преступлениям, деструктивно воздействующим не только на физическое состояние, но и на психическое развитие ребенка, следует обратить внимание, что используемые уголовно-правовые средства обеспечения приоритетных объектов охраны, должны быть адекватны и

выступать удобным инструментом воздействия на социально неприемлемые формы поведения.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 28.01.2022 № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 5. – Ст. 677.
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 16.
4. Есаков, Г.А. Квалификация убийства, сопряженного с иными преступлениями, или *cuiusvis hominis est errare* (и законодатель не исключение) / Г.А. Есаков // Российский судья. – 2004. – № 12. – С. 20 – 26.
5. Губин, Е.А. Сопряженность убийства и действий сексуального характера / Е.А. Губин // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 32 – 36.
6. Сидорова, Е.З. О некоторых проблемах множественности преступлений в российском уголовном праве / Е.З. Сидорова, А.Л. Иванова // Российский юридический журнал. – 2021. – № 2. – С. 115 – 125.

УДК 343.352

М. Г. Тумелевич

(Белорусский государственный университет, Минск)

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ: АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА

В статье приведен краткий анализ статей Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. и Уголовного кодекса БССР 1960 г., установивших ответственность за получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, дана сравнительная характеристика советского законодательства в области регулирования ответственности за принятие незаконного вознаграждения с современным уголовным законодательством Российской Федерации и Республики Беларусь, вносится предложение по уточнению правового регулирования ответственности за принятие незаконного вознаграждения.

В Уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. и БССР 1922 г. и 1928 г. принятие незаконного вознаграждения было представлено в качестве классического коррупционного преступления – получения взятки. Принятие и предоставление незаконного вознаграждения лишенного коррупционного характера не расценивалось как преступление. Криминализация принятия либо предоставления такого незаконного вознаграждения не находит своего отражения ни в одном из советских уголовных законов вплоть до 21 сентября 1981 года. В ряде научных источников встречаются рассуждения о незаконном вознаграждении через сравнение с получением взятки, однако упомянутые понятия имеют абсолютно разную уголовно-правовую природу.

Впервые криминализация принятия незаконного вознаграждения произошла в 1981 году, введением в УК РСФСР 1960 г. статьи 156². Правовым основанием послужил Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 года [1]. Вновь принятая уголовно-правовая норма была включена в главу VI (Хозяйственные преступления).

В УК БССР 1960 г. ответственность за аналогичные деяния введена Указом Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 22 октября 1981 г. [2].

Первоначальная редакция статьи 156² УК РСФСР 1960 г. и одноименной статьи 156¹ УК БССР 1960 г. определяла следующий состав преступления:

«Получение незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения

Получение работником предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение работы или оказание услуги в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей такого работника, –

наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей.

Те же действия, совершенные неоднократно или в крупных размерах, – наказываются лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до пятисот рублей».

Криминализация принятия незаконного вознаграждения в советский период обуславливалась несколькими причинами:

1. Политические. Курс ЦК КПСС был направлен на насыщение рынка разнообразными товарами и услугами в целом [3, с. 15];

2. Социально-экономические. Необходимость повышения уровня обслуживания населения, в связи с неоднократными жалобами граждан на грубые нарушение порядка и норм, обязательных в работе по обслуживанию населения, скрытые формы перераспределения доходов и благ к числу которых относились такие деяния, как поборы с граждан.

3. Правовые. Учеными и практиками в области уголовного права высказывалось мнение о необходимости криминализации принятия незаконного вознаграждения, поскольку имели место случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности за получение взятки лиц, не являвшихся должностными лицами, в то время как субъект получения взятки всегда специальный – должностное лицо. То есть понятие должностного лица для целей привлечения к ответственности за получение взятки толковалось расширительно, и к ответственности необоснованно привлекались в том числе рядовые работники.

В статье 156¹ УК БССР 1960 г. и соответствующих статьях УК других союзных республик, устанавливающих ответственность за получение незаконного вознаграждения недолжностным лицом сферы обслуживания населения, указан ряд признаков, совокупность которых образует состав рассматриваемого преступления. Рассмотрим их подробнее.

1. Получение незаконного вознаграждения, т.е. получение выгоды имущественного характера (деньги, промышленные и продуктовые товары и т.д.), а также получение иных ценностей [4].

2. Вымогательство как способ его получения означало не только прямо выраженное требование работника, занятого в сфере обслуживания населения, об уплате гражданином незаконного вознаграждения за выполнение определенной работы или оказание конкретной услуги, которые входят в круг служебных обязанностей этого работника, но и умышленное постановление гражданина в такие условия, при которых он вынужден уплатить незаконное вознаграждение для предотвращения вредных последствий его законным интересам.

3. Получение вознаграждения недолжностным лицом, работающим в сфере обслуживания населения. Субъектом преступления может быть недолжностное лицо, служебные обязанности которого состоят в непосредственном обслуживании населения

(работники торговли, общественного питания, ателье, мастерских, автотехнических предприятий, жилищно-коммунальных хозяйств, вокзалов, предприятий связи и др.).

4. Получение его за выполнение работы или оказание гражданину услуг, входящих в круг служебных обязанностей недолжностного лица сферы обслуживания населения. Под сферой обслуживания понимается совокупность отраслей народного хозяйства, продукция которых выступает в виде определенной целесообразной деятельности (услуг). Она включала в себя торговлю, общественное питание, бытовое обслуживание, распределение туристских путевок, коммунальные услуги, общественный транспорт, связь, зрелища, другие отрасли непродуцированной сферы [5, с. 15]. Служебные обязанности любого работника предприятия, учреждения, организации, а, следовательно, недолжностного лица сферы обслуживания населения и круг этих обязанностей, зависящих от характера работы, выполняемой работником, определяются нормативными правовыми актами, трудовыми договорами, правилами работы данного предприятия, учреждения, организации, внутриведомственными инструкциями, письменными или устными распоряжениями администрации.

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков исключало наличие состава преступления, предусмотренного ст. 156¹ УК БССР 1960 г.

После известных исторических событий в 1991 году и распада Советского Союза, в каждой из бывших союзных республик по-разному разрешился вопрос о криминализации или декриминализации принятия незаконного вознаграждения. Более подробно рассмотрим законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь в этой части.

Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации, принятом в 1996 году, до настоящего времени отсутствует норма, устанавливающая ответственность за принятие или предоставление незаконного вознаграждения. Традиционно криминализировано получение взятки и новый вид коррупционного преступления с меньшей, по мнению законодателя, общественной опасностью – мелкое взяточничество. Кроме того, установлена уголовная ответственность за коммерческий подкуп, за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, за подкуп арбитра (третейского судьи).

Научное сообщество неоднократно высказывало мнение о необходимости криминализации принятия и предоставления незаконного вознаграждения, обосновывая такую необходимость существованием прецедентов незаконного вознаграждения, однако нахождения их за рамками уголовного закона, в силу неурегулированности подобных правоотношений. Вместе с тем, как подчеркивают, например, О. И. Семькина [6], В. В. Аванесян [7], принятие или предоставление незаконного вознаграждения обладают криминологическими свойствами бытовой коррупции и обеспечивают ее высокую латентность, поскольку принятие незаконного вознаграждения лицом, не являющимся должностным, необоснованно исключает его уголовную ответственность.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 года законодатель оставил норму о принятии незаконного вознаграждения, пусть даже и в абсолютно новом, по сравнению с советским периодом, виде. В главу «Преступления против интересов службы» была включена статья 433, получившая в первоначальной редакции наименование «Получение незаконного вознаграждения служащим государственного аппарата». Обратим внимание на размещение названной статьи в главе, объектом которой выступают общественные отношения, обеспечивающие ориентированность публично-правовых начал службы (аппарата) властного администрирования (управления) на социально значимые и сбалансированные интересы человека, общества и государства независимо от публично-правовых или частноправовых начал, функций и задач властного администрирования. Преступления против интересов службы посягают на установленный законодательством порядок исполнения должностных полномочий (обязанностей). За 21 год существования УК Республики Беларусь 1999

года, статья 433 имела 4 редакции и в настоящее время имеет иное название – «Незаконное вознаграждение» и иное содержание. Установлена ответственность за предоставление вознаграждения (ранее ответственность наступала только в случае принятия вознаграждения), чрезвычайно расширен субъект преступления. Субъектом незаконного вознаграждения может быть работник государственного органа либо иной государственной организации, не являющийся должностным лицом, принявший имущество или другую выгоду имущественного характера, предоставляемую ему за совершенное в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) действие (бездействие) в пользу лица, предоставляющего такое имущество или другую выгоду имущественного характера, либо за выполняемую работу, входящую в круг его служебных (трудовых) обязанностей, помимо предусмотренной законодательством Республики Беларусь оплаты труда.

Поддерживаем научную позицию А. В. Баркова, который отмечает необходимость в корректировке редакции статьи 433 УК Республики Беларусь именно в направлении определения четкого критерия криминализации получения незаконного вознаграждения – путем вымогательства, позаимствовав положительный опыт советского законодателя в этой части [8, с. 88].

Таким образом, правовое регулирование принятия вознаграждения в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь находится на различных этапах своего развития. Российское научное сообщество высказывает мнение о необходимости криминализации принятия незаконного вознаграждения, без уточнения, какие общественные отношения должны охраняться в данном случае и каким будет механизм причинения вреда. В Республике Беларусь высказывается позиция об актуальности совершенствования уже существующего уголовно-правового запрета на принятие незаконного вознаграждения, в том числе с отсылкой к законодательству советского периода.

При возможной корректировке уже существующей нормы закона или криминализации принятия незаконного вознаграждения, полагаем необходимым руководствоваться следующим:

- 1) необходимость включения в качестве обязательного признака объективной стороны принятия незаконного вознаграждения способа его получения – путем вымогательства. Это позволит обозначить охраняемый уголовным законом объект – интересы гражданина как потребителя или клиента;
- 2) недопустимость установления уголовной ответственности за предоставление незаконного вознаграждения в случае, когда такое предоставление происходит в связи с его вымогательством.

Список использованной литературы

1. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 21.09.1981 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1981. – № 38. – Ст. 1304.
2. Указ Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 22 октября 1981 г. № 1494-X // СЗ БССР – 1981 г. – № 30. – Ст. 614.
3. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1987.
4. О порядке применения ст. 156¹ Уголовного кодекса Белорусской ССР : постановление Президиума Верховного Совета БССР от 22.10.1981 // СЗ БССР – 1981 г. – № 30. – ст. 614.
5. Уголовная ответственность за получение незаконного вознаграждения от граждан: методическое пособие. – М., 1987. – 85 с.

6. Семькина, О. И. Криминализация незаконного вознаграждения: возврат к истокам или антикоррупционная новелла? [Электронный ресурс] / О. И. Семькина // Журнал российского права. – 2017. – № 12. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-nezakonnogo-voznagrazhdeniya-vozvrat-k-istokam-ili-antikorrupsionnaya-novella/viewer>. – Дата доступа: 01.03.2022.

7. Аванесян, В. В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за незаконное вознаграждение / [Электронный ресурс] / В. В. Аванесян // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 3 (35). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ustanovlenii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-nezakonnoe-voznagrazhdenie/viewer>. – Дата доступа: 01.03.2022.

8. Барков, А. В. Критерии криминализации: опыт законотворчества / А. В. Барков // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол. Т. А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – С. 86–88

УДК 343.3

А. И. Федорович

(Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь, Минск)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРАВИЛ ПО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА

В представленных материалах исследуется уголовная ответственность за нарушение строительных правил в Российской империи по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Изучается объект уголовно-правовой охраны, анализируются элементы составов преступлений и санкции за совершение запрещенных указанным документом деяний. Выявляется специфика подходов к уголовно-правовой охране безопасности строительных работ в Российской империи.

Совершенствование современного уголовного закона невозможно без тщательного изучения исторического опыта криминализации определенного вида нарушений. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение о наказаниях) содержало специальную главу, посвященную «нарушениям устава строительного» (глава 8 раздела VIII Уложения о наказаниях). Указанная глава располагалась в разделе VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», что отчасти коррелирует с подходом современного белорусского законодателя, расположившего преступные нарушения строительных норм в разделе X «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения». Данная глава содержала 6 отделений.

1. Нарушение общих строительных правил. Первое отделение указанной главы содержало 7 основных составов, устанавливающих ответственность за различные нарушения в сфере строительства, с учетом субъекта нарушения и содержания нарушения. Следует обратить внимание на широкий объект уголовно-правовой охраны общих строительных правил. Субъект преступления, как правило, специальный (уполномоченное должностное лицо, как правило, обладающее специальными знаниями, напр., архитектор).

Статья 1339 Уложения о наказаниях устанавливала ответственность за отступление от утвержденных планов и фасадов при постройке, перестройке, исправлении каких-либо зданий, гидротехнических или дорожных сооружений, площадей, улиц, тротуаров и т. д. в

виде штрафа в размере от 25 до 400 рублей. Субъект данного преступления являлся специальным, кроме того, указанная норма регламентировала вопросы соучастия: наказанию подлежал исполнитель работ, а если они были согласованы архитектором, помощником архитектора или техником-строителем, то и на данных должностных лиц в таком же объеме. Если отступление от планов и фасадов осуществлялось по приказу указанных лиц – исполнитель работ освобождался от ответственности. Дополнительное основание освобождения от ответственности закреплялось в примечании к данной статье: отступление от утвержденных правил и фасадов по уважительным причинам при невозможности получить своевременно на то разрешение, если «допущенное нарушение будет признано не противным строительному искусству ни в отношении прочности, ни в отношении правильности постройки». [1, с. 544-545]. Указанная ситуация представляет собой утрату деянием такого признака преступления как общественная опасность. Таким образом, хотя понятие преступления по Уложению о наказаниях было формальным (статья 1), законодатель учитывал утрату общественной опасности преступления применительно к отдельным ситуациям.

Ответственность за использование некачественных строительных материалов или неправильное их употребление в виде штрафа от 50 до 200 рублей была установлена статьей 1340 Уложения о наказаниях. Субъект данного преступления общий (по ч.1 указанной статьи); нарушение, совершенное специальным субъектом (архитектором, помощником архитектора, техником-строителем или оптовым подрядчиком) образовывало квалифицированный состав (ч. 2), и влекло в первый и второй разы удвоенное денежное взыскание, а в третий раз – лишение права заниматься строительной деятельностью на срок от 1 до 2 лет, «с объявлением об оном в ведомостях обеих столиц и местных губернских» [1, с. 545-546]. В статье 1341 установлена ответственность за разрушение здания вследствие «неправильности постройки или же от употребления материалов дурного качества и ненадлежащих размеров, или от непрочности самой работы». Размер и вид наказания зависел от субъекта преступления: наиболее строгой ответственности подвергался архитектор, его помощник или техник-строитель, менее строгой – оптовый подрядчик, наиболее мягкой – иной исполнитель работ. В качестве квалифицирующих признаков установлены повторность и троекратность [1, с. 546-547].

Злоупотребления со стороны специального субъекта (архитектора, его помощника, техника-строителя, оптового подрядчика или «чиновника, непосредственно распоряжавшегося постройкой») образовывали состав преступления, предусмотренный статьей 1342 Уложения о наказаниях, при этом образуя совокупность с деяниями, запрещенными статьями 1340 или 1341. Ответственность по статье 1342 дифференцирована в зависимости от вида специального субъекта: для архитектора, его помощника либо иного техника-строителя – лишение права заниматься строительной деятельностью на срок от 2 до 6 лет с объявлением о том в «ведомостях обеих столиц и местных губернских»; для чиновника, «непосредственно распоряжавшего постройкой» - увольнение («удаление от должности»); для подрядчика – лишение права вступать в строительные подряды от 2 до 6 лет, «а в случаях важнейших – и навсегда», с объявлением о том «ведомостях обеих столиц и местных губернских». Однако если следствие выявляло корыстную заинтересованность указанных лиц, то они несли ответственность по статье 383 Уложения о наказаниях (присвоение вверенного по службе имущества – если они состояли на государственной службе) либо по статье 2184 Уложения о наказаниях (за воровство-мошенничество – если они не состояли на государственной службе). Статья 1343 Уложения о наказаниях определяла специальные правовые последствия для специального субъекта (архитектора, его помощника и техника-строителя), если нарушение им строительных норм было вызвано их незнанием – они не подвергались уголовной ответственности, а были обязаны возместить вред, кроме того, им воспрещалось заниматься строительством, «доколе он от надлежащего начальства на получит аттестата о приобретении

достаточных по сей части познаний. О сем также публикуется в ведомостях обеих столиц и местных губернских» [1, с. 547-549]. Таким образом, несмотря на наличие небрежности как вида неосторожной формы вины (специальный субъект должен был знать указанные правила), законодатель освобождал его от ответственности.

Непрочное возведение подмостков при строении влекло наказание согласно статье 1344 Уложения о наказаниях (в отношении специального субъекта: архитектора, техника-строителя либо оптового подрядчика – штраф в размере от 20 до 200 рублей либо арест от 7 дней до 3 недель, в отношении иных лиц – штраф от 10 до 100 рублей либо арест от 3 до 7 дней). Неправильный отвод места для построек или указание линий для построек, незаконная выдача листов и планов на места под застройку, совершенное специальным субъектом (архитектором, землемером, иным уполномоченным должностным лицом) влекло наказание в виде штрафа в размере от 50 до 300 рублей (статьи 1345-1346). Если преступление совершено умышленно, законодатель предусматривал повышенную ответственность (увольнение) [1, с. 549].

Ответственность за самовольное строительство дифференцировалась в зависимости от вида строительного объекта (см. ниже), при этом в любом случае виновный был обязан возместить расходы по слому здания (статья 1349).

2. Нарушение правил строительства церквей. Большое значение религии, особое внимание охране установленного порядка строительства церквей отражены в нормах второго отделения, которые имели важный дополнительный объект – религиозные отношения, охрана которых занимала важное место в Российской империи. Так, самовольное строительство церкви влекло наказание в виде штрафа в размере от 50 до 500 рублей (наиболее строгая санкция за самовольное строительство), судьбу такого строения определяли «начальства духовное и светское». Построение деревянной церкви или каплички вместо каменной там, где строительство деревянных было запрещено влекло наложение штрафа в размере от 50 до 300 рублей, указанные строения подлежали закрытию (статья 1351). Самовольная перестройка или ремонт («починка») наказывалась штрафом в размере от 20 до 100 рублей по статье 1352 [1, с. 550-551].

3. Нарушение правил строительства государственных («казенных») зданий. Повышенная ответственность специальных субъектов при строительстве государственных зданий отражена в нормах третьего отделения главы 8. Отступление от правил составления или проверки смет специальным субъектом (архитектором или иным уполномоченным лицом) влекло ответственность в виде выговора, или ареста на срок от 7 дней до 3 недель, или увольнением (при этом в случае выявления корыстного злоупотребления, виновный приговаривался по статье 383 Уложения о наказаниях). За нарушение правил освидетельствования зданий (аналог сдачи в эксплуатацию в современном законодательстве) специальный субъект (архитектор или иной чиновник) нес ответственность в виде штрафа от 20 до 100 рублей, или ареста от 7 дней до 3 недель, либо увольнения (в случае корыстного мотива – по статье 402 (получение взятки) Уложения о наказаниях), повторное нарушение образовывало квалифицирующий состав (наказание в виде штрафа от 40 до 200 рублей, или «заключения в тюрьме» от 3 до 6 месяцев, или увольнения). Самостоятельная поставка строительных материалов специальным субъектом образовывало должностное преступление (статья 514 Уложения о наказаниях («вступление в обязательства с казною чиновников, коим сие запрещено законом»), а при поставке недоброкачественных материалов – еще и по статье 521 («принятие от поставщиков материалов ненадлежащего качества») [1, с. 551-553].

4. Нарушение правил строительства общественных зданий. Специфика общественных зданий, в том числе дополнительный объект уголовно-правовой охраны (предотвращение религиозных конфликтов) предусмотрены нормами отделения четвертого главы 8 Уложения о наказаниях. Общее правило относительно

ответственности за самовольное строительство общественных зданий (в т.ч. лавок и ярмарок) установлено статьей 1358 и предусматривало наказание в виде штрафа в размере от 20 до 200 рублей [1, с. 554-555]. Указанные здания подлежали исправлению за счет построившего (при необходимости) и оставлению на месте, за исключением случая «особых важных неудобств», что отражало учет законодателем общественной полезности даже самовольно возведенных зданий. Самовольное строительство мечети или синагоги каралось более строгой санкцией (штраф от 100 до 200 рублей), что отражало специфику указанных объектов и.

5. *Нарушение правил строительства частных зданий.* Пятое отделение указанной главы было посвящено нарушениям правил строительства частных зданий. Важным признаком дифференциации ответственности за самовольное строительство частных зданий выступало место совершения преступления. Так, строительство или перестройка здания без соответствующего разрешения (независимо от нарушений правил строительства) влекло денежное взыскание от 5 до 25 рублей (ч. 1 ст. 1361). Квалифицирующий состав (ч.2) учитывал место совершения преступления (запрещенное место, напр., на небезопасном расстоянии от фабрик, арсеналов и т. д.), с учетом общественной опасности строительства в котором наказывал самовольное строительство более строгой санкцией (штраф от 100 до 500 рублей с возложением расходов на исправление или слом здания) Привилегированный состав (статья 1363) применительно к строительству в запрещенном месте устанавливался для фабрик (санкция – штраф от 30 до 100 рублей с обязательным закрытием предприятия), что отражало важность строительства промышленных объектов. Починка и перестройка деревянных зданий в запрещенном месте наказывалась по статье 1364 (штраф в размере от 25 до 150 рублей).

Нарушение обязанности обнести место строительства забором влекло наложение штрафа от 1 до 5 рублей, складирование строительных материалов на без разрешения полиции – от 5 до 10 рублей (статья 1365). Снос ветхих домов осуществляется полицией после двукратного уведомления собственника (статья 1366). Соблюдение правил просушки каменного здания обеспечивалось статьей 1367 Уложения о наказаниях, которая устанавливала наказание для специального субъекта (архитектора) за их несоблюдение (штраф в размере от 50 до 300 рублей), а также за иных лиц за вселение до истечения года со дня постройки (арест от 3 дней до 3 недель). Покраска дома в иной от предписанного цвет или «безобразное пестрение» вопреки «упоминанию» местных властей влекло наложение штрафа от 5 до 10 рублей с обязанностью изменить цвет дома (статья 1368). Статья 1369 охраняла интересы соседей при строительстве путем запрета без согласия соседа: пристройки печи или поварни к стене чужого дома; постройки окна или двери на чужой двор в стене своего дома, возведенной на границе участка; постройки ската кровли на чужой двор – совершивший данное деяние подвергался штрафу от 10 до 30 рублей и был обязан за свой счет устранить вышеуказанные постройки. Аналогичную ответственность устанавливала и статья 1370 Уложения о наказаниях для тех, кто в существующей уже смежной и общей с соседом стене пробьют самовольно окна или двери на чужой двор или крышу [1, с. 555-558]. Таким образом, указанные нормы, охраняющие благоустройство населенных пунктов и права третьих лиц, характеризуются наличием специальных признаков объективной стороны преступления: места совершения и потерпевшего.

6. *Нарушение правил устройства улиц, площадей, мостов и тротуаров.* Отделение шестое главы 8 содержала только одну статью (1371), устанавливавшую ответственность за нарушение правил для устройства улиц, площадей, мостов и тротуаров в виде штрафа в размере от 5 до 25 рублей с устранением нарушений за счет виновного [1, с. 558-559].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1. Уложение о наказаниях криминализирует обширный перечень нарушений строительных правил. 2. Важной особенностью указанного документа является учет специфики объекта строительства, его назначения. 3. При формулировании преступления используется в основном конструкция формального состава преступления. 4. Субъект преступления зачастую специальный (уполномоченное должностное лицо, как правило, обладающее специальными знаниями, напр., архитектор). 5. Квалифицирующими признаками, как правило, выступает совершение нарушения специальным субъектом, повторность совершения преступления. 6. Наиболее распространенными наказаниями выступают штраф, увольнение или лишение права заниматься строительной деятельностью, нередко сопряженные с дополнительным наказанием – публикацией о совершенном преступлении в ведомостях столиц и соответствующей губернии. 7. Верхняя граница санкции за самовольное строительство наиболее высока применительно к самовольному строительству церкви.

Список использованной литературы

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. – 898 с.

УДК 343.12

И. Н. Цыкунова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТНИКАХ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена рассмотрению вопроса об участниках медиации, применяемой при производстве по уголовным делам. Ими являются медиатор, обвиняемый и потерпевший, а в случае, если обвиняемый либо потерпевший являются несовершеннолетними, – их законные представители. Статус медиатора в уголовном процессе не получил закрепления в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь. В целях дальнейшего развития практики примирения обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации предложены направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

В Республике Беларусь применение медиации в виде переговоров конфликтующих сторон с участием медиатора для выработки взаимоприемлемого решения стало возможным с принятием Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон «О медиации»), который предусматривает проведение медиации в рамках гражданского или хозяйственного судопроизводства в целях урегулирования споров, возникающих в сфере частноправовых отношений.

Расширение пределов применения медиативной процедуры путем ее закрепления в сфере уголовно-процессуальных отношений произошло с принятием Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», которым были внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 года (далее – УПК), в том числе закреплено положение о возможности примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения, определены основные термины, касающиеся процедуры медиации.

Можно согласиться с О. В. Петровой, что «изменения в законе лишь минимальные, например, не определен статус медиатора, порядок реализации

процессуальных гарантий прав личности при применении медиации, остаются нерешенными вопросы приостановления производства по делу для проведения медиации и т.п. В то же время изменения важные для практической реализации» [1, с. 49].

Законодательное закрепление медиации в УПК предоставило дополнительные возможности по урегулированию уголовно-правового спора путем поиска решения, отражающего интересы и потребности соответствующих участников уголовного процесса. Причем от них во многом зависит сама возможность применения медиативной процедуры в рамках примирения по уголовным делам. Поэтому видится важным введение в научный оборот и теоретическое осмысление категории участников медиации в уголовном процессе, так как могут возникнуть противоречия в понимании того, кто является участником медиации, а кто – участником уголовного процесса.

Круг участников медиации на нормативном уровне закреплен в Правилах проведения медиации, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150. Участниками медиации являются стороны (представители сторон), медиатор (п. 6 Правил проведения медиации). При этом согласно п. 7 Правил проведения медиации сторонами медиации признаются физические лица, обладающие полной дееспособностью, и (или) юридические лица, заключившие соглашение о применении медиации.

Анализ ст. 30¹ УПК, которая закрепляет порядок обращения к медиации, позволяет прийти к выводу, что сторонами медиации, применяемой при производстве по уголовным делам, являются обвиняемый и потерпевший. В случае, если обвиняемый либо потерпевший являются несовершеннолетними, примирение осуществляется с участием их законных представителей. Это обоснованно, поскольку в качестве стороны медиации может выступать физическое лицо, обладающее полной дееспособностью.

Особенностью закрепленной модели медиации является проведение медиативной процедуры исключительно по взаимному согласию обвиняемого и потерпевшего одновременно с производством по уголовному делу без приостановления процесса и возможность ее применения по уголовным делам о преступлениях любой категории (в зависимости от характера и степени общественной опасности): не представляющих большой общественной опасности, менее тяжких, тяжких и особо тяжких.

Применение медиации возможно как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. На стадии предварительного расследования примирение обвиняемого с потерпевшим возможно после обретения лицом положения участника уголовного процесса, то есть с момента вовлечения в процесс обвиняемого и потерпевшего (вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и постановления о признании потерпевшим). На этапе судебного разбирательства момент, до которого может быть достигнуто примирение обвиняемого с потерпевшим, в ч. 4 ст. 30¹ УПК не установлен. Этот момент может быть определен путем обращения к ч. 8 ст. 26 УПК, согласно которой примирение по делам частного и частно-публичного обвинения допускается только до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора.

Основанием возникновения медиативных правоотношений является добровольное волеизъявление и обвиняемого, и потерпевшего на участие в процедуре примирения по урегулированию возникшего в связи с совершением преступления спора между ними.

В статьях УПК, определяющих права обвиняемого и потерпевшего, закрепляется право указанных участников процесса на примирение, в том числе с участием медиатора (п. 24 ч. 2 ст. 43, п. 17 ч. 1 ст. 50 УПК). При этом, полагаем, в целях дальнейшего развития практики примирения обвиняемого с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения, в силу публично-властного характера уголовно-процессуальных отношений орган, ведущий уголовный процесс, обязан разъяснить обвиняемому и потерпевшему право на примирение, в том числе в порядке медиации.

В отличие от ранее закрепленного права обвиняемого примиряться с потерпевшим только по делам частного обвинения, действующая редакция процессуального права обвиняемого и потерпевшего на примирение, в том числе с участием медиатора, отражает еще одну особенность отечественной модели медиации – возможность проведения медиации по уголовным делам любого вида обвинения – публичного, частно-публичного и частного.

Заметим, что при производстве по уголовным делам частного обвинения потерпевший как участник уголовного процесса отсутствует. По таким делам, которые возбуждаются путем подачи в суд заявления о совершении преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 26 УПК, с момента его принятия судом лицо, в отношении которого подано заявление, является обвиняемым, а лицо, подавшее заявление, – частным обвинителем. Соответственно примирение, в том числе путем заключения медиативного соглашения, по уголовным делам частного обвинения осуществляется между обвиняемым и частным обвинителем. Однако ни в ст. 30¹ УПК, ни в п. 14¹-14³ ст. 6 УПК частный обвинитель как одна из сторон медиации не указан. С учетом этого, мы полагаем, что п. 14¹-14³ ст. 6, ст. 30¹ УПК должны быть дополнены указанием на частного обвинителя как возможного участника медиации и медиативного соглашения.

Поскольку, как было отмечено выше, медиативные процедуры допускаются, если обвиняемый или потерпевший являются несовершеннолетними, и в этом случае требуется участие их законных представителей, в ст. 57 УПК должно быть закреплено право законного представителя вышеуказанных участников процесса на примирение, в том числе с участием медиатора. Действующая редакция п. 4 ч. 2 ст. 57 УПК осталась без изменений и предусматривает возможность законного представителя обвиняемого, потерпевшего примиряться только по делам частного обвинения. Полагаем, имеется коллизия норм ч. 2 ст. 30¹ и п. 4 ч. 2 ст. 57 УПК. С учетом этого, представляется целесообразным изложить п. 4 ч. 2 ст. 57 УПК в следующей редакции: «4) примиряться с потерпевшим или обвиняемым, в том числе путем медиации;».

Для проведения медиации в силу ч. 3 ст. 30¹ УПК обвиняемый и потерпевший по собственной инициативе и взаимному согласию выбирают медиатора, который согласно п. 6 Правил проведения медиации относится к участникам медиации.

Законодательное определение медиатора, принимающего участие в процедуре примирения обвиняемого и потерпевшего, закреплено в п. 14² ст. 6 УПК. Так, медиатором является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению. Статус медиатора в уголовном процессе не получил закрепления в УПК. Несмотря на это, видится, что законодатель, введя понятие медиатора, обозначил определенные аспекты его процессуального статуса, на которые хотелось бы обратить внимание.

Во-первых, поскольку медиатор – лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, его можно отнести к иным участникам уголовного процесса (глава 7 УПК).

Полагаем, сложно согласиться с мнением авторов (например, О. Г. Дьяконова, С. А. Пашин, Р. Р. Максудов), считающих целесообразным законодательно предоставить медиатору статус специалиста [2, с. 178; 3, с. 10]. По нашему мнению, медиатор, обладая специальными знаниями в области медиации, тем не менее, не может отождествляться со специалистом. Специалист – это лицо, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий. Назначение специалиста (цель, задачи) в уголовном процессе заключается в оказании содействия «правосудию». Назначение медиатора также может быть уяснено через цель его участия в уголовном процессе. Ею является оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Медиатор не принимает участия в проведении следственных и других процессуальных

действий, он участвует в переговорах обвиняемого и потерпевшего. В этом смысле медиация путем переговоров проводится «вне рамок производства по уголовному делу, параллельно с ним» [4, с. 718] и не является процессуальным действием. Изложенное позволяет заключить о недопустимости отнесения медиатора к специалисту.

Во-вторых, при определении положения медиатора в уголовном процессе необходимо исходить из того, что лицо должно отвечать требованиям законодательства. Требования, предъявляемые к медиатору (наличие высшего юридического или иного высшего образования; прохождение подготовки в сфере медиации, либо наличие опыта работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством; получение свидетельства медиатора), и категорий лиц, которые не могут осуществлять деятельность медиатора, закреплены в Законе «О медиации», в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 «Об утверждении Правил проведения медиации», постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 12 «О подготовке в сфере медиации», постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 15 «Об утверждении Правил этики медиатора» и других актах.

В-третьих, медиатор участвует в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению. Именно цель участия медиатора в процедуре примирения обвиняемого с потерпевшим, по нашему мнению, определяет сущность медиации, применяемой при производстве по уголовным делам. Целью участия медиатора в уголовном процессе является не «урегулирование спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения» (так сформулирована цель медиации в законодательном определении медиации, закрепленном в ст. 1 Закона «О медиации»), а оказание содействия примирению обвиняемого и потерпевшего. Такая формулировка, представляется, соответствует специфике отношений, вытекающих из факта совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и будет содействовать в равной степени защите прав и свобод участников процесса и публичных интересов. При этом мы исходим из того, что публичный интерес, будучи объектом уголовно-правовой охраны, только отчасти коррелирует с частным интересом, который нарушается вследствие совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. Деяние, влекущее причинение вреда какому-либо лицу, детерминирует возникновение двух охранительных правоотношений: 1) между причинителем вреда и государством; 2) между причинителем вреда и непосредственным потерпевшим. Первые из них признаются исключительно уголовно-правовыми, а вторые, таковыми не являясь, могут влиять на их реализацию, в частности, при примирении обвиняемого и потерпевшего.

Следует согласиться с Л. Орловской в том, что «примирение в уголовном процессе не обязательно предполагает выработку сторонами медиации взаимоприемлемого соглашения. В таком аспекте законодатель последовательно проводит мысль о специфике примирения в уголовном процессе, которое не всегда предполагает заключение соглашения, в том числе, в письменной форме» [5].

Для реализации медиатором своих функций в процедуре медиации он должен обладать определенными правами и наделяться обязанностями, перечень которых в УПК не определен. Представляется, что ввиду специфики спора, возникающего в связи с совершением противоправного деяния, особенностей уголовно-процессуальных правоотношений, необходимости строгого соблюдения процессуальной формы в УПК должны быть закреплены права и обязанности медиатора, а также основания его отвода.

В настоящее время количество медиаторов, включенных в Реестр медиаторов, формируемый Министерством юстиции Республики Беларусь, составляет 1036 человек. Из них по утверждению Л. Власовой, медиатора, международного эксперта в области бизнес-медиации, учредителя Центра медиации и переговоров (г. Минск), практикуют

не более 10 % [6]. Вполне обоснованным видится вопрос «все ли медиаторы, включенные в Реестр медиаторов, формируемый Министерством юстиции Республики Беларусь, вправе проводить медиации для урегулирования уголовно-правового конфликта...» [5].

Анализ действующего законодательства дает основание утверждать, что медиаторы, включенные в Реестр медиаторов, обладают правом проведения медиации в уголовном процессе. В то же время с таким утверждением согласились только 63,9 % принявших участие в проведенном нами анкетировании лиц. В анкетировании приняли участие 36 медиаторов, включенных в Реестр медиаторов, 67 % из которых имеют высшее юридическое образование, 33 % – иное высшее образование. Опыт проведения медиации до трех лет имеют 61% из опрошенных, от трех до пяти лет – 19,5 %, более пяти лет – 19,5 %. Заметим, что только 11 % из числа респондентов выступали в качестве медиаторов в производстве по уголовным делам (примечательно, что во всех случаях было заключено медиативное соглашение). Таким образом, на сегодняшний день медиативная практика по уголовным делам хоть и незначительна, но имеется. Очевидно, с учетом формирующейся медиативной практики будет идти дальнейшее развитие процедуры примирения обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации, для содействия чему представляется целесообразным закрепить в УПК:

- 1) момент судебного разбирательства, до которого может быть достигнуто примирение обвиняемого с потерпевшим в порядке медиации;
- 2) обязанность органа, ведущего уголовный процесс, в производстве которого находится уголовное дело, разъяснить обвиняемому и потерпевшему право на примирение, в том числе в порядке медиации;
- 3) частного обвинителя как возможного участника медиации и медиативного соглашения;
- 4) право законного представителя обвиняемого и потерпевшего на примирение, в том числе с участием медиатора;
- 5) права и обязанности медиатора, основания его отвода.

Список использованной литературы

1. Петрова, О. В. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь как новая форма защиты прав личности [Электронный ресурс] / О. В. Петрова // Вестник науки и образования. – 2021. – № 16 (119). Часть 1. – С. 48–50. – Режим доступа: <https://scientificjournal.ru/images/PDF/2021/119/VNO-16-119-I-.pdf>. – Дата доступа: 20.04.2022.
2. Дьяконова, О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12 / О. Г. Дьяконова. – Москва, 2021. – 647 л.
3. Галимова, М. А. Правовое регулирование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / М. А. Галимова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 1 (38). – С. 7-14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-primiritelnyh-protsedur-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>. – Дата доступа: 20.04.2022.
4. Зайцева, Л. Л. Медиация в уголовном процессе. История одного законопроекта [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 716-719. Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/263169>. – Дата доступа: 23.01.2022.

5. Орловская, Л. Медиации в уголовном процессе Беларуси быть: 19 июня 2021 года вступают в силу соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Л. Орловская // Центр «Медиация и право». – Режим доступа: <https://mediation-law.by/новости/document-25043.html>. – Дата доступа: 23.01.2022.

6. Власова, Л. Медиация в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Л.Власова // Журнал arbitration.ru. – Режим доступа: <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/mediatsiya-v-respublike-belarus/>. – Дата доступа: 20.04.2022.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УДК 343.9

К. С. Абисова

(Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, Симферополь)

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Обосновывается, что на государственном уровне деятельность по противодействию терроризму должна осуществляться на основе триумверата документов стратегического планирования, а именно «Стратегия» – «Концепция» – «План». Указанное позволит обеспечить целостность, согласованность, системность, практическую реализацию стратегических и концептуальных направлений деятельности по противодействию терроризму.

Деятельность, осуществляемая на государственном уровне (например, направленная на обеспечение безопасности и противодействие преступности) основывается на системном и плановом подходах, что обусловлено структурными, системными, функциональными особенностями самого субъекта деятельности, а также сложностью объекта её воздействия. В свою очередь, комплексность и многоэтапность деятельности, обуславливает необходимость её стратегического планирования. Сама институциональная и деятельностная природа терроризма обуславливает необходимость комплексного подхода (синергия системного и планового) к противодействию ему, основанному на стратегическом планировании. В данном контексте А.Н. Игнатов справедливо отмечает, что противодействие должно приобретать формы научно взвешенной стратегии [6, с. 159].

Необходимость стратегического планирования определена на государственном уровне Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1], который выделяет виды документов стратегического планирования, порядок создания документов стратегического планирования и прогнозирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, полномочия участников стратегического планирования, а также принципы деятельности по стратегическому планированию. Согласно вышеуказанному федеральному закону, деятельность по стратегическому планированию включает в себя: целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Признание на законодательном уровне в Российской Федерации квазигосударственного статуса террористических организаций, масштабы, многоуровневости, системности террористической деятельности, новых форм и видов ее реализации, требует принятия аналогичных, системных, концептуальных, основанных на стратегическом планировании мер противодействия, которые по своему содержанию уже не предполагают под собой победы лишь в локальном смысле, на «поле боя». В вопросе организации системы противодействия терроризму необходимо избегать фрагментарности в документах, её составляющих. Архитектура современной системы мер противодействия должна являться результатом инкрементного процесса деятельности государства.

Одним из видов документов стратегического планирования долгосрочного характера является стратегия, которая содержит систему приоритетных направлений деятельности, а также цели, задачи и принципы реализации таковой. Базовым документом стратегического планирования в области обеспечения безопасности в Российской Федерации является Стратегия национальной безопасности Российской

Федерации [2] (далее – Стратегия), которая определяет стратегические национальные приоритеты страны, устанавливает и дает оценку угрозам национальной безопасности, определяет цели и задачи в области обеспечения национальной безопасности на долгосрочную перспективу.

Особое место среди перечня угроз национальной безопасности Стратегия отводит проявлениям терроризма и экстремизма, условия, для распространения которых создают ослабленные системы глобальной и региональной безопасности. Стратегия, безусловно, отражает общие аспекты, касающиеся угроз национальной безопасности, ввиду чего в рамках общей Стратегии не представляется возможным полномасштабно, всеобъемлюще и прописать стратегические основы противодействия отдельным ключевым угрозам, среди которых особое место занимают экстремизм и терроризм. Теория стратегирования оперирует понятием «спусковой крючок» при разработке новой стратегии. Например, если появились принципиально новые внешние условия, обострилась какая-то проблема [7, с. 15]. Указанный тезис напрямую относится к противодействию экстремизму и терроризму, стремительно меняющих свои формы и способы осуществления.

Следуя данной логике, руководством страны было принято решение о выработке с учётом положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, стратегических основ противодействия экстремизму и терроризму в виде документов под названием «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [3] и «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» [4].

В свою очередь, исходя из основ стратегического планирования, стратегические основы противодействия экстремизму и терроризму должны находить своё отражение и практическое развитие в форме соответствующих концепций.

Концепция является одним из видов документов стратегического планирования, который по своей сущности не отражает начальных «теоретических» основ деятельности, а содержит лишь основу практической реализации деятельности определяемой стратегией.

В соответствии с преамбулой, именно Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации определяет принципы, цели, задачи и основные направления деятельности по противодействию терроризму, что в своей основе противоречит сути документа стратегического планирования под названием концепция. На наш взгляд, Концепция противодействия терроризму должна содержать исключительно элементы практической стороны реализации оговоренных в Стратегии противодействия экстремизму и терроризму положений, с указанием субъектов реализации указанной деятельности и основ обеспечения таковой.

Согласно основам стратегического планирования, концептуальные основы противодействия терроризму должны находить своё практическое воплощение в форме документа в виде плана.

На сегодняшний день в государстве в развитие положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, а также иных нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности личности, общества и государства, действует Комплексный план Противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы [5].

По своей сути и содержанию, план, является условной «дорожной картой» и обеспечивает целостность, согласованность, системность, практическую реализацию стратегических и концептуальных направлений деятельности по противодействию терроризму. Однако, при анализе данного документа возникает ряд спорных вопросов. Ключевым из них является вопрос о самом названии документа, которое по каким-то причинам охватывает лишь одну составляющую терроризма, идеологическую, что находит своё последующее отражение и в его содержании.

Устранение противоречий в документах стратегического планирования, определение их иерархии и содержательного наполнения позволит оптимизировать процесс противодействия терроризму. На наш взгляд, иерархия документов стратегического планирования в сфере противодействия терроризму должна выглядеть следующим образом: «Стратегия» – «Концепция» – «План». Указанное позволит говорить о комплексности, системности, стратегической обоснованности и концептуальности процесса противодействия.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>. – Дата доступа: 23.03.2022.
3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2014 г. Пр-2753 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>. – Дата доступа: 23.03.2022.
4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92779/. – Дата доступа: 23.03.2022.
5. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг., утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665.
6. Игнатов, А.Н. Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе / А.Н. Игнатов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 157-168.
7. Квинт, В. Л. Стратегирование в России и мире: ставка на человека/ В.Л. Квинт // Экономика и управление. – 2014. – № 11(109). – С. 15-17.

УДК 343.791

М. Г. Головенчик

(Белорусский государственный университет, Минск)

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В условиях цифровой трансформации экономики, переноса экономики в сферу цифровых процессов актуализируется проблематика экономической преступности. В работе обращено внимание на основные показатели, характеризующие количественные и качественные показатели преступности, определены основные проблемные аспекты их применения к анализу экономической преступности в условиях цифровизации.

В настоящее время в условиях цифровизации происходят качественно новые преобразования во всех сферах жизни. Это позволяет говорить о цифровой трансформации, под которой понимается «проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания

добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический и экономический уклад, а также происходит создание новых отраслей экономики» [1].

Перенос экономики в сферу цифровых процессов, создание новых отраслей экономики, основанных на цифровизации, приводит к цифровой трансформации экономической преступности. Сегодня преступления, в том числе экономические, совершаемые с помощью новых технологий, получают все большее распространение. С позиций науки криминологии это требует актуализации исследований количественных и качественных характеристик экономической преступности в условиях цифровой трансформации.

Как отмечает российский исследователь Ю. В. Новикова, выяснение количественных и качественных характеристик для отдельного вида или группы преступлений имеет огромное практическое значение: они подлежат учету при выборе наиболее приоритетных методов борьбы с преступностью, определении направлений эффективного использования имеющихся средств, мер профилактики и предотвращения преступлений [2, с. 494].

Количественная сторона преступности как явления характеризуется следующим комплексом показателей:

- а) абсолютным числом совершенных преступлений;
 - б) абсолютным числом лиц, совершивших преступления;
 - в) общим показателем (коэффициентом) интенсивности преступности;
 - г) детализированными показателями интенсивности отдельных групп и видов преступлений;
 - д) общим показателем преступной активности;
 - е) детализированными показателями преступной активности отдельных групп населения;
 - ж) общим показателем виктимности населения;
 - з) детализированными показателями виктимности отдельных групп населения
- [3, с. 54–55].

К показателям, характеризующим качественную сторону преступности, относят тяжесть преступности, структуру преступности, динамику преступности, взаимосвязь преступности с другими социальными явлениями [3, с. 51].

Анализ специальной литературы показывает, что в последние годы внимание ученых все больше привлекают вопросы борьбы с киберпреступностью. В частности, соответствующее криминологическое исследование, посвященное показателям киберпреступности, было осуществлено белорусскими исследователями А. Э. Набатовой и С. А. Кузьмичевым [4]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в Республике Беларусь в соответствии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь [5] под киберпреступлениями понимаются предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь преступления против информационной безопасности. В то же время в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) данным преступлениям посвящен раздел XII, глава 31. Следует отметить, что в 2021 году в УК были внесены изменения, в соответствии с которыми название раздела XII и главы 31 было изложено в новой редакции: в настоящее время рассматриваемые преступления называются преступлениями против компьютерной безопасности [6].

Исходя из содержания данной главы, к киберпреступлениям в настоящее время отнесены: несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК Беларуси); уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации (ст. 350 УК Беларуси); неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК Беларуси); разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств

(ст. 354 УК Беларуси); нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (ст. 355 УК Беларуси).

Таким образом, системный анализ действующего УК и Концепции информационной безопасности позволяет сделать вывод о том, что экономические преступления в настоящее время формально не подпадают под понятие киберпреступности. Вместе с тем, способы совершения киберпреступлений могут быть присущи многим прочим преступлениям, расположенных в иных главах и разделах УК, включая преступления в сфере экономической деятельности. Это приводит к пониманию того, что определение количественных и качественных характеристик экономических преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий требует корректировки имеющихся подходов, в частности, в качестве одного из возможных вариантов может быть рассмотрен учет таких характеристик не только по конкретной статье УК, но и с принятием во внимание способа совершения преступления. На сегодняшний же день порядок собирания и составления статистической информации не дает возможности составить адекватное представление о количественных и качественных характеристиках экономической преступности в условиях цифровой трансформации.

Наряду с киберпреступлениями, в Концепции выделяются также иные преступления в информационной сфере, предметом или средством совершения которых являются информация, информационные системы и сети [5].

Подобные признаки обнаруживаются в целом ряде статей УК Беларуси о преступлениях против собственности и против порядка осуществления экономической деятельности. В их числе:

статья 212 УК Беларуси (содержит признак «путем модификации компьютерной информации»);

статья 208 УК Беларуси (модификация компьютерной информации является альтернативной угрозой при вымогательстве);

статья 216 УК Беларуси (модификация компьютерной информации способом причинения имущественного ущерба без признаков хищения);

статья 222 УК Беларуси (содержит указание на действия, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам, что свидетельствует о возможности совершения в информационной сфере данного преступления).

При этом и другие преступления, предусмотренные в главах 24, 25 УК Беларуси, могут совершаться с использованием информационных технологий, однако соответствующие статьи УК Беларуси не содержат вышеуказанных признаков.

В то же время в официальной статистике правонарушений указывается лишь общее количество зарегистрированных преступлений и не имеется данных о количестве таких деяний, совершенных с использованием средств цифровизации. Таким образом, подсчет вышеупомянутых преступлений исключительно по нумерации статьи Особенной части УК не дает возможности установить точные количественные и качественные характеристики экономической преступности в условиях цифровой трансформации.

Следует также отметить, что с учетом развития информационных технологий отдельные исследователи говорят об экономической преступности в киберпространстве (Л. Н. Киданова [7]). Также в специальных исследованиях упоминается о появлении экономической киберпреступности (в частности, М. А. Простосердов определяет экономическое киберпреступление как киберпреступление, причиняющее вред экономическим отношениям как родовому объекту [8, с. 39]). В то же время в общей статистике преступности экономические киберпреступления не выделяются [9], как нет их объединения (в качестве самостоятельной группы преступлений) и в УК Беларуси. Данный факт также препятствует установлению характеристик экономической преступности в информационной сфере.

Из всего вышеизложенного вытекает, что, во-первых, ведущаяся статистика правонарушений не позволяет установить интересующие криминологов характеристики экономических преступлений в условиях цифровой трансформации. Во-вторых, отдельному исследованию подлежат вопросы о том, какие экономические преступления могут совершаться с использованием информационных телекоммуникационных технологий. В-третьих, при изучении количественных и качественных характеристик экономической преступности в условиях цифровой трансформации необходимо учитывать способ совершения преступления.

Список использованной литературы

1. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс]: Решение Высшего Евразийского экономического совета, 11.10.2017 г., № 12. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/24608455a788c3117638cfd3ecf63771c8130c6f/. – Дата доступа: 10.04.2022.

2. Новикова, Ю. В. Количественно-качественные показатели преступности (преступлений) как элемент криминологической характеристики / Ю. В. Новикова // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сб. материалов Междунар. научно-практ. конференции, Воронеж, 03–04 окт. 2013 г. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – С. 492–494. 2

3. Забрянский, Г. И. Статистические показатели, характеризующие количественную сторону преступности: содержание и аналитические возможности / Г. И. Забрянский // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – № 4(39). – С. 50–55. 3

4. Набатова, А. Э. Киберпреступность в Республике Беларусь: понятие и криминологические показатели / А. Э. Набатова, С. А. Кузьмичев // Противодействие киберпреступности: современное состояние и пути повышения эффективности : сб. статей / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша (гл. ред.) [и др.]. – Минск : ЮрСпектр, 2020. – 322 с.

5. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18.03.2019 № 1. – Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1>. – Дата доступа: 15.04.2022.

6. Уголовный кодекс [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г., одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г., с изм., внес. Законом Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.

7. Киданова, Н. Л. Актуальные проблемы современности - экономические преступления, совершаемые в киберпространстве / Н. Л. Киданова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2018. – № 1. – С. 26–29.

8. Простосердов, М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им : дисс. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / М. А. Простосердов. – М., 2016. – 232 с.

9. Демографическая и социальная статистика: Статистика правосудия и правонарушений [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Search?code=1063066>. – Дата доступа: 15.04.2022.

С. А. Кузьмичёв

*(Управление Следственного комитета Республики Беларусь
по Гомельской области, Гомель)*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Стремительно развивающаяся цифровизация требует серьёзной переориентации деятельности правоохранительных органов по обеспечению криминологической безопасности личности, общества и государства. Поставленная задача не может быть решена без должной подготовки специалистов, способных не только исследовать современное состояние преступности в сфере развития и применения цифровых технологий, но и анализировать социально-демографические и нравственно-психологические признаки личности преступника, определять основные направления противодействия преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий.

В XVII веке профессор Г.В.Лейбниц отмечал: «Будущее неизбежно связано со считающими машинами, которые будут настолько совершенны, объективны и эффективны, что смогут беспристрастно взвешивать «за» и «против» и таким образом способствовать судопроизводству» [1].

Динамичный ход развития информационного общества и констатация очевидных преимуществ использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее ИКТ), пронизывающих все сферы жизнедеятельности, свидетельствуют об изменении стереотипов, колеблющих традиционные постулаты общественных отношений. Виртуальный мир всё чаще рассматривается как арена напряжённого противодействия возрастающим масштабам преступлений, совершаемым с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Криминальный тип мышления становится всё более изощрённым, нежели интеллектуальные, организационные и иные усилия правоохранительных органов [2].

На протяжении последних 10 лет отмечается существенный рост преступлений в сфере ИКТ. Если в 2012 году доля таких преступлений в общей структуре преступности составляла всего 2%, то в 2020 – более 25%.

Итогом существенного увеличения количества регистрируемых преступлений данной категории явилось значительное снижение их раскрываемости. Так, если в 2018 году подозреваемые (обвиняемые) устанавливались по каждому второму из всех регистрируемых преступлений в сфере ИКТ, то в 2020 году абсолютное большинство остались нераскрытыми.

Потребность в модернизации концептуальных и теоретических основ криминологии в условиях перехода к информационному обществу является одной из значимых проблем в общеправовой и криминологической литературе.

Киберпреступность приобретает всё более опасные формы, эволюционируя с развитием ИКТ. Традиционные формы и методы предварительного следствия таких преступлений не в полной мере позволяют обеспечить выполнение задач, стоящих перед органами уголовного преследования. Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости использования органами уголовного преследования иных средств познания преступных действий в цифровой среде.

Одними из них могут выступать методики, основанные на анализе содержания объёмных файлов, связанных с пользователями цифровых устройств, с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих специальными познаниями по обработке цифровой криминологической информации.

В системе инструментов познания противоправных явлений в киберпространстве цифровое профилирование преступного поведения возможно анализировать математическими методами моделирования и прогнозирования. Благодаря таким методам становится возможным структурирование и моделирование цифрового профиля (портрета) неустановленного преступника (Digital Profiling). Цифровое профилирование как метод расследования имеет особую значимость в тех случаях, когда сложно сопоставить отдельное цифровое устройство с конкретным пользователем (например, одно коммуникационное устройство и несколько пользователей). Криминологический профиль как метод установления неизвестного преступника посредством разработки и использования поисковой модели впервые применён в 50-х годах XX века в США для составления психологического портрета преступника на основе оставленных им следов на месте преступления. Метод профилирования основывается на анализе поведения преступника «в качестве доказательства» (Behavioral Evidence Analysis) и служит для «заполнения пробелов, образовавшихся после следственных действий» [3].

Немецкие криминологи одними из первых стали применять в практике розыска цифровые методы профилирования (растрового розыска преступников). Сущность метода заключается в автоматизированном поиске неизвестного преступника посредством электронной обработки информационных массивов данных государственных и негосударственных организаций (учреждений) с учётом специально разрабатываемого специалистами набора поисковых признаков профиля (портрета) предполагаемого разыскиваемого лица. По итогам применения растрового метода, подпадающие под критерии потенциального подозреваемого субъекты подлежат дальнейшей проверке на причастность к совершению преступления путём проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [2].

Традиционная криминология всесторонне исследовала все типы личности преступника. В то же время «цифровой» преступник, действуя в виртуальном мире, малоизучен, что существенно осложняет работу по предупреждению киберпреступлений.

Цифровой мир породил новую вариативность развития ситуации, в связи с чем криминологическому анализу могут быть подвержены преступления, например, совершаемые на почве и под воздействием компьютерных игр, общения в социальных сетях, различных форм интернет мошенничеств и др.

Прогнозы развития современной криминологии не могут опираться на научно обоснованные представления о совокупности общих тенденций развития общества, науки, технологий, в том числе о темпах, масштабах и последствиях цифровизации общественных отношений [4]. В сложившейся ситуации очевидна необходимость разработки теоретических основ цифровой криминологии как самостоятельной отрасли криминологической науки.

Одним из первых в российской криминологической доктрине на эту проблему обратил внимание доктор юридических наук, профессор Лебедев С.Я., которым сформулированы теоретические основы концепции системного научного знания о технологических инновациях преступности и её предупреждения под общим термином киберкриминология. По мнению автора, киберкриминология должна стать теоретической и прикладной отраслью криминологической науки [1].

Современная криминологическая доктрина рассматривает цифровые аспекты с технологических позиций. Исследователи преимущественно акцентируют внимание на цифровых носителях информации, содержащих как криминологические, так и криминалистические цифровые следы, отражающие индивидуальные черты и особенности поведения.

Взаимодействие в виртуальной среде позволяет выявить электронные следы, в которых может содержаться информация не только об обстоятельствах преступления, но и признаках лица, его совершившего.

Закономерности анализа, синтеза и обобщения профиля преступника позволяют определить его как одну из криминологических моделей, объединяющую психологические, криминологические и иные признаки индивида, обладающие идентификационными характеристиками и свойствами.

Цифровое профилирование применяется в ряде европейских стран и представляет собой систему сложных технических операций обработки и анализа криминологической информации, основу которой составляют логико-математические методы [2].

Всё большую актуальность приобретают возможности искусственного интеллекта в прогнозировании, предупреждении и противодействии преступности.

Система искусственного интеллекта определяется как программная система, имитирующая на компьютере процесс мышления человека.

Особенностью искусственного интеллекта является возможность машинного обучения – одного из направлений, основной принцип которого заключается в получении данных и обучении на их основе. Системы машинного обучения позволяют оперативно применять знания, полученные при обучении на больших наборах данных, за счёт чего решаются такие задачи как распознавание лиц, речи, объектов и др.

В ходе исследований в области искусственного интеллекта возникли нейронные сети, идея которых заключается в воспроизведении способности биологических нервных систем обучаться и исправлять ошибки, моделируя низкоуровневую структуру мозга.

К примерам использования искусственного интеллекта в предупреждении преступности можно отнести следующие:

- *«Интегрированная геолокационная платформа предиктивной аналитики»* (Манчестер, Великобритания, 2016 г. – н.в.) – применяется в профилактике уличной преступности за счёт повышенного внимания полиции к улице или участку улицы при изменении факторов, воздействующих на уровень данного вида преступности;

- *«Система анализа данных, основанная на разработках IBM и географической информационной системы Ersi»* (Ванкувер, Канада, 2007 г. – н.в.) – используется для выявления тенденций преступности, прогнозирования вероятного времени и места совершения преступлений;

- *«Система «Искусственный интеллект»* («Объединённая приборостроительная корпорация», Россия, тестируется с 2016 г.) – фиксация нарушений на границах России с помощью инфракрасных датчиков, сейсмодатчиков, радиолокационных устройств с целью наработки базы данных для дальнейшего компьютерного анализа информации о нарушении границ, дистанционного контроля ситуации и прогнозирования опасностей [5].

Следственный комитет Республики Беларусь не остаётся в стороне от стремительного развития цифрового общества, своевременно реагируя на вызовы и угрозы в информационной среде. Одним из перспективных решений, принятых руководством Следственного комитета в 2022 году, является создание самостоятельного структурного подразделения – главного управления цифрового развития предварительного следствия центрального аппарата, а также отделов цифрового развития предварительного следствия в управлениях Следственного комитета по областям и г. Минску.

К основным задачам указанных структурных подразделений относятся: внедрение инновационных технологий расследования; мониторинг и реагирование на киберпреступления; проведение аналитической работы с криминалистическими данными, обрабатываемыми ведомственными и иными информационными системами; выявление отдельных и системных высокотехнологичных преступлений и др.

Дальнейшее проведение исследований в указанной области изменит не только особенности сбора эмпирического материала и его анализа, изучение причинного

комплекса и личности преступника с использованием, в том числе, технологий искусственного интеллекта, больших данных и иных цифровых технологий, но и систему криминологической цифровой безопасности.

Список использованной литературы

1. Ищук, Я.Г., Пинкевич, Т.В., Смольянинов, Е.С. Цифровая криминология: учебное пособие. – Москва. : Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.
2. Суходолов, А.П., Калужина, М.А., Спасенников, Б.А., Колодин, В.С. Цифровая криминология: метод цифрового профилирования поведения неустановленного преступника / Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13 – № 3. – С. 385–394.
3. Баронин, А.С. Психологический профиль убийц / А.С. Баронин. – Киев : Изд-во Паливода А.В., 2001. – 176 с.
4. Серебренникова, А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) / А.В. Серебренников // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14 т – № 3. – С. 423–430.
5. Суходолов, А.П. Искусственный интеллект в противодействии преступности, её прогнозировании, предупреждении и эволюции / А.П. Суходолов, А.М. Бычков // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 753–766.

УДК 343.9: 316.346.2

А. Э. Набатова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРЕ В КРИМИНОЛОГИИ: СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

В публикации рассматриваются социально-гуманитарные предпосылки интеграции гендерной парадигмы в научно-исследовательское поле криминологии и прикладные исследования преступности. Проанализированы подходы на понятие и содержание гендера в философии, социологии, антропологии, культуре и праве, сделан вывод о том, что гендерная методология является эффективным инструментом для развития криминологических теорий, учений, отраслей на современном этапе.

Понятие «гендер» – центральная категория в исследовательском инструментарии большинства социально-гуманитарных наук и представляет собой совокупность социальных и культурных норм, предписываемых обществом для выполнения людям в зависимости от их биологического пола. Гендерный подход используется в социологии, психологии, педагогике, лингвистике, истории, праве. Криминология как социолого-правовая наука не является исключением, так как представляет собой систему знаний о преступности, одновременно являясь системой познания преступности, и в связи с этим, должна обладать универсальным методологическим инструментарием для ее исследования. На наш взгляд, одним из таких инструментов является гендерный подход как признак политической, экономической и любой другой культуры, учитывающий интересы социально-половых групп общества, сутью которого является осознание того, что общественные, социальные явления по-разному влияют на мужчин и женщин, вызывают у них неодинаковые реакции. В рамках указанного подхода выделяются различные страты, характеризующие гендер/пол (возраст, класс, раса, гражданство, вероисповедание, наличие девиаций в поведении и образе жизни, принадлежность к субкультуре и т.д.), которые традиционно были включены в поле криминологических исследований, а его предпосылки возникли в социально-гуманитарных науках. Таким

образом, изучение социально-гуманитарного аспекта гендера и его интеграции в криминологию представляется весьма актуальным.

Современный этап развития социально-гуманитарных наук характеризуется транзитом гендерной парадигмы познания объективной и субъективной действительности, пришедшей на смену андроцентризму. Как отмечает И.Р. Чикалова, вплоть до последней трети XX в. к рассмотрению проблем пола в гуманитарной и социальной науках превалировали подходы, характерные для традиционалистско-консервативного дискурса, особо интерпретировавшего сущность общества, государства, гражданина и взаимоотношения между ними: общество интегрировано в государство и построено на фундаменте жесткого иерархического порядка, подразумевающего ограниченную свободу и неравенство различных социальных групп. Равенство существует только в области морали и добродетели, состоящей в обязанности исполнять предназначенный каждому долг: женщины рожают и растят детей, ухаживают за мужчинами, а мужчины заботятся об общественном благе. Лучшие люди страны не те, кто заботится о своих правах, а те, кто несет особые обязанности. Причем подразумевается неизменяемость данного порядка и противоестественность попыток воздействия на него с целью модернизации [1, с. 89].

Не вдаваясь в серьезную дискуссию о роли мужчин и женщин в консервативном дискурсе отметим, что для него характерным является сегрегация и вытеснение на периферию всего того, что связано с женщинами и женским. Научные исследования женщин и женского рассматривались как вспомогательные, маргинальные, а полученные результаты характеризовались как второстепенные, незначительные. Таким образом, указанный подход к пониманию ролей полов в социально-гуманитарном знании устанавливал непреодолимые границы и существенно замедлял исследовательские возможности в данной области. Тем не менее, за последние пятьдесят лет на Западе и тридцать лет на постсоветском пространстве существенно приросла методологическая база, расширилась тематика исследований в философии, социологии, антропологии, психологии и праве за счет включения гендерной методологии, как наиболее востребованной научной парадигмы постмодернистского этапа. Как отмечает Е.Э. Шишлова, трансформация традиционных гендерных ценностей носит глобальный характер и распространяется на общества и государства с различными национальными, культурными, географическими особенностями. Происходящая гендерная трансформация означает не стирание различий между мужчинами и женщинами, а отказ от гендерной иерархии и имеющихся отношений власти и подчинения [2, с. 148].

В философии наблюдается переход от классической (просветительской, сведенной к единому и рациональному субъекту) модели субъективности к неклассической (множественной и децентрированной) [3, с. 235], позволяющей анализировать проблемы современного общества такие как гендерная идентичность, поиск себя, свобода реализации человека в социуме вне рамок схемы бинарной оппозиции. Гендерный подход рассматривается как метод философии, состоящий в обнаружении и деконструкции гендерных дифференциаций в любом феномене культуры или социальной жизни, в анализе этих феноменов с точки зрения критерия гендерного равенства/неравенства, что позволяет раскрывать гендерные составляющие субъекта.

Наряду с трансформацией философских воззрений на проблемы субъектности, основополагающее значение для смены научных парадигм имели прогрессивные теории и подходы, утвердившиеся в социологической науке. В результате чего, в социальные исследования была введена категория «гендер», которая заменила доминировавший в общественных науках полоролевой подход. Идею различения биологического и социального пола выдвинула М. Мид в 1935 г. [2, с. 148], сам термин «гендер» стал использоваться в западной науке с 1970-х г., в отечественной – с 1990-х

г. благодаря исследованиям американского ученого Р. Столлера [4]. Он впервые обозначил различие понятий пола и гендера. Свою концепцию исследователь строил на разделении биологического и культурного и считал, что изучение пола, является предметной областью биологии и физиологии, а анализ гендера – это предметная область психологии, социологии, истории, культуры и т.д. Таким образом, выделение биологической и культурной составляющей в изучении пола явилось основой для выделения самостоятельного направления в современном социально-гуманитарном знании – гендерные исследования.

Трансформация гендерной социализации и гендерной идентификации происходила в рамках ведущих социально-психологических теорий XX столетия, послуживших основой философского, антропологического, культурного, политического, экономического дискурсов. Гендерные теории развивались на макросоциальном и микросоциальном уровнях. К макросоциальным теориям относятся структурный функционализм, теория конфликта, неомарксистские теории. На этом уровне гендерные проблемы изучаются в рамках целостного описания и объяснения социальных процессов и явлений, а социальные роли и общественное положение мужчин и женщин анализируются в контексте существующих в обществе социальных систем. Гендерную стратификацию объясняют посредством рассмотрения таких социальных институтов, как дом, семья и экономика [5, с. 31]. Микросоциальные теории представлены структурно-функциональным анализом (Т. Парсонс и Р. Бейлс); социальным конструированием гендера (П. Бергер и Т. Лукман, К. Уэст и Д. Зиммерман); этнометодологией Г. Гарфинкеля и драматургического интеракционизма И. Гофмана.

В основе теории структурно-функционального анализа лежит дифференциация половых ролей на инструментальную (мужскую) и экспрессивную (женскую). Инструментальная роль – требующая властности и жестокости – обеспечивает отношения системы с внешним миром, а экспрессивная – предполагающая мягкость и терпение – нацелена на поддержание интеграции членов системы. По мнению Т. Парсонса и Р. Бейлса, подобное разделение ролей глубоко функционально, необходимо для поддержания стабильности любой социальной системы и поэтому универсально. Сегрегация ролей интерпретируется как механизм подавления возможного разрушительного для брака и семьи соревнования между супругами за власть, престиж, успех. При этом следует подчеркнуть, что в рамках данной теории социальные различия между мужчинами и женщинами описываются как биологически детерминированные, обусловленные сексуальными бессознательными инстинктами, основное внимание в процессе приобщения к обществу и культуре уделяется процессу социализации, в котором личность занимает пассивное место, является объектом воздействия.

В рамках теории социального конструирования гендера понятие «гендер» определяется как организованная модель социальных отношений между женщинами и мужчинами, не только характеризующая их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и определяющая их социальные отношения в основных институтах общества. Воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, индивиды конституируют гендерные различия и одновременно обуславливаемые ими системы господства и властвования. Этот подход основан на двух постулатах: 1) гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, СМИ; 2) гендер конструируется и самими индивидами на уровне их сознания, на уровне гендерной идентификации, путем интериоризации заданных обществом норм и ролей, возможности принятия или непринятия последних [2, с. 150]. И. Гофман в развитие указанных положений, с позиций драматургического интеракционизма, утверждает, что в процессе взаимодействия друг с другом и со своим окружением люди предполагают, что каждый участник процесса взаимодействия обладает сущностной природой – естеством, распознаваемой через естественные знаки в поведении людей. Женственность и мужественность рассматриваются как прототипы

сущностного выражения и основная характеристика индивида. Демонстрация сущностной природы, естественных знаков происходит благодаря гендерным дисплеям и если гендер можно определить, как культурно установленный коррелят пола (как следствие биологии или научения), то гендерный дисплей относится к конвенциональным изображениям этих коррелятов. Из выше изложенного следует основной тезис этнометодологической парадигмы Г. Гарфинкеля. Для индивида важно признание его окружающими в качестве мужчины или женщины, приписывание пола выступает необходимой предпосылкой социальной коммуникации. Из изложенного вытекает, что конструирование гендера представляет собой создание в процессе взаимодействия с другими людьми различий, не являющихся естественными, сущностными или биологическими, пол является социальным конструктом, а индивид не пассивным объектом социализации, а субъектом присвоения социальных норм.

Исследованные выше подходы послужили основанием для развития современных гендерных теорий – гендерного различия (В.А. Геодакян, Р. Баумайстер и К. Соммер, Э. Игли, Р. Кентер, М. Цукерман, А. Фейнгольд) гендерного неравенства (Р. Коллинз), гендерного угнетения, структурного угнетения – интерсекциональности (К.У. Креншоу) [6]. К изучению гендерных проблем обращается ряд современных исследователей (М.М. Акулич и И.А. Левенских, С.А. Баязитова, И.Б. Васильевна, Г.Н. Гахараманова, М. Даймонд, Т.П. Дежина, Л.А. Краснобаева, А. Кронселл, В.Э. Семенова и Л.Э. Семенова, Ю.С. Тукачева, Е.Б. Хитрук, А.Ю. Чукурова, Н.Б. Шипулина, Е.Ю. Сафонова и др.).

Подытоживая изложенное выше, обобщим некоторые теоретические положения гендерной теории, представляющие интерес для гендерной модели изучения личности преступника. Итак, объектом гендерной теории выступают различные формы социального взаимодействия мужчин и женщин в обществе или различные формы социального взаимодействия с их участием. Предметом являются механизмы формирования разнообразных представлений, переживаний, чувств участников этого взаимодействия, понимания ими условий своей жизнедеятельности, взаимопонимания мужчин и женщин [7, с. 16].

Под гендером следует понимать социальное проявление принадлежности к полу или «социальный пол». Предложенная концепция основывалась на разделении «биологического» и «социального», в связи с чем были переосмыслены мужские и женские роли в обществе. В процессе критики представлений классической социологии о природе отношений между полами оформляется гендерный подход. В его рамках статус пола перестает быть приписанным. Гендерные роли рассматриваются через социально организованные отношения власти и неравенства [8, с. 16].

Основой методологии современных гендерных исследований является не только описание разницы в статусах, ролях, чертах характера, нормах жизни мужчин и женщин, но и анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли. Таким образом, «гендерная роль» – динамический аспект гендера, модель поведения в соответствии с позицией или статусом, закрепленная общественными нормами и обычаями и т.д. [9, с. 116] Иными словами, гендер – это одна из важнейших и фундаментальных социальных категорий, которая определяет структурированность социума и не может существовать вне общества [10, с. 72].

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что преступность – это социальное явление есть все основания утверждать, что гендерная методология является эффективным инструментом для развития криминологических теорий, учений, отраслей на современном этапе.

Список использованной литературы

1. Чикалова, И. Р. Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм / И. Р. Чикалова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя

гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 3 / рэдкал. : У. Н. Сідарцоў, С. М. Ходзін (адк. рэдактары) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2007. – С. 89-100.

2. Шишлова, Е.Э. Гендер как инновационный научный дискурс / Е.Э. Шишлова // Вестник МГИМО. – 2013. – 1(28). – С. 148-152.

3. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб.: Алетея, 2007. – 312 с.

4. Stoller, R.J. Primary femininity / R.J. Stoller // J. Amer. Psychoanal. Assn. – 1976. – № 24 (Suppl.). – P. 59 – 78.

5. Гендер и право : учебное пособие / Е. Г. Абраменко [и др.] ; под ред. Т. В. Телятицкой. – Минск : ЮНИПАК, 2020. – 340 с.

6. Ритцер, Дж. Современные социологические теории. /Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

7. Досина, Н.В. Гендерные исследования в социологии / Н.В. Досина. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 148 с.

8. Акулич, М.М. Гендерные роли в классических и постклассических социологических теориях / М.М. Акулич, И.А. Левенских // Вестник Тюменского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 14-19.

9. Здравомыслова, Е. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научных статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – Труды. Вып. 4. – СПб.: ЦНСИ, 1996. – С. 115-122.

10. Васильева, И.Б. Гендер как социальная категория и ее характеристики / И.Б. Васильева // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2007. – Вып. 2 Философские науки. – С. 70-76.

УДК 343.914

С. М. Свило

(Белорусский государственный университет, Минск)

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В публикации акцентируется внимание на особенностях отбывания женщинами наказания в виде лишения свободы, а также рассматриваются вопросы ресоциализации таких осужденных. Автор на основе собранного и исследованного эмпирического материала предлагает ряд мер, направленных на повышение эффективности процесса исправления, социальную адаптацию и ресоциализацию осужденных женщин, формирование их способности после отбытия наказания к самостоятельной жизни в социуме.

Судебная практика привлечения лиц к уголовной ответственности, свидетельствует, во-первых, о том, что одним из наиболее распространенных видов наказаний, применяющихся в отношении женщин, является лишение свободы. Во-вторых, осужденным женщинам (далее также – женщинам-преступницам) назначаются слишком большие сроки лишения свободы без учета их биологических и физиологических особенностей, а также характера и степени общественной опасности совершенного преступления и обстоятельств его совершения. В-третьих, число женщин, совершивших преступление в течение первого года после освобождения из мест лишения свободы, превышает число женщин, совершивших преступление в этот же промежуток после отбытия остальных видов наказания.

Установлено, что при реализации уголовной ответственности в 2021 г. женщинам-преступницам назначались такие виды наказания как ограничение свободы – 23,6 % (в 2017 г. – 17,1 %, 2010 г. – 37,7 %), лишение свободы – 21 % (в 2017 г. – 24,7

%, 2010 г. – 19,6 %), арест – 18,6 % (в 2017 г. – 17,3 %, 2010 г. – 8,7 %); общественные работы – 13,5 % (в 2017 г. – 10,4 %, 2010 г. – 3,8 %); штраф – 10,4 % (в 2017 г. – 9,6 %, 2010 г. – 10,1 %). При этом большинство женщин (около 80 %) осуждены к лишению свободы на срок до 3 лет.

Проведенное исследование в местах лишения свободы¹ позволило определить криминологический портрет женщины-преступницы, который выглядит следующим образом: это незамужняя либо разведенная женщина 30-40 лет с общим средним образованием, не имеющая определенных занятий, совершившая, как правило, одно преступление против собственности по мотивам, близко соприкасающимся с ее жизнью или жизнью близких людей; около одной четверти отрицательно характеризовались по месту работы и жительства; признают свою вину за совершенное деяние, что свидетельствует о беспокойстве за свое будущее, которое усиливается в период отбывания наказания; почти половина из опрошенных – ранее судимы, а уровень специального рецидива выше общего; в соотношении простого, опасного и особо опасного рецидива превалирует простой рецидив; каждая пятая ранее привлекалась к административной ответственности; около 20 % женщин-преступниц страдали хроническим алкоголизмом или наркоманией; каждая третья совершила преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Для содержания женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в Республике Беларусь действуют три исправительные колонии (далее – ИК), в том числе: для лиц, впервые отбывающих это наказание; для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы; ИК-поселение. Согласно ст. 57 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), женщинам отбывание наказания в виде лишения свободы может быть назначено в условиях поселения, в условиях общего или строгого режимов. Основанием для определения строгого режима содержания является совершение женщиной преступления при особо опасном рецидиве. В силу малочисленности таких женщин в одном отряде содержатся лица, которым отбывание наказания назначено как в условиях общего, так и строгого режима. Вследствие этого считаем целесообразным изменить систему исправительных учреждений для женщин, исключив из нее ИК с отбыванием наказания в условиях строгого режима, что не потребует дополнительных затрат, и в то же время позволит женщинам в определенной мере улучшить условия отбывания наказания. Так, лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы в условиях общего режима, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости денежные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере шести базовых величин, а в условиях строгого режима – четырех. Первая категория осужденных вправе иметь больше на одно краткосрочное и одно длительное свидание в течение года; ежегодно получать на две посылки или передачи больше. Дополнительные льготы предусмотрены Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (далее – УИК) и при переводе на улучшенные условия содержания. Кроме этого, положительно оценивая практику сокращения назначения женщинам наказания в виде лишения свободы, полагаем целесообразным сохранить данную тенденцию в будущем [1, с. 1-6].

Следует отметить, что в ИК для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, имеется дом ребенка, где до достижения трехлетнего возраста постоянно содержатся 30–50 детей, рожденных осужденными женщинами. Как показало исследование, матери в таких случаях проживают отдельно от детей, а проблема пребывания ребенка после достижения им трехлетнего возраста всегда остается открытой. Проживание таких лиц вне ИК на время освобождения от работы по

¹ Здесь и далее приводятся данные выборочного анкетирования 600 женщин от 14 до 65 лет, отбывающих наказание в виде лишения свободы во всех исправительных учреждениях Республики Беларусь (ошибка репрезентативности – 2 %)

беременности и родам, а также на период до достижения ребенком трехлетнего возраста, что предусмотрено ст. 91 УИК, вообще не практикуется. В этом отношении заслуживает внимания система отбывания наказания в виде лишения свободы некоторых стран Европы. Так, в Германии существуют автономные тюремные комнаты для матери и ребенка площадью 20 кв.м., предусмотрены ясли, сад, детские площадки, специальный лифт для подъема детских колясок на жилой этаж и др. Содержание осужденной матери с ребенком продолжается до достижения им школьного возраста. В Финляндии ребенок находится с матерью до четырех лет. Когда женщина занята на работе, дети проводят время под присмотром квалифицированных детских работников. В Ирландии осужденную женщину освобождают досрочно после того, как ее ребенку исполнилось девять месяцев. В Дании, Греции предусмотрено совместное проживание матери и ребенка даже в тех случаях, когда женщина приговорена к одиночному заключению.

По данным анкетирования женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы, у 80 % из них отрыв от семьи, родных и близких вызывает наибольшие страдания. Каждой седьмой осужденной никто не пишет, к большинству никто не приезжает на свидания, в связи с чем они заменяют их на телефонные разговоры с родными. В этом направлении представляется целесообразным изменить условия отбывания наказания в виде лишения свободы осужденным женщинам: отменить все ограничения на количество посылок, передач и бандеролей; увеличить продолжительность и количество свиданий с супругами и детьми, телефонных переговоров.

Кроме этого, с учетом указанного, считаем необходимым изменить редакцию ст. 91 УИК, предусмотрев проживание вне ИК осужденных женщин, которые имеют семью или родственников, давших согласие на совместное с ними проживание, либо которые имеют возможность самостоятельно обеспечить надлежащие условия для воспитания ребенка. При этом следует установить, что поселяются такие женщины вблизи территории ИК в общежитии, принадлежащем колонии, либо в арендуемых жилых помещениях, либо в жилых помещениях, находящихся в личной собственности, и обязаны являться один раз в течение дня, в установленное время, к дежурному помощнику или контролеру контрольно-пропускного пункта для регистрации.

При принятии решения о совместном проживании должны учитываться состояние здоровья матери и ее отношение к ребенку. Недопустимо предоставление такого права женщинам, не прошедшим курс лечения от венерических заболеваний, либо женщинам с психическими расстройствами (заболеваниями). Кроме того, необходимо учитывать поведение осужденной во время отбывания наказания, ее психолого-педагогическую характеристику. Совместное проживание матери с ребенком даст возможность почувствовать ответственность за его жизнь и благополучие, а в дальнейшем не позволит оставить его при первом жизненном затруднении на свободе. Противоречивым остается решение вопроса о направлении ребенка в соответствующие детские учреждения по достижении им трехлетнего возраста, если оставшийся срок отбывания наказания матери не позволяет применить условно-досрочное освобождение. Белорусскими учеными уже высказывались предложения о смягчении требований для применения условно-досрочного освобождения в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей до 14 лет (Э. А. Саркисова), с чем следует полностью согласиться. Дополнительные льготы беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе детей и добросовестно исполняющим свои родительские обязанности, должны выражаться в отмене всех ограничений на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, которые регламентированы ст. 82 УИК.

В связи с тем, что женщины, совершившие преступления, существенно отличаются друг от друга по социально-психологическим характеристикам, характеру и степени общественной опасности, направленности преступного деяния на

конкретный правоохраняемый объект, считаем целесообразным объединение осужденных по видам преступлений в рамках одной ИК в самостоятельные отряды. Это позволит более полно учитывать личные особенности разных категорий осужденных, дифференцированно организовывать работу по их исправлению. Кроме того, представляется возможным создание в женских исправительных учреждениях специализированных мест отбывания срока наказания для женщин в возрасте свыше 50 лет (около 5-8 % от общего числа женщин, отбывающих лишение свободы). Как правило, это лица, осужденные за преступления в семейно-бытовой сфере, характеризующиеся примерным поведением, к которым никто не приезжает на свидания. Созданные места отбывания наказания не потребуют усиленной охраны, однако им необходим дополнительный обслуживающий и медицинский персонал.

Проведенные исследования показали, что условия жизни в ИК созданы без достаточного учета психологических, физиологических и других особенностей лиц женского пола. Во время отбывания наказания происходят непрерывные циклические процессы, которые влияют на психику, вызывают взрывы эмоций, беспричинную агрессию у женщин. Санитарно-гигиенические условия, перечень инвентаря и предметов, которыми обеспечиваются ИК, не учитывают особенностей физиологии: отмечается недостаток отдельных средств гигиены, одежды и белья, дополнительных гигиенических мест, невозможность нормальной стирки и т.д. Закрепленная в ст. 94 УИК норма жилой площади на осужденного – не менее двух квадратных метров – не предусматривает различий в условиях содержания мужчин и женщин. В связи с этим считаем целесообразным в ИК, предназначенных для отбывания наказания женщин, увеличить минимальную норму жилой площади до трех квадратных метров на одно лицо (по аналогии с воспитательными колониями).

Одним из важных факторов, позволяющих нейтрализовать негативное воздействие изоляции, является степень участия осужденных в трудовом процессе. Результаты проведенного исследования показали, что половина осужденных женщин заняты на швейном производстве, более 10 % – на метизном производстве, 7 % к работе не привлекаются. Вместе с тем, основная масса осужденных женщин не способна компенсировать затраты государства, связанные с их содержанием, несмотря на желание трудиться, а обучение профессиональным специальностям проходит без учета их востребованности на свободе. В качестве фактора, способного повлиять на заинтересованность работой, большинство респондентов назвало более высокую заработную плату. Следовательно, выходом из данной ситуации является поиск новых решений проблем трудовой занятости в ИК, обучение новым профессиональным специальностям.

Установлено, что в течение первого года после освобождения вновь совершает преступление каждая четвертая женщина, из них около 60 % составляют лица, отбывшие наказание в ИК. Актуальным представляется создание в рамках Центра социальной адаптации ранее судимых лиц специализированного женского отделения, где бы сконцентрировалась работа по оказанию помощи освобожденным женщинам в сфере материнства, воспитания детей, медицинских, юридических услуг, трудоустройства путем создания собственных предпринимательских структур: швейных цехов, мастерских и т.д. В этом направлении нами предлагается ввести налоговые льготы предприятиям, участвующим в реализации программ ресоциализации освобожденных лиц на местном уровне или упрощенную систему налогообложения в виде уменьшения налоговой ставки для юридических лиц, предоставляющих рабочие места женщинам, отбывшим наказание.

В целях конкретизации дифференцированного подхода к организации индивидуальной воспитательной работы и адаптации к условиям ИК женщин, отбывающих наказание, подготовки их к освобождению, необходимо разработать комплексную программу ресоциализации, которая предусматривала бы оказание социальной помощи осужденной с начала поступления в колонию до освобождения: законодательное установление социальной поддержки связей с супругом, детьми и

родственниками; гарантированное обеспечение трудовой занятости по освобождению; решение жилищных проблем и т.д.

Таким образом, судебная практика назначения наказания в отношении женщин, совершивших преступления, нуждается в существенной коррекции, результатом которой должно стать более широкое применение альтернативных лишению свободы видов наказания.

В осуществляемом реформировании уголовно-исполнительной системы необходимо уделить внимание особенностям отбывания наказания женщинами, исходя из специфики их психологии и физиологии и с наибольшим приближением к требованиям Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1955 г.: совершенствовать структуру исправительных учреждений; изменить условия отбывания наказания в виде лишения свободы; установить дополнительные льготы женщинам-матерям, имеющим детей до трех лет и добросовестно исполняющим свои родительские обязанности, и др.

Рассмотренные проблемы представляются нам наиболее существенными и актуальными для подхода в решении вопроса отбывания наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, а также их ресоциализации и специальной превенции.

Список использованной литературы

1. Свило, С.М. Реализация наказания в виде лишения свободы в отношении женщин (на примере Республики Беларусь) / С.М. Свило // Вестник Казанского юридического института. – 2011. – №11. – С. 1-6.

УДК 343.97

И. М. Сипица

*(Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, Гомель)*

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОЙ АГРЕССИИ

В статье исследуются вопросы современного понимания агрессии как сложного феномена. Акцентируется внимание на проблемах, связанных с противодействием агрессивному поведению в семейно-бытовой среде, в которой преимущественно совершаются тяжкие насильственные преступления. В обоснование выводов автора в работе приведены конкретные статистические данные, иллюстрирующие приводимые положения.

Несмотря на невысокий удельный вес тяжких насильственных преступлений в целом по Республике Беларусь (не превышает 5 % от общего количества) [1, с. 58], предупреждение агрессивной насильственной преступности было и остается одной из наиболее актуальных задач криминологической науки.

Насильственные преступления, вызванные агрессией, отличаются повышенной общественной опасностью и влекут тяжкие последствия для потерпевших. Следует отметить, что современная агрессивная преступность носит преимущественно бытовой, ситуативный характер. Именно в этой сфере фиксируется примерно каждое третье убийство и тяжкое телесное повреждение. Тяжкие насильственные преступления совершаются либо по месту жительства граждан (убийства и причинение телесных повреждений на бытовой почве), либо на улицах и в иных общественных местах, что более характерно для нарушений общественного порядка (хулиганств) и изнасилований [1, с. 60].

В 80% случаев в преступлениях, которые совершаются в семьях, виновны мужчины. Статистика конкретно убийств и тяжких телесных повреждений показывает,

что женщины совершают каждое третье преступление [2]. При этом более 70 процентов всех потерпевших от домашнего насилия в семье – женщины и девочки [3].

Агрессия и агрессивное поведение — это сложный, не до конца изученный феномен. Научный и практический интерес представляет исследование всех касающихся агрессии аспектов: причин и последствий агрессивного поведения, способов и методов влияния на него, направленности агрессии, степени ее выраженности и т.д. Природа и внутренняя структура агрессии как детерминанты насильственного преступного поведения достаточно давно и всесторонне рассматриваются криминологами.

Агрессивное поведение, выраженное в совершении насильственных преступлений, по своим причинам, распространенности, прогностическим факторам и способам исследования отличается от менее значительных проявлений агрессии (пинки, пощечины, оскорбления, угрозы и т.д.). Важно иметь в виду, что агрессивность как и всякое свойство личности имеет различную степень выраженности. Обратной, «светлой» стороной этого свойства является развитие таких личностных качеств как инициативность, активность, решимость, упорство, независимость и т.д. Опасность представляет чрезмерная выраженность агрессии в характере человека, формирующая его конфликтность и склонность к насилию.

Можно согласиться, что под агрессией следует понимать сильные физические, словесные или «символические» действия, которые могут быть самозащитными или «неприемлемыми», к последним относятся деструктивное поведение и проявления ненависти [4, с.175].

В настоящее время все больше утверждается представление об агрессии как мотивированных внешних действиях, нарушающих нормы и правила сосуществования, наносящих вред, причиняющих боль и страдание людям [5]. Агрессивность можно рассматривать как свойство, перманентно присущее человеку, и агрессию — как действия, совершаемые в конкретных условиях. Отметим, что агрессивное поведение может быть классифицировано по различным критериям: выделяют насилие физическое и вербальное, прямое и не прямое, направленное и ненаправленное, активное и пассивное и т.д.

В научной дискуссии по проблеме агрессии как специфического поведения личности были сформулированы три основные дихотомии, описывающие природу агрессивного поведения: врожденное или приобретенное (истоки агрессии), когнитивное или эмоциональное (психологические механизмы агрессии), внутреннее или внешнее (факторы агрессии) [6, с.37]. В настоящее время превалирует подход, рассматривающий агрессию как формируемую в ходе жизни человека и поэтому поддающуюся коррекции.

Преступная агрессия имеет достаточно конкретные и глубоко изученные комплексные причины и предпосылки. Общеизвестно, что в наибольшей степени на качественную и количественную характеристику насильственной преступности влияют проблемы в социально-экономической сфере, сопровождающиеся низким уровнем материальной и бытовой обеспеченности населения, ростом общественного напряжения и нестабильности, социально-имущественным расслоением, безработицей и т.д. Такие проблемы могут усугубляться ощущением «несправедливости» в обществе, недостаточной защищенности законами и правовой системой.

Отсюда вытекают и проблемы индивидуально-психологического характера. Человек растет в неблагополучной среде, нормой в которой является разлад и насилие в семье, низкая культура, убежденность в отсутствии положительных жизненных перспектив, неудовлетворенность образом жизни, тревожность и аномия населения в целом. Зависимость между благополучием семьи (и общества в целом) и уровнем преступности достаточно очевидна, хотя вряд ли возможно полное подавление агрессивных проявлений даже в самом развитом и состоятельном обществе.

Если же рассматривать особенности насильственных преступников на индивидуально-личностном уровне, то можно выделить следующие их черты: эмоциональная неразвитость и нестабильность, психическая неуравновешенность, повышенные раздражительность и импульсивность, примитивность мышления, самооправдание, склонность к переложению вины на потерпевшего и внешние обстоятельства, восприятие окружающей среды как враждебной. Лица, склонные к физической агрессии, часто не способны предвидеть последствия своих действий и имеют трудности с анализом информации.

Тем не менее, указанные выше черты и особенности сами по себе не определяют человека как лицо, склонное к правонарушениям и потенциального преступника. Более того, не все насильственные преступники ими обладают, поскольку такие преступления могут совершать лица разного психологического типа. Перечисленные индивидуальные характеристики являются фактором, в значительной мере способствующим совершению насильственных преступлений. Однако на формирование таких качеств, их устойчивость и изменение (в сторону большей или меньшей выраженности) воздействуют факторы окружающей среды, и по мере взросления человека результаты его индивидуального опыта имеют все большее влияние. В целом, такой опыт, определяемый воспитанием лица, условиями его жизни, окружением, восприятием информации и т.д., заставляет личность либо «закостенеть» в опасном, стабильно агрессивном состоянии, либо позволяет смягчить агрессивные черты или научиться контролю и сдерживанию.

Сегодня наиболее остро стоит вопрос противодействия насильственным преступлениям бытового характера. Борьба с ними, как и с агрессивной насильственной преступностью в целом, должна быть комплексной, включая как специально-криминологические способы, так и правовые методы.

Основными и первоочередными методами противодействия бытовым насильственным преступлениям, на наш взгляд, являются следующие.

1. Закрепление в общественном сознании неприятия насилия как способа реагирования в конфликтных и иных жизненных ситуациях, прежде всего, в семье. Насилие, главным образом, бытовое, не должно нормализоваться или романтизироваться через СМИ, литературу, фильмы и сериалы. Государство имеет в распоряжении достаточный набор инструментов (система образования, СМИ и т.д.), чтобы существенно влиять на общество и поведенческие нормы.

2. Последовательная борьба с алкоголизмом и наркоманией. По статистике, более 83% убийств и тяжких телесных повреждений совершаются в состоянии алкогольного опьянения [3]. В последние годы наблюдается рост доли потерпевших, с которыми преступник был ранее знаком в связи с совместным проведением досуга (речь идет главным образом о компаниях собутыльников). К этой категории лиц относится каждая третья жертва умышленного убийства.

3. Повышение эффективности диагностики психических аномалий и акцентуаций у лиц с девиантным поведением с целью профилактики такого поведения и лечения серьезных соматических и психических заболеваний. Можно согласиться с утверждением о необходимости разработки и совершенствования психодиагностических методов, которые позволят производить точную и дифференцированную оценку агрессивности и враждебности, а также эффективных методов психотерапии [7, с. 47].

4. Своевременное и эффективное реагирование на правонарушения, совершаемые на почве семейных и бытовых конфликтов, включая социальное сопровождение участковыми инспекторами милиции семей, в которых происходят бытовые конфликты, известно о применении насилия, в том числе к несовершеннолетним, либо имеют место случаи дебоширства.

5. Своевременное профилактическое воздействие на лиц с повышенной степенью виктимности. Данное положение тесно связано с предыдущим, поскольку

статистика свидетельствует, что женщины, пострадавшие от семейного насилия, забирают свои заявления из милиции. В милицию в течение года поступает около 85 тысяч звонков о семейном насилии и только 50 тысяч семейных агрессоров привлекаются к административной ответственности и около 2 тысяч – к уголовной [3]. При этом виктимологическая профилактика таких преступлений должна иметь дифференцированный подход и не осуществляться «для галочки».

В настоящее время надлежащее функционирование системы профилактики агрессивных насильственных преступлений должно быть обеспечено четким законодательным базисом, предусматривающим комплексный подход к данной проблеме и тесное взаимодействие органов государственной власти, правоохранительных органов и социальных служб.

Список использованной литературы

1. Терещенко, Т.Г. Криминологическая характеристика насильственной преступности и хулиганства в Республике Беларусь / Т.Г. Терещенко // Пенитенциарная наука. – 2017. – № 1(37). – с. 57 – 61.

2. В Беларуси за январь-июль от рук семейных агрессоров погибли 55 человек // БЕЛТА [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/v-belarusi-za-janvar-ijul-ot-ruk-semejnyh-agressorov-pogibli-55-chelovek-357500-2019/>. – Дата доступа: 17.03.2022.

3. Официальная статистика, от которой становится жутко // Sputnik [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sputnik.by/press_center/20191121/1043295415/mvd-v-strane-est-fakty-iznasilovaniya-ottsam-nesovershennoletnikh-docherey.html. – Дата доступа: 17.03.2022.

4. Сейсебаева, Г.Т. Агрессивное поведение женщин (литературный обзор) / Г.Т. Сейсебаева [и др.] // Вестник Казахского национального медицинского университета. – 2015. – № 2. – с. 175 – 178.

5. Невенчаный, С.В. Понятие агрессивного поведения в современной психологии / С.В. Невенчаный [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-agressivnogo-povedeniya-v-sovremennoy-psihologii/viewer>. – Дата доступа: 07.10.2020.

6. Озерова, А.В. Трансформация агрессивного поведения в современном обществе / А.В. Озерова, А.А. Ларина // Синергия. – 2018. – № 2. – с. 36 – 41.

7. Ениколопов, С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения / С.Н. Ениколопов // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 2. – с. 37 – 47.

УДК 343.8

А. Р. Хаметова

(Оренбургский государственный университет, Оренбург)

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Анализ современного состояния проблем экстремизма и терроризма в стремительно развивающемся цифровом мире позволяет автору сделать вывод о необходимости профилактики экстремистских и террористических проявлений в молодежной образовательной среде. Задача борьбы с экстремизмом и терроризмом может быть решена при условии комплексного подхода в проведении государственной социально-экономической политики, воспитательной работы в молодежной среде, а также при принятии во внимание потребностей и желаний молодого поколения развиваться в современном обществе.

Цифровизация в образовании развивается стремительно и неудержимо и это всех нас в обществе радует, поскольку делает образование более доступным и наиболее эффективным по причине сокращения затрат и снижения трудоемкости, а также благодаря его гибкости и оперативности в части расширения возможностей получения обучающимися необходимых знаний. Положительных моментов здесь много, они ясны и понятны, однако важно учитывать и предотвращать возможные риски и опасности в части имеющих место каких-либо нежелательных или негативных воздействий на обучающихся извне, например, настроений экстремистской или террористической направленности.

Актуальные вопросы по профилактике терроризма в образовательной среде особенно остро возникают в последние тревожные годы, когда практически ежегодно в российских образовательных учреждениях происходят случаи гибели детей и взрослых людей в результате совершенных террористических актов.

Что такое терроризм и почему некоторые люди в конечном счете решают присоединиться к террористическим группам? Является ли использование крайнего насилия и терроризма в качестве средства принуждения аудитории или правительства неизбежной частью человечества, существовавшей на протяжении всей истории, или это следствие модернизации, фундаментализма и глобализации?

Возможно, не менее важно с политической и общественной точки зрения, обладаем ли мы глубокими знаниями о том, как предотвратить или удержать отдельных лиц от совершения террористических актов? Это основополагающие вопросы в рамках исследований терроризма, и ученые из широкого спектра дисциплин изучают их уже более полувека. Хотя оптимистичные прогнозы предполагают, что развитие исследовательской деятельности может помочь нам решить некоторые из этих давних проблем [1].

Несмотря на любые вопросы, связанные с определением, концепцией или методологией, касающиеся вопросов, связанных с терроризмом, некоторые из них обсуждаются в этой статье, и все они подробно обсуждались среди ученых, акцент на терроризме в политике, исследованиях, средствах массовой информации и общественной жизни вызывает не что иное, как недоумение. Это особенно актуально после террористической атаки 1 сентября 2004 года в г. Беслан, когда международное внимание к терроризму достигло беспрецедентных высот, впоследствии поставив борьбу с терроризмом на первое место среди глобальных проблем безопасности в 21 веке.

Естественно, проблем общества, касающихся терроризма, не образуется в социальный вакуум, они созданы на основе реальных жизненных событий; в современности в первую очередь, теракты в Беслане, глобальная волна жестоких нападений, которые случились в середине 2000-х годов, а в более недавний всплеск в массовых жертвах террористических атак связаны с «Исламским государством» (ИГИЛ запрещенная в Российской Федерации организация) по всей Европе и на Ближнем Востоке с 2011 года. Эти экстремальные, насильственные события оказали большое давление на политиков и органы безопасности с целью более «эффективного» предотвращения терроризма, что похоже, это проложило путь для дискурса о радикализации в мировой политике. Здесь дискурс о радикализации понимается как доктрина безопасности, вытекающая из глобальной войны с терроризмом, которая предполагает, что терроризм является конечным продуктом людей, подвергшихся радикализации взглядов.

Эта доктрина безопасности в настоящее время является отдельным и упреждающим направлением международной борьбы с терроризмом, в котором радикализация и экстремизм неразрывно связаны с терроризмом [6].

Связанные с этими образовательными функциями ученые утверждают, что необходимо уважать субъективизацию студентов. Здесь концепция образовательной эмансипации предстает как неотъемлемая обязанность практиков. Эмансипация проистекает из римского права, и эта концепция обычно ассоциируется со свободой человека; тесная связь между эмансипацией как в образовании, так и в философии восходит к идеям Иммануила Канта о просвещении человека.

С этого существенного момента, который простирается из основной «марксистской мантры» следует, что эмансипация является ключом к наиболее важным социальным исследованиям, в которых признается, что производство знаний должно быть направлено на освобождение людей от подавления [2].

Профилактика на начальном уровне зависит от оказания помощи учащимся младшего возраста в развитии их способности к критическому мышлению, моральной отзывчивости и гражданскому поведению. Исследования показывают, что усилия по профилактике требуют поддержки со стороны целевой аудитории, и что антиэкстремистские настроения не могут быть установлены сверху.

Следовательно, усилия по борьбе с радикализацией должны основываться на инициативах, ориентированных на учащихся и направленных снизу вверх, которые зависят от активного участия студентов и других заинтересованных сторон [3].

Уровень вторичной профилактики (или вмешательства) радикализации и насильственного экстремизма простирается от использования ориентированной на учащихся и прогрессивной педагогики; однако он также включает в себя более сильный акцент на инклюзивную и реляционную педагогику.

Таким образом, уровень вторичного вмешательства часто связан с принципами защиты, которые направлены на снижение факторов риска асоциальных ситуаций и поведения для молодежи. Очевидно, что принципы защиты касаются всех учащихся, однако некоторые утверждают, что профилактика на среднем уровне становится главным вопросом защиты уязвимых молодых людей.

Вмешательство в радикализацию и насильственный экстремизм выиграло бы от инклюзивной образовательной среды в сочетании с поддерживающими отношениями между студентами-практиками.

Исследования на уровне третичной профилактики (или противодействия) показывают необходимость использования инклюзивного образования, ориентированного на учащихся. Более того, есть признаки того, что усилия по повышению моральной отзывчивости среди студентов могут сыграть определенную роль в противодействии экстремистским взглядам.

Однако расхождения во взглядах относительно того, является ли образование правильным средством борьбы с насильственным экстремизмом. Тем не менее, похоже, что ключом к тому, чтобы помочь студентам отучиться от экстремизма, является использование реляционной и гуманистической педагогики, поскольку данные свидетельствуют о том, что молодые люди, идентифицирующие себя как экстремисты, стремятся к поддерживающим отношениям и к тому, чтобы к ним относились с уважением [4].

Переходя от последствий к последствиям, в литературе появляется все больше свидетельств того, что усилия по борьбе с радикализацией, предпринимаемые во всем мире, вызывают изменения в образовательной практике. Это видно из того, насколько возросли моральные и юридические обязанности практиков предвидеть, кто из студентов в конечном итоге станет террористом, в отличие от оказания помощи студентам в развитии устойчивости к экстремизму путем укрепления их способности критически мыслить и действовать морально. Связывают это с актуализацией экстремизма в общественной жизни, что способствует инструментальному подходу, направленному на то, чтобы научить радикалов думать и действовать определенным образом.

Исследования по профилактике выявляют практику использования уязвимости проблемы, однако уязвимость в этом контексте остается спорной, поскольку почти любой тип отношения или поведения может быть истолкован как признак радикализации.

Подход к профилактике с этой точки зрения также чреват ослаблением свободы воли и самостоятельности молодых людей, что не способствует демократическому образованию. Тем не менее, нет ничего внутренне непоследовательного в том, чтобы думать о конкретных субъектах как об уязвимых и угрожающих одновременно. По мнению ученых, что является проблематичным для образования в этом контексте

секьюритизации, так это сосредоточение внимания на можно сказать, что сама уязвимость, как уязвимость к новым идеям, в первую очередь определяет само условие того, чтобы быть студентом.

В настоящее время исследовательское изучение проблемы терроризма в России и других странах неуклонно растет. Большинство исследований в области образовательных усилий по борьбе с радикализацией носят рекомендательный характер, в отличие от исследований терроризма, поскольку эти области традиционно ориентированы на применение. По словам ученых, это требует большего внимания к описанию фактических последствий усилий по профилактике. Несмотря на рост исследований, первичные данные исследования скудны, хотя они растут с 2004 года. Это совпадает с появлением политики противодействия радикализации по всей Европе и превращением профилактики в законодательную обязанность в России. Во многом этот рост первичных исследований обусловлен появлением «критических исследований терроризма» [5]. Гендерные вопросы почти отсутствуют в исследованиях, как и исследования, которые включают в себя перспективы семей, родственников и общин, а также вопросы, касающиеся иностранных боевиков, их семей и того, как различные системы подходят и сотрудничают в рамках усилий по профилактике, также требуют большего внимания [6]. Это должно представлять большой интерес для политиков, практиков и исследователей, особенно при рассмотрении большой когорты иностранных боевиков и их семей, которые, как ожидается, повторно интегрируются в западные общества в ближайшие годы.

Таким образом, важным и необходимым условием противодействия идеологии терроризма в образовательной среде является своевременное выявление и разрешение существующих проблем молодежи в обществе, максимальный охват вниманием нужд и чаяний молодых поколений, их желаний и возможностей реализовать себя в современном обществе, взаимный и свободный диалог в обществе для обеспечения конструктивного взаимодействия между различными общественными группами.

Список использованной литературы

1. Алехин, А.Н. Социокультурные аспекты формирования отношений личности / А.Н. Алехин [и др.] // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2014. – № 3-4. – С.130-135.
2. Грекова, Ю.А. Псевдопатопсихологические особенности мышления практически здоровых студентов вузов: дис. кандидат наук: 19.00.04 - Медицинская психология. ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена». – 2020. – 220 с.
3. Кузьминых, Ю.Н., Козлов, О.А. Специфика гражданского самосознания курсантов военных вузов войск национальной гвардии Российской Федерации / Ю.Н. Кузьминых, О.А. Козлов // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2017. – № 10. – С. 113-116.
4. Лазутин, Л.А. Международная безопасность: современные реалии и международное право / Л.А. Лазутин // *Евразийский юридический журнал*. 2018. – № 3 (118). – С. 131-134.
5. Похилько, А.А. Терроризм как разновидность экстремизма / А.А. Похилько // *Молодой ученый*. – 2014. – № 3. – С. 743-747.
6. Тихомиров, С.Н. Представления подростков о допустимом и девиантном поведении в рискогенном обществе / С.Н. Тихомиров // *Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности*. – 2018. – № 1. – С. 33-37.

УДК 343.9

М. В. Шайкова

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ*

Развитие информационных технологий напрямую влияет на стиль жизни и общения молодежи во всем мире. Использование цифровых устройств, таких как смартфоны, компьютеры с доступом в Интернет ускоряет и упрощает обмен информацией с другими людьми. Преимущества интернет-среды компенсирует важный недостаток – цифровой мир представляет собой удобную площадку для антиобщественного поведения несовершеннолетних: отправку угрожающих или оскорбительных сообщений, распространения сплетен, слухов, преследования, онлайн-агрессию и кибербуллинг.

Современная концепция предупреждения преступности несовершеннолетних закреплена в документах международного сообщества. основополагающее значение имеют, в частности, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, 1985г.), Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эль-Риядские принципы, 1990г.). Ряд важных положений, имеющих профилактическое значение, содержится и в ратифицированной Российской Федерацией Конвенции ООН о правах ребенка 1990 г.

Существенное значение на профилактику и предупреждение преступности несовершеннолетних оказывают международные акты рекомендательного характера [1] – прежде всего, принятые в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН (Минимальные стандартные правила ООН в отношении отправления правосудия по делам несовершеннолетних (Пекинские правила, 1985 г.), Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы, 1990), Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990), а также Рекомендации Комитета Министров Совета Европы (например, (87) 20 по проблеме общественной реакции на преступность среди несовершеннолетних).

Помимо того, в Российской Федерации предпринимается ряд иных правовых и организационных мер по противодействию негативного психологического влияния на несовершеннолетних: письмо Минобрнауки России от 17 июня 2016 г (№ 08-1180), приказ Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. (№ 1897) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования».

В настоящее время существует множество научных точек зрения на проблему снижения кибернасилия в образовательной среде, например: Гуляницкая Д.А.(2020), Остроушко А.В. и Букалеров А.А.(2018), Голованова Н.А. (2018) и другие, но юридические и превентивные меры кибернасилия несовершеннолетних рассмотрены недостаточно.

Школьный коллектив несовершеннолетних весьма разнообразен по своему составу: ученики, которые хорошо учатся, занимаются в различных кружках и секциях, общественной работой, другая часть несовершеннолетних – это так называемые «трудные» подростки. В эту категорию, к сожалению, учителя относят не только подростков-правонарушителей, но и тех несовершеннолетних, у кого заниженная самооценка, недостаточно развиты коммуникативные навыки и т.д. Именно такие подростки часто становятся предметом травли, агрессии физической и психологической.

В жизнь современных подростков вошли информационные технологии и интернет, несовершеннолетние используют в повседневной жизни смартфоны, что способствовало появлению новой категории издевательства кибернасилие или кибербуллинг, т.е агрессивные действия преднамеренного характера, так называемая

электронная травля, осуществляемая против жертвы, которая не может себя защитить в социальных сетях, электронных письмах, мессенджерах, сетевых играх.

Как считает Л.О.Пережогин с соавторами «жертвы кибербуллинга иногда могут становиться и жертвами реальных нападений, – в последнее время все большее распространение в Сети получает публикация видео сцен реального насилия» [1]. Данные авторы выделяют три ключевых критерия для определения школьного буллинга: намерение агрессора причинить жертве эмоциональный вред; повторяющийся характер поведения; неравенство сил агрессора и жертвы.

Анонимность общения усиливает вероятность пересечения подростка в Интернете с человеком, тоже использующим вымышленную роль и это приводит к тому, что несовершеннолетний начинает проявлять такие формы поведения, которые не демонстрирует в реальной жизни (агрессивность, самобичевание и др.). Однако несовершеннолетний забывает о том, что он и все участники общения в интернет-пространстве могут быть расшифрованы. Такая ситуация приводит к психологической травме, снижается уровень личностной ответственности агрессора и превращает его в элемент симультанной информационной среды, где он может легко укрыться.

К тому же, невзирая на возрастающий научный и практический интерес к теме школьной травли, вопрос об эффективном процессе профилактики насилия в учебном заведении остается открытым. В связи с этим мы предлагаем два основных подхода к профилактике и борьбе с буллингом в школах: решение всех правовых вопросов, создание федерального или регионального законодательного акта, в котором необходимо дать определение школьного буллинга, уточнить профилактические и превентивные меры муниципальных и региональных учреждений.

По нашему мнению, основную роль в профилактике и предупреждении школьного буллинга в образовательном учреждении должна на себя взять психологическая служба. Именно школьный психолог должен взять на себя основную часть профилактической и предупредительной работы школьного буллинга, прежде всего это должна быть диагностическая работа. Данный вид деятельности должен происходить совместно с учителем, который первый обращает внимание на поведение подростков в классе и в школе в целом. Диагностика также должна включать изучение позиции родителей по отношению к поведению ребенка-жертвы, т.е психолог должен скорректировать ситуации, которые возникают в школьном коллективе и дать практические рекомендации учителю, родителям и подростку.

Мы придерживаемся следующей точки зрения, что принципиальное значение для профилактики школьного кибернасилия имеет выбор целей государственной политики предупреждения преступлений несовершеннолетних. С одной стороны – это защита прав и интересов несовершеннолетних, ослабление негативного влияния дисфункции институтов социализации, а с другой стороны – защита общества от правонарушений и преступных посягательств несовершеннолетних. Такая интегрированная конструкция цели политики предупреждения преступности несовершеннолетних позволит концептуально решать многие проблемы криминологической и правовой практики в отношении кибернасилия и буллинга несовершеннолетних [2].

Таким образом, школьный кибербуллинг – проблема достаточно сложная и юридически, психологически недостаточно разработана. В Российской Федерации существует острая необходимость разработки законодательной технологий по преодолению и предупреждению кибербуллинга путем принятия специализированного нормативного правового акта, который будет иметь превентивное значение в деле профилактики насилия среди детей и подростков.

Список использованной литературы

1. Пережогин, Л.О. Мировая практика использования профилактических программ, направленных на снижение кибернасилия в школьной среде / Л.О. Пережогин [и др.] // Российский психиатрический журнал. – 2020. – №4. – С. 63–70.

2. Шайкова, М.В. Психолого-криминологический анализ генезиса девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних (на примере Курской области) / М.В. Шайкова. – Курск, Юго-Запн. ун-т, 2015. – С. 87.

**Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 343.9

С. Л. Емельянов

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА В СИТУАЦИИ ОБНАРУЖЕНИЯ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Расследование фальшивомонетничества, как известно, сопряжено со значительными трудностями. Ограниченное количество лиц, входящих в криминальную группу, устойчивая связь между ними, глубокая конспирация противоправных действий затрудняют выявление не только подозреваемых, но и круга лиц, с которыми они поддерживают преступную связь. В рамках настоящего исследования автор предпринял попытку предложить рекомендации по оптимизации организации расследования рассматриваемой категории преступлений в ситуации обнаружения поддельных денег в гражданском обороте.

Выбор методов и средств обнаружения и фиксации фактических данных, посредством которых устанавливаются обстоятельства совершения рассматриваемых преступлений, зависит от источников, которые могут содержать доказательственную информацию, от исходных сведений, конкретных условий, в которых действуют фальшивомонетки.

Организация расследования фальшивомонетничества строится на основе типовых планов следственных действий. Они разрабатываются в зависимости от того, при каких обстоятельствах обнаружен поддельный денежный знак. Введение в действие такого плана дает возможность, при необходимости, в течение короткого времени направить на организованный розыск преступников силы и средства одного, нескольких или всех органов внутренних дел области, республики.

Следственные мероприятия по выявлению и раскрытию фальшивомонетничества осуществляются в зависимости от имеющихся условий. В рамках настоящего исследования будут рассмотрены вопросы организации расследования фальшивомонетничества в ситуации, при которой фальшивая купюра (монета) обнаруживается, например, в банке, кассе, ведущей расчет с населением.

К неотложным мероприятиям, проводимым до возбуждения уголовного дела по факту обнаружения поддельных денег, относится экспресс-исследование (криминалистическое, химическое и др.), осуществляемое с целью установления отличительных признаков, так как не всегда признаки подделки могут быть выявлены при первоначальном осмотре денежного билета, изъятого из обращения. Если деньги изготовлены полиграфическим образом, то необходима помощь специалиста, который, исследуя изъятые банкноты (способ изготовления, используемые материалы), может дать заключение о наиболее характерных распознавательных признаках. Подделки денежных знаков столь разнообразны, что даже самые квалифицированные следователи нуждаются в помощи специалиста при осмотре купюр, вещественных доказательств, в подготовке и назначении экспертизы.

Перед экспертом ставятся вопросы, направленные на установление подлинности изъятых денежных знаков, а также технологии подделки денежных знаков. Кроме того, в зависимости от обстоятельств расследуемого дела могут потребоваться ответы на вопросы дактилоскопического и трасологического характера:

- имеются ли на представленных на исследование денежных билетах следы рук? Если имеются, то пригодны ли они для идентификации?
- не оставлены ли эти следы конкретным лицом?
- не составляли ли ранее единое целое части денежных знаков, представленные на исследование?

Следующий важный этап работы – выдвижение и построение следственных версий. Они определяются в отношении субъекта, времени, места, способа изготовления, сбыта и т. п. Информация, которая кладется в основу версии, может быть почерпнута из собранных фактических данных. Необходимо, чтобы все эти сведения увязывались с реальными фактами и были подтверждены свидетельскими показаниями, результатами осмотра, вещественными доказательствами и др.

Обычно при обнаружении находящихся в обращении поддельных знаков выдвигаются следующие версии:

- фальшивые деньги привезены из другого региона, где были приняты за подлинные;
- деньги сбыты по месту их изготовления;
- поддельные купюры привезены из другого региона для сбыта.

Место изготовления, место сбыта и обнаружения фальшивых купюр могут не совпадать. Сбыт поддельных денег может производиться как по месту жительства фальшивомонетчика, так и при выезде его в другие города республики, в страны ближнего зарубежья, а обнаружиться – в ином месте.

На случай появления в обращении фальшивых денежных знаков и с целью раскрытия фальшивомонетничества по «горячим следам» в дежурных частях РОВД, УВД, МВД имеется типовая план «Купюра». В нем указаны поисковые мероприятия, которые необходимо выполнить, и функциональные обязанности всех сотрудников органов внутренних дел. План детализирован с учетом местных условий. Для проведения мероприятий по отработке версий задействуются все службы органов внутренних дел, а также осуществляется взаимодействие с КГБ, другими правоохранительными органами, банками, кассами, предприятиями торговли, службы быта и транспорта.

Наиболее характерными направлениями поиска фальшивомонетчиков являются следующие:

- по месту их постоянного или временного жительства;
- по месту сбыта фальшивых купюр;
- с учетом географии события;
- среди лиц, которые могут заниматься фальшивомонетничеством.

На первоначальном этапе проведения поисковых мероприятий в местах сбыта фальшивых купюр особое внимание следует уделять инструктажу лиц, связанных с приемом денег от населения. В этой связи важно организовать четкую работу оперативно-поисковых групп в местах вероятного сбыта поддельных денег: на рынках, вокзалах, автостанциях, торговых предприятий, бензозаправочных станциях, в театральные кассах, коммерческих структурах и других организациях, принимающих деньги.

Практический опыт борьбы с фальшивомонетничеством свидетельствует, что в отдельных случаях преступники сбывают поддельные купюры в строго определенных местах. Выбор места зависит от условий безопасности, возможности быстро скрыться. Иногда, исходя из конкретных ситуаций и целей, выбираются многолюдные либо, наоборот, безлюдные места, скрытые от стороннего наблюдателя, удобные для внезапного появления и быстрого отхода.

На рынках сбытчики стараются выбирать престарелых людей, страдающих слабым зрением, другими физическими недостатками. При расчете используют различные уловки и благоприятные для себя обстоятельства: плохое освещение, очередь, праздничные дни. Иногда фальшивые купюры передают вместе с подлинными.

Дает результаты поисковая работа и на предприятиях связи. Через них преступники отправляют переводы, посылки, другую корреспонденцию. Опытные почтовые работники могут по внешним признакам определить отправления, которые представляют оперативный интерес.

На предприятиях транспорта (вокзалах, станциях и т. д.) есть вероятность опознания фальшивомонетчиков по признакам внешности, а также их задержания при сбыте поддельных купюр.

Рестораны, кафе, бары, являясь предприятиями общественного питания, одновременно служат и местом отдыха граждан. Но эти заведения используются и криминальными субъектами для встреч и обсуждения своих преступных намерений. Фальшивомонетчики нередко оговаривают там условия и порядок сделок. Обнаружить этих лиц можно по особым признакам их поведения. Иногда под воздействием спиртного они теряют контроль над собой и могут выдать факты противоправных деяний, бравируют своим «профессиональным мастерством».

Особое внимание следует обращать на клиентов, систематически посещающих дорогие рестораны высших категорий. В эти учреждения, как правило, часто приходят лица, располагающие большими денежными средствами, зачастую добытыми преступным путем.

При проведении расследования на предприятиях общественного питания в основном опрашиваются официанты, метрдотели, бармены, швейцары, гардеробщики.

Существующие в большинстве городов клубы по увлечениям также заслуживают внимания. В особенности это касается клубов филателистов и нумизматов. Среди коллекционеров встречаются разного рода дельцы, занимающиеся скупкой и продажей старинных и иностранных денег, в числе которых могут попадаться и фальшивые.

При осуществлении поиска по месту постоянного жительства лица, подозреваемого в фальшивомонетничестве (в случае выдвижения и проверки данной версии), устанавливаются его связи с лицами, ранее судимыми за фальшивомонетничество, квалифицированную подделку документов, штампов, печатей. Это могут быть граверы, художники, а также работники полиграфических и бумагоделательных предприятий.

Необходимость проведения следственных мероприятий среди ранее судимых за фальшивомонетничество обуславливается тем, что они редко поддаются перевоспитанию и исправлению, а, находясь на свободе, совершают аналогичные преступления.

Изготовителями фальшивых денег могут быть народные умельцы. Это, как правило, люди талантливые, одаренные, способные к изобретательской деятельности. Увлекаются рисованием, резьбой по дереву, чеканкой, гравировкой, фотоделом. Среди них могут быть представители разных профессий: юристы, врачи, инженеры, слесари, а также люди без определенных занятий. Изобретательство для них является своего рода хобби. Но некоторые познания и навыки, необходимые для производства поддельных денег, могут быть профессиональными, то есть приобретенными в процессе специального обучения или овладения какой-либо общественно полезной профессией.

В процессе расследования следственные мероприятия выполняются по месту жительства подозреваемых, проводятся допросы их родственников, знакомых, сослуживцев. С целью установления возможной причастности подозреваемых к совершению преступления при наличии оснований проводятся обыски в их жилых помещениях, пристройках, где могут находиться предметы, материалы, инструменты, приспособления, пригодные для изготовления фальшивых денег. К таким мероприятиям привлекаются, например, участковые инспекторы, сотрудники госпожнадзора, которые обязаны постоянно осуществлять профилактические противопожарные осмотры жилых и хозяйственных помещений.

Преступники, как правило, устанавливают связь с теми лицами, которые могут оказать им помощь в приобретении материалов, необходимых для подделки денег, изготовления приспособлений, штампов, клише и т. д. В некоторых случаях они стремятся подобрать сбытчиков фальшивых купюр. При отработке версии о том, что фальшивомонетки (сбытки) являются приезжими, проводятся мероприятия по проверке лиц, проживающих в гостиницах, общежитиях, домах отдыха, санаториях, в комнатах отдыха на вокзалах.

В жилом секторе выявляют граждан, сдающих приезжим принадлежащие им жилые помещения для временного проживания, а также устанавливают лиц, временно проживающих или проживавших там в период сбыта фальшивых денег, и осуществляют их проверку.

Имея дело с лицами, склонными к совершению фальшивомонетничества, следует учитывать и то обстоятельство, что для сбыта фальшивых купюр они часто выезжают в различные города не только нашей республики, но и стран СНГ, используя воздушный, железнодорожный, водный и автомобильный транспорт. Суть в том, что полиграфический способ позволяет изготовить большое количество знаков, и преступникам в целях безопасности их сбыта необходимо много перемещаться, приезжать в места с высоким уровнем миграции населения, где преобладают кратковременные контакты граждан. Как правило, маршруты передвижения и приемы сбыта поддельных денег тщательно продумываются, при этом разрабатывается и легенда, объясняющая в случае задержания наличие у них фальшивых денег.

При обнаружении фальшивок, например, в билетных кассах Аэрофлота, необходимо по копиям билетов установить приобретавших их лиц. В других случаях следует проанализировать прибытие и отправление поездов, самолетов с целью установления наиболее вероятных маршрутов, которыми могли прибыть или убыть сбытки. Если версия подтверждается соответствующей информацией, то посылаются ориентировки в органы внутренних дел на транспорте места назначения для организации задержания преступников при последующих попытках сбыть фальшивки. Следует в обязательном порядке ориентировать и органы внутренних дел, которые обслуживают территории, прилегающие к этим местам сбыта.

В заключении отметим, что для проведения следственных действий в отношении фальшивомонетчиков и установления общности происхождения денежных билетов (по способу и технологии изготовления) большое значение имеет картотека поддельных денег, которая организована в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь.

УДК 343.98

П. А. Каница

*(Институт повышения квалификации и переподготовки
Следчага камітэта Рэспублікі Беларусь, Мінск)*

**АБ СТРУКТУРЫ КРЫМІНАЛІСТЫЧНАЙ ХАРАКТАРЫСТЫКІ
РАСКРАДАННЯЎ ШЛЯХАМ ЗЛОЎЖЫВАННЯ СЛУЖБОВЫМІ
ПАЎНАМОЦТВАМІ, УЧЫНЕННЫХ ПАД ВЫГЛЯДАМ РАСПРАЦОЎКІ
І ЁДАСКАНАЛЕННЯ ПРАГРАМНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ**

У публікацыі вылучаны і сцісла апісаны элементы структуры крыміналістычнай характарыстыкі раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, учыненых пад выглядам распрацоўкі і ёдасканалення праграмнага забеспячэння. Актуальнасць тэмы вызначаецца грамадскай небяспечнасцю і высокай латэнтнасцю злачыннасці віду, які разглядаецца. Навізна заключаецца ў адсутнасці грунтоўных навуковых даследаванняў па выбранай праблематыцы.

На распрацоўку і ўдасканаленне праграмнага забеспячэння (далей – РПЗ) у Беларусі выдаткуюцца значныя аб’ёмы грашовых сродкаў, у тым ліку бюджэтных. Імі могуць завалодаць недобрасумленныя выканаўцы па дагаворах аб стварэнні камп’ютарных праграм. Пры ўчыненні злачынстваў такога кшталту праграмнае забеспячэнне не ствараецца ўвогуле або заказчыку прадстаўляюцца састарэлыя праграмы ці софт, які не працуе. Калі ў злачынную дзейнасць уцягнуты службовыя асобы арганізацый-заказчыкаў, то магчыма сцвярджаць аб учыненні раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі.

Для паспяховага процідзеяння гэтым злачынствам неабходна вылучыць іх крыміналістычна значныя прыкметы, якія дазваляць прапанаваць рэкамендацыі па выяўленні, збіранні і ацэнцы доказаў. Такія прыкметы злачынстваў навукоўцамі, як правіла, фармулююцца ў выглядзе тэарытычных інфармацыйных мадэляў – крыміналістычных характарыстык злачынстваў.

Структура крыміналістычнай характарыстыкі можа ўключаць шэраг элементаў (звестак розных тыпаў). Найбольш поўны іх пералік даў У.Ф. Ермаловіч. Ён вылучыў звесткі аб: аб’екце і прадмеце злачынства; спосабе ўчынення злачынства; спосабе ўтойвання злачынства, які знаходзіцца за межамі спосабу ўчынення злачынства; спосабе ўхілення ад крымінальнай адказнасці і пакарання; месцы і часе ўчынення, утойвання злачынства і ўхілення злачынца ад крымінальнай адказнасці і пакарання; прыладах і сродках, якія выкарыстоўваюцца пры ўчыненні, утойванні злачынства і ўхіленні злачынца ад крымінальнай адказнасці і пакарання; абстаноўцы злачынства (да, у час і пасля ўчынення злачынства); наступствах учынення і ўтойвання злачынства; асобе злачынца; асобе суб’екта ўтойвання злачынства, які не з’яўляецца суб’ектам злачынства або яго асобнага эпизоду; асобе пацярпелага; матывах, намеры і мэтах учынення, утойвання злачынства і ўхілення злачынца ад крымінальнай адказнасці і пакарання; механізме злачынства; слядах злачынства і іх носьбітах; сувязі паміж элементамі злачынства. Аўтар адзначае, што гэты пералік не з’яўляецца закрытым [1, с. 248 – 249].

Вылучаць усе пералічаныя элементы пры пабудаванні крыміналістычнай характарыстыкі злачынства асобнага віду не заўсёды мэтазгодна. Для стварэння практыкаарыентаваных інфармацыйных мадэляў раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі ў сферы РПЗ неабходна вызначыць найбольш значныя рысы, уласцівыя для злачынстваў менавіта гэтага віду.

Прааналізаваўшы практыку Судовай калегіі Вярхоўнага суда Рэспублікі Беларусь па справах інтэлектуальнай уласнасці аб разглядзе спрэчак, звязаных з невыкананнем абавязкаў па РПЗ [2] (следча-судовая практыка па крымінальных справах аб махлярствах, учыненых пад выглядам РПЗ, пакуль не напрацавана), а таксама шэраг дысертацыйных даследаванняў, у якіх апісваюцца крыміналістычныя характарыстыкі раскраданняў падобных відаў (працы Зямскавай А.М. [3], Дзяшукі А.У. [4], Камянецкага Ю.Ф. [5], Шарова А.В. [6] і інш.), магчыма вылучыць асноўныя элементы крыміналістычных характарыстык раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, якія ўчыняюцца пад выглядам РПЗ:

- 1) суб’екты ўчынення злачынства і іх намеры;
- 2) абстаноўка ўчынення;
- 3) спосаб учынення і ўтойвання;
- 4) тыповыя сляды.

Суб’екты ўчынення злачынства

1. Службовыя асобы заказчыкаў і органаў, якія ўпаўнаважаны арганізоўваць і праводзіць дзяржаўныя закупкі ў сферы інфарматызацыі. Гэта асноўныя выканаўцы або нават арганізатары злачыннай дзейнасці.

Яны дзейнічаюць з прамым намерам – завалодаць грашовымі сродкамі органаў і арганізацый-заказчыкаў.

2. Супрацоўнікі арганізацыі-заказчыка (органа, які ўдзельнічае ў арганізацыі дзяржаўных закупаў у сферы інфарматызацыі) – не службовыя асобы. Гэта могуць быць, напрыклад, уласныя ІТ-спецыялісты арганізацыі, юрысконсульты і інш. Намер прамы – з карыслівай або іншай асабістай зацікаўленасці (павышэнне ў пасадзе, іншыя выгоды ад кіраўніцтва) садзейнічаць раскрадальнікам.

3. Кіраўнікі і супрацоўнікі юрыдычных асоб – распрацоўшчыкаў праграмнага забеспячэння, а таксама іх магчымых субпадрадчыкаў.

Намер – наўмысна не выканаўшы дагаворныя абавязкі, завалодаць часткай грашовых сродкаў заказчыка па дамоўленасці з вышэй узгаданымі службовымі асобамі або атрымаць ад іх іншыя матэрыяльныя або нематэрыяльныя даброты і перавагі.

4. Спецыялісты ў сферы распрацоўкі праграмнага забеспячэння, якія прыцягваюцца ў якасці экспертаў. Гэтыя асобы ўцягваюцца ў злачынную дзейнасць не з мэтай ўчынення раскрадання, а для яго загадзя неабяцанага ўтойвання. Так, на стадыі судовага разбору грамадзянскай справы недобрасумленныя распрацоўшчыкі праграмнага забеспячэння могуць карыстацца паслугамі «незалежных» спецыялістаў у галіне ІТ. Гэты суб'ект факультатыўны. Паколькі службовыя асобы заказчыкаў – раскрадальнікі зацікаўлены ў адсутнасці выяўлення факту раскрадання і звароту ў праваахоўныя органы (нават у суд у парадку грамадзянскага судаводства). Аднак такія суб'екты могуць прысутнічаць, калі раскраданне ўчынена службовай асобай органа, які ўплывае на прыняцце рашэння па дзяржаўнай закупцы, або службовай асобай заказчыка, а ў суд звяртаецца прадстаўнік заказчыка, не ўцягнуты ў супрацьпраўную дзейнасць.

Намер «эксперта» – з карыслівай або іншай асабістай зацікаўленасці выказаць наўмысна ілжывае меркаванне (даць заключэнне) аб якаснасці выкананых прац.

Абстаноўка ўчынення раскрадання катэгорыі, якая разглядаецца, дэтэрмінавана вызначаным законам парадкам рэалізацыі праваадносін па РПЗ.

Для раскрадання шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі ў адносінах да недзяржаўнай арганізацыі або індывідуальнага прадпрымальніка парадак ажыццяўлення праваадносін, пад выглядам якіх учыняецца раскраданне, вызначаецца грамадзянскім заканадаўствам. Найперш, артыкуламі Грамадзянскага кодэкса Рэспублікі Беларусь, якія рэгламентуюць парадак заключэння і рэалізацыі дагавору падраду і абавязальніцкія праваадносіны ўвогуле.

Для раскрадання шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, учыненага ў адносінах да дзяржаўнага органа або арганізацыі, рэалізацыя праваадносін па РПЗ рэгламентавана масівам заканадаўства аб дзяржаўных закупках у сферы РПЗ.

Спосаб ўчынення і ўтойвання злачынства

Парадак дзеянняў раскрадальнікаў у асноўным наступны:

падбор «патрэбнага» распрацоўшчыка праграмнага забеспячэння і дамоўленасць з ім. Пры гэтым могуць нават наўмысна стварацца юрыдычныя асобы або рэгістравацца індывідуальныя прадпрымальнікі, якія потым выкарыстоўваюцца ў якасці падрадчыкаў і субпадрадчыкаў для вывадзення праз іх рахункі грашовых сродкаў;

правядзенне мерапрыемстваў па ўключэнні РПЗ для патрэб дзяржаўнага органа (арганізацыі) у праграму інфарматызацыі;

удзел арганізацыі-заказчыка ва ўсіх адмысловых этапах працэдуры дзяржаўнай закупкі або калі гаворка ідзе аб прыватным заказчыку – удзел у конкурснай працэдуры ці наўпрост прыцягненне неабходнага распрацоўшчыка;

зключэнне дагавора;

атрыманне распрацоўшчыкамі (магчыма, субпадрадчыкамі) грашовых сродкаў паводле ўмоў дагавора (усіх або часткі);

завалоданне грашовымі сродкамі службовымі асобамі – раскрадальнікамі і (або) іншымі асобамі, на карысць якіх дзейнічалі раскрадальнікі;

бяздзейнае або недобрасумленнае выкананне абавязкаў распрацоўшчыкам (стварэнне замест якасных запатрабаваных заказчыкам камп'ютарных праграм кодаў, якія не працуюць або працуюць няякасна; прадстаўленне замест новага прадукту нізкаякасных праграм на аснове ўласных напрацовак заказчыка, або агульнаўжывальнага софту (напрыклад, замест стварэння унікальнай базы дадзеных распрацоўка на аснове MS Access) і інш.);

падпісанне акта прыёмкі выкананых прац або калі сама службовая асоба – раскрадальнік на гэта не ўпаўнаважана, то выкананне дзеянняў, накіраваных на прымус (шляхам падману, хабару, запалохвання і інш.) адпаведнай службовай асобы да падпісання;

пры адмове добрасумленнай службовай асобай заказчыка прыняць няякасную працу і звароце заказчыка ў праваахоўныя органы (у тым ліку грамадзянскі суд) – учыненне дзеянняў, накіраваных на ўтойванне злачынства.

Тыповыя сляды

Матэрыяльнымі (у тым ліку віртуальнымі) слядамі раскрадання шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, учыненанага пад выглядам РПЗ, з'яўляюцца:

дакументы – нарматыўныя прававыя і лакальныя акты; фінансава-гаспадарчая дакументацыя дзяржаўных органаў, дзяржаўных і недзяржаўных арганізацый і індывідуальных прадпрыемстваў, якія з'яўляюцца заказчыкамі РПЗ, і іншых арганізацый і індывідуальных прадпрыемстваў (недобрасумленных выканаўцаў, якія ўваходзяць з імі ў гаспадарча-правовыя адносіны, а таксама арганізацый, звязаных з распрацоўкай праграм інфарматызацыі і правядзеннем дзяржаўных закупаў);

праграмныя коды, іншыя матэрыялы – прэзентацыі, адлюстраванні і інш., у тым ліку на матэрыяльных носбітах (кампакт і жорсткіх дысках, флэш-картках і інш.);

электронная перапіска паміж прадстаўнікамі заказчыкаў і недобрасумленных выканаўцаў, паміж іншымі суб'ектамі злачынства (на аддаленых серверах ці матэрыяльных носбітах).

Ідэальныя сляды раскрадання гэтага віду замацоўваюцца ў сведчаннях падазраваных (узгаданыя суб'екты), сведак (прадстаўнікі арганізацый-заказчыкаў, супрацоўнікі распрацоўшчыкаў, не ўцягнутыя ў злачынную дзейнасць), пацярпелых (заказчыкі – індывідуальныя прадпрыемствы).

Важна адзначыць, што паміж усімі апісанымі элементамі існуюць прамыя ўзаемасувязі. Пры гэтым элементы ва ўзаемадзеянні маюць нераўназначнае становішча. Так, суб'екты ўчынення раскраданняў, спосаб і тыповыя сляды непасрэдна не ўплываюць на абстаноўку, вызначаную законным парадкам рэалізацыі праваадносін па РПЗ. Разам з тым гэты элемент шмат у чым дэтэрмінуе спосаб, сляды злачыннай дзейнасці і склад саўдзельнікаў раскраданняў.

Такім чынам, у структуры крыміналістычнай характарыстыкі раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, учыненых пад выглядам РПЗ, магчыма вылучыць наступныя асноўныя ўзаемазвязаныя паміж сабой элементы: суб'екты ўчынення злачынства і іх намеры; абстаноўка, дэтэрмінаваная вызначаным законам парадкам рэалізацыі праваадносін па РПЗ; спосаб учынення і ўтойвання; тыповыя сляды. Падрабязнае іх апісанне дазволіць скласці ў правапрымяняльнікаў паўнаважнае ўяўленне аб раскраданнях віду, які разглядаецца.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея. – 2013. – 304 с.

2. Капіца, П. А. Аб выкарыстанні судовай практыкі па грамадзянскіх справах пры распрацоўцы крыміналістычнай метадыкі расследавання раскраданняў у сферы

інфарматызацыі дзяржаўных органаў і арганізацый / П. А. Капіца // Право.by. – 2020. – № 3 (65). – С. 78–83;

3. Земскова, Е. Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Е. Н. Земскова ; Акад. управления М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – М., 2018. – 32 с.;

4. Дешук, А. В. Криминалистическое обеспечение расследования хищений в сфере строительства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. В. Дешук ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 24 с.;

5. Каменецкий, Ю. Ф. Методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Ю. Ф. Каменецкий ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 25 с.;

6. Шаров, А. В. Методика расследования мошенничества в сфере оборота жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Шаров ; Моск. ун-т МВД России. – М., 2004. – 30 с.

УДК 343.985

В. В. Конин

(Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург)

Е. В. Марьина

(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара)

РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, А ТАКЖЕ ВИДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ (ТЕЗИСЫ)

Раскрытие и расследование преступлений является одной из главных задач, возложенных обществом на правоохранительные органы. Вместе с тем, нередко эта деятельность происходит в условиях конфликта и противодействия расследованию. При этом противодействие может быть, как законным, так и незаконным. В статье авторы рассматривают вопросы раскрытия преступления, особенности их расследования, а также противодействия расследованию преступления и выделяют виды такого противодействия.

Любое общество всегда заинтересовано в том, чтобы лицо, преступившее установленные правила поведения, понесло за это справедливое наказание. Но, в то же время, лицо, виновное в нарушении установленных обществом правил, часто стремится использовать всевозможные средства для того, чтобы избежать наказания полностью либо уменьшить последующее наказание. И одним из способов этого является противодействие раскрытию и расследованию преступления.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов противодействия, считаем необходимым кратко рассмотреть, что следует понимать под раскрытием и расследованием преступления. Так, например, И.Ф. Герасимов под раскрытием преступления понимал установление события преступления, и лица, виновного в совершении преступления [1, с. 44]. Оценивая указанное высказывание, считаем необходимым отметить его краткость и емкость.

Развивая данное высказывание, А.В. Конин и С.А. Ялышев приходят к выводу о том, что раскрытие преступления происходит на разных этапах: как на стадии доследственной проверки информации о вероятном преступлении, так и на стадии предварительного расследования. Так, например, они указывают, что под раскрытием

преступления на этапе доследственной проверки понимается установление и фиксация первичных основных элементов, входящих в состав преступления и предмет доказывания, позволяющих установить лицо, причастное к совершению преступления, мотив его действий и размер причиненного вреда [2, с. 76].

На наш взгляд, в состав понятия «раскрытие преступления» на стадии возбуждения уголовного дела необходимо включать установление таких элементов, которые помогут в организации первоначальных поисковых мероприятий: время, место и способ совершения преступления; лицо, причастное к совершению преступления (субъект преступления либо не субъект по основаниям, указанным в законе); лица, располагающие информацией о совершенном преступлении; характер и размер вреда, причиненного преступлением» [3, с. 116-130].

Раскрытие преступлений в ходе предварительного расследования (уголовно-процессуальное расследование), по мнению вышеуказанных авторов, включает в себя выдвижение и проверку следственных версий, направленных на полное и объективное установление всех обстоятельств совершенного преступления, входящих в предмет доказывания и перечисленных в ст. 73 УПК РФ [2, с. 76-77].

В данном случае мы видим несколько усложненный, хотя достаточно точно и обстоятельно разработанный подход. В то же время, можно наблюдать и упрощенный подход. Так, например, А.С. Ахмадуллин под раскрытием преступления понимает «деятельность, направленную на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а равно деятельность в ходе расследования очевидного преступления, направленную на установление местонахождения подозреваемого или обвиняемого, его розыск, доставление к лицу, производящему расследование» [4, с. 45].

По вопросам содержания расследования преступлений также имеется определенное разнообразие мнений. Так, например, В.Л. Хамизов полагает, что «расследование преступлений – это деятельность следственных подразделений и подразделений дознания по собиранию доказательств, достаточных для принятия итогового решения (составление обвинительного заключения (акта) или вынесения постановления о прекращении уголовного дела), начинающаяся с момента проверки сообщения о преступлении и заканчивающаяся составлением итогового процессуального документа» [5, с. 249].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что раскрытие преступления – это деятельность специально уполномоченных должностных лиц, являющихся сотрудниками правоохранительного органа по установлению события преступления и всех его элементов, и лиц, причастных к его совершению.

Вместе с тем, следует отметить, что иногда звучат высказывания, как правило, от практических работников, о том, что раскрытие преступления – это сфера оперативно-розыскной деятельности. Хочется обратить внимание на то, что это мнение является ошибочным. Основания для производства оперативно-розыскных действий перечислены в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Задачи, стоящие перед оперативно-розыскной деятельностью, являются частью задач, стоящих перед уголовным судопроизводством, а именно: установление события преступления, установление лица, его совершившего, сбор и фиксация первичной информации, которая впоследствии может быть преобразована в доказательство по делу. Таким образом, в результате ОРД происходит установление первичных фактов, относящихся к предмету доказывания по совершенному преступлению, которые затем, в процессе расследования, должны получить оценку и либо кладутся в основу обвинительного тезиса, либо отвергаются по тем или иным причинам. Законодательство, регламентирующее оперативно-розыскную деятельность, не содержит в себе какого-либо механизма привлечения виновного к ответственности за совершенное преступление и дальнейшего процессуального закрепления раскрытия преступления с установленной виновностью лица

с тем, чтобы впоследствии она считалась доказанной. Доказывание виновности лица в совершенном преступлении всегда происходит в процессе расследования уголовного дела.

Под расследованием преступления следует понимать регламентированную уголовно-процессуальным законодательством деятельность субъектов доказывания на стадии предварительного расследования по установлению всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, с момента возбуждения уголовного дела и до составления итогового процессуального документа – обвинительного заключения (обвинительного акта), либо до момента прекращения уголовного дела по тем или иным законным основаниям.

Расследование уголовного дела всегда происходит в рамках уголовно-процессуального законодательства, и базируется на принципах, которые регулируют уголовное судопроизводство. Между раскрытием и расследованием преступления существует тесная взаимосвязь, поскольку, для того, чтобы расследовать преступление в полном объеме, его сначала необходимо раскрыть, т.е., установить лицо, его совершившее, собрать первичную информацию о причастности лица к совершенному преступлению, правильно квалифицировать его действия. В дальнейшем, в процессе расследования первичная информация о причастности лица, в отношении которого возникло подозрение, посредством производства следственных действий преобразуется в доказательства, обосновывающие выдвинутый обвинительный тезис. При этом идет процесс сбора, оценки и фиксации новых доказательств.

В числе основополагающих принципов, существенно влияющих на деятельность по расследованию уголовного дела, являются: право на защиту, состязательность и равноправие сторон, свобода оценки доказательств. Именно этими принципами оперирует в процессе расследования сторона защиты, которая и является основным субъектом противодействия расследованию.

Сама природа противодействия в уголовном судопроизводстве заложена в разности интересов сторон: задача следователя заключается в том, чтобы доказать виновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления, и, соответственно, подтвердить обоснованность выдвинутого обвинительного тезиса.

Задача стороны защиты заключается в том, чтобы оспорить обвинение и реализовать свое право на активное участие в доказывании своей невиновности, меньшей виновности или смягчающих обстоятельств. Следовательно, можно сделать вывод о том, что противодействие со стороны защиты деятельности следователя может носить как законный, так и незаконный характер.

Законное противодействие будет всегда базироваться на закрепленном в ст. 6 УПК РФ требовании защиты лица, привлекаемого к уголовной ответственности от незаконного и необоснованного обвинения. В этом случае противодействие будет носить процессуальный характер, поскольку данная деятельность урегулирована законом и является соответствующей целям и задачам уголовного судопроизводства.

В то же время, противодействие может быть неправовым, противоречащим целям и задачам судопроизводства [6, с. 54-59]. Сюда можно включить следующие виды противодействия:

- создание ложного алиби, ложных доказательств, свидетельствующих о невиновности лица, привлеченного к уголовной ответственности;
- незаконное давление на носителей информации, представляющей интерес для раскрытия преступления и установление всех обстоятельств события;
- давление на участников, в том числе имеющих процессуальный статус (свидетель, потерпевший, понятой), и побуждение их к даче ложных показаний либо к уклонению от дачи показаний;
- уничтожение информации, носителей информации;
- необоснованное обжалование действий следователя и дознавателя, преследующее в качестве цели отвлечение от расследования уголовного дела и затягивание сроков расследования;

- уничтожение материалов уголовного дела;
- оказание давления на следователя, свидетелей, потерпевшего, эксперта через СМИ либо социальные сети посредством создания негативного образа;
- клевета на следователя, потерпевшего, свидетелей, эксперта, прокурора, судью, способом, не позволяющим привлечь лицо к уголовной ответственности (ранее автором рассматривались вопросы использования клеветы как незаконного способа противодействия расследованию) [7, с. 33-37].

Как показывает анализ практики, любое противодействие, в том числе и законное, происходит в условиях конфликта. Под конфликтом в криминалистике следует понимать противостояние сторон при разности интересов. Причем, чем сильнее разность интересов, тем острее конфликт.

Нередко, инициатором конфликта является сторона защиты, поскольку справедливо полагает, что в условиях конфликтной ситуации следователю гораздо труднее достичь поставленные в процессе расследования уголовного дела задачи, и изобличить лицо, виновное в совершении преступления. Поэтому, в соответствии с классификаций конфликтов, данный конфликт следует отнести к межгрупповому и открытому.

Таким образом, если конфликт между стороной обвинения и стороной защиты основан на процессуальном законе, и выражается в использовании законных методов по оспариванию возникшего подозрения либо выдвинутого обвинительного тезиса, то данный конфликт можно назвать позитивным. Главное условие позитивного конфликта заключается в том, что он не затрагивает личные права и интересы участников уголовного судопроизводства и лиц, вовлеченных в процесс расследования уголовного дела. Соответственно, в данной ситуации отсутствует и злоупотребление правом на защиту.

Если же конфликт между стороной обвинения и стороной защиты вышел за пределы процессуальной деятельности, и затрагивает личные права и интересы участников уголовного судопроизводства и лиц, вовлеченных в процесс расследования уголовного дела, то данный конфликт является негативным, в котором имеет место в том числе и злоупотребление правом на защиту.

Для того, чтобы эффективно преодолевать противодействие расследованию, а также блокировать конфликтную ситуацию, понижать уровень конфликта (например, конфликт со строгим соперничеством перевести в конфликт с не строгим соперничеством), следователь должен обладать не только достаточным опытом работы, но и определенными знаниями в области криминалистики и юридической психологии.

Как показал проведенный опрос, следователи, в отличие от дознавателей, гораздо чаще сталкиваются с проблемами преодоления противодействия, но, у достаточно большого количества следователей до сих пор не выработан алгоритм по преодолению противодействия и работе в условиях конфликтной ситуации, несмотря на то, что именно алгоритмизация действий в различных ситуациях помогает наиболее эффективно добиваться положительного эффекта [8, с. 103-107]. Дознаватели, в силу специфики расследуемых преступлений, реже сталкиваются с противодействием, как законным, так и незаконным, и, практически не готовы правильно реагировать на возникновение конфликтной ситуации и преодоление возникающего противодействия, в том числе и незаконного.

Как правило, из конфликтной ситуации можно выйти следующим способом: избегание конфликта либо уклонение от него; поиск компромиссов; приспособление к конфликтной ситуации; соперничество или обострение конфликта; сотрудничество (более подробно все способы выхода из конфликтной ситуации будут рассмотрены в последующем).

Необходимо обратить внимание на то, что незаконное противодействие самым существенным образом противоречит интересам общества, которое заинтересовано в раскрытии каждого совершенного преступления, полном установлении всех

обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих ответственность виновного, восстановлении нарушенных прав потерпевшего, рассмотрении уголовного дела по существу и назначении виновному справедливого наказания, законодатель эту проблему оставляет без должного внимания. Так, например, УПК РФ содержит положения, разрешающие подозреваемому и обвиняемому защищаться всеми, не запрещенными законом способами, но при этом, в УПК РФ отсутствуют какие-либо запреты на те или иные способы защиты.

Список использованной литературы

1. Герасимов, И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1975. – 184 с.
2. Конин, А.В. Раскрытие преступления: субъекты и алгоритм / А.В. Конин, С.А. Ялышев // Криминалистика. – 2021. – № 4 (37). – С. 75-79.
3. Конин, В.В. Тактико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки заявлений и сообщений в рамках стадии возбуждения уголовного дела / В.В. Конин, Е.В. Марьина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2 (14). С. 116-130.
4. Ахмадуллин, А.С. Понятия «раскрытие преступления», «выявление преступления», «очевидное и неочевидное преступления», используемые при формировании официальной правовой статистики / А.С. Ахмадуллин // Законность. – 2017. – № 9 (995). – С. 45-48.
5. Хамизов, В.Л. Соотношение понятий «раскрытие преступлений», «раскрытие преступлений по горячим следам» и «расследование преступлений» / В.Л. Хамизов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 246-250.
6. Баева, К.М. Принципиальные начала противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве России / К.М. Баева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 54-59.
7. Конин, В.В. Криминалистическая характеристика клеветы как одного из способов неправомерного воздействия на участников уголовного судопроизводства (судью, присяжного заседателя, прокурора, адвоката, следователя, дознавателя, эксперта, потерпевшего, свидетеля) / В.В. Конин, А.А. Рытьков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4 (50). – С. 33-37.
8. Корсаков, К.А. Возможно ли алгоритмизировать деятельность в уголовном судопроизводстве / К.А. Корсаков // I Стояновские чтения. Российские следственные органы: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции. К 200-летию со дня рождения Николая Ивановича Стояновского и 10-летию образования Следственного комитета Российской Федерации. – Москва, 2021. – С. 103-107.

УДК 343.985

А. К. Кукеев, Б. Э. Тлеулов

(Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, Шымкент)

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИНСЦЕНИРОВКОЙ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

В данной статье рассматриваются особенности расследования преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия. Инсценировка дорожно-транспортного происшествия, это умышленная деятельность преступника (преступников или других третьих лиц),

направленная на искусственное моделирование обстановки криминального или некриминального события, воздействуя на материальные объекты путем их уничтожения, маскировки и (или) фальсификации, с целью создания представления о достоверности дорожно-инсценированного события с последующим получением материальной выгоды или избегания привлечения к ответственности.

Под инсценировкой дорожно-транспортного происшествия можно понимать умышленную деятельность преступника (преступников или других третьих лиц), направленную на искусственное моделирование обстановки криминального или некриминального происшествия, воздействуя на материальные объекты путем их уничтожения, маскировки и (или) фальсификации с целью создания представления о достоверности дорожно-инсценируемого транспортного события с последующим получением материальной выгоды или избегания привлечения к ответственности.

Инсценировщик дорожно-транспортного происшествия – это лицо (или группа лиц), которая создает (изменяет) материальную обстановку дорожно-транспортного происшествия и его отражение в идеальных следах для ложного восприятия субъектами уголовного производства и другими лицами, от которых зависит принятие выгодного для инсценировщика решения.

Под инсценированным дорожно-транспортным происшествием следует понимать модель (вид или механизм) дорожно-транспортного происшествия уголовного или некриминального характера, созданную инсценировщиком, восприятие которой может выгодно повлиять на достижение соответствующей цели [1, с. 66].

С учетом обстановки, способов подготовки, учения, характеристики преступников (инсценировщиков) и потерпевших инсценировку дорожно-транспортного происшествия можно классифицировать: по видам преступлений, во время совершения которых осуществляется инсценировка дорожно-транспортного происшествия; за наличием факта самого дорожно-транспортного происшествия; с целью использования инсценировка дорожно-транспортного происшествия; в зависимости от внесения изменений в окружающую среду; в зависимости от способа использования инсценировки дорожно-транспортного происшествия; в зависимости от вида обстановки инсценировки дорожно-транспортного происшествия; по механизму инсценированного дорожно-транспортного происшествия; за временем инсценировки дорожно-транспортного происшествия; по месту применения инсценировки дорожно-транспортного происшествия; за участниками и объектами, которые участвовали в механизме инсценированного дорожно-транспортного происшествия; в зависимости от субъекта осуществления (или обеспечения) инсценировки дорожно-транспортного происшествия; в зависимости от социального статуса и служебного положения участников инсценированного дорожно-транспортного происшествия; по уровню профессионализма исполнителя; в зависимости от использования ложной информации при инсценировке дорожно-транспортного происшествия; по причиненному ущербу в результате инсценировки дорожно-транспортного происшествия.

Основываясь на результатах анализа материалов практики и средств массовой информации в зависимости от вида преступления, связанного с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия, способы инсценировки дорожно-транспортной события можно рассматривать как составляющую способа совершения отдельной категории преступлений или способ утаивания последствий их совершения [2, с. 16].

Лиц, причастных к совершению преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия можно типизировать: по количеству лиц, причастных к совершению преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортной события и формой соучастия; по имеющимся специальным знаниям и навыкам; по количеству совершенных преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия; в зависимости от непосредственного участия в инсценировании дорожно-транспортного происшествия; в зависимости от

выполняемых функций во время инсценировка дорожно-транспортного происшествия; по мотиву применения инсценировка дорожно-транспортного происшествия.

Типичные следственные ситуации, возникающие в процессе расследования преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия, возможно классифицировать в зависимости: от исходной информации о наличии признаков преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия; в зависимости с момента выявления признаков инсценировки; в зависимости от использования преступниками механизмов дорожно-транспортного происшествия во время совершения преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия; наличии информации о лице (или лицах), подозреваемых в совершении преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия и источников его поступления, а также типовые версии в зависимости от способа совершения и от количества участников и разнообразия форм соучастия во время совершения преступлений, связанных с инсценировкой ДТП. При этом особое значение приобретает выявление негативных обстоятельств для установления признаков инсценировки при совершении отдельной категории преступлений.

Существующая следственная ситуация и выявленные негативные обстоятельства влияют на направление расследование, выдвижение и проверку версий, а также составляющие программы следственных (розыскных) действий и мер.

Важным условием выявления признаков инсценировки дорожно-транспортного происшествия и последующего расследования замаскированного им преступления надлежащая организация взаимодействия следователя с оперативными подразделениями, патрульной полицией, специалистами-криминалистами, судебными медиками, другими специалистами (в зависимости от механизма дорожно-транспортного происшествия и последствий), а также средствами массовой информации, общественными объединениями и службами безопасности отдельных учреждений (например, страховых компаний, банков) [3, с. 122].

Во взаимодействии след понимать одноразовое или длительное объединение сил, средств и методов следователей, работников оперативных подразделений, специалистов, экспертов и других лиц (средств массовой информации, журналистов-расследователей, служб безопасности страховых компаний и банковских учреждений) для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия.

Способы совершения преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия, а также накопленный опыт применения отдельных следователей (розыскных) действий создают условия для определения соответствующих тактических приемов следственных (розыскных) действий: осмотр места дорожно-транспортной события, осмотр транспортного средства, осмотр трупа, допрос участников дорожно-транспортного происшествия.

При расследовании преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия, целесообразно применять такие тактические операции как: «Реконструкция механизма дорожно-транспортного происшествия с распознаванием его инсценировка», «Сбор и оценка информации», «Обличение инсценировщика», «Контроль за совершением преступления, связанного с инсценировкой дорожно-транспортного события», «Использование средств массовой информации».

В процессе проведения отдельных следственных (розыскных) действий обязательно участие специалистов (в составе следственно-оперативных групп). В зависимости от имеющихся следственных ситуаций для установления обстоятельств инсценировки дорожно-транспортного происшествия, а также связанного с этим преступления целесообразно применение комплекса судебных (инженерно-транспортных экспертиз: автотехнической, транспортно-трасологической, экспертизы состояния дорог и дорожных условий в местах дорожно-транспортных происшествий;

пожарно-технической экспертизы, электротехнической экспертизы; в случае необходимости – экспертизы телекоммуникационных систем и средств) и криминалистических экспертиз (следов рук; следов ног человека и обуви; запирающих и предохранительных (контрольных) устройств (средств); целого по частям; рельефных знаков; механических повреждений одежды; наслоений на одежде (обуви); следов транспортных средств; материалов, веществ и изделий (волокон и волокнистых материалов, лакокрасочных материалов и покрытий; нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов; грунтов; металлов и сплавов; полимерных материалов; стекла, керамики); биологической экспертизы) [4, с. 132].

На основании вышеизложенного, в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в противодействии преступлениям, связанным с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия, можно предложить следующие мероприятия:

- обеспечить расследование преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия, возможностями следственно-оперативной группы, в состав которой обязательно должны входить следователи, работники оперативных подразделений, полицейские патрульной полиции, криминалисты, автотехники (в случае потребности – судебные медики, журналисты-расследователи, работники страховых компаний, работники служб безопасности страховых компаний и банков);

- создание в рамках криминальной полиции подразделений узкой специализацией, направленной на выявление признаков инсценировки дорожно-транспортного происшествия с участием власть имущих (как их самих, так и членов их семей, а также других лиц, находящихся с ними в близких отношениях или так или иначе зависят от них);

- создание автоматизированных банков данных способов инсценировки дорожно-транспортных происшествий в зависимости от вида преступления и участников на базе департамента полиции;

- разработка соответствующих методических рекомендаций по выявлению и расследованию преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортной события, а также подготовка курсов повышения квалификации для действующих работников следователей, оперативных и экспертных подразделений;

- накопление и систематизация имеющегося положительного опыта выявления и расследование конкретных фактов преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия.

Список использованной литературы

1. Алексеев, А. Г. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. / А.Г. Алексеев ; Саратовская госуд. академия права. – Саратов, 2001. – 187 с.

2. Баранов, Е. В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Баранов ; Академия МВД СССР. – Москва, 1977. – 22 с.

3. Булгакова, Е. В. Особенности расследования и предупреждения вымогательства и мошенничества, совершенных путём фальсификации обстоятельств дорожно-транспортных происшествий: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Булгакова ; Саратовская госуд. академия права. – Саратов, 2003. – 239 с.

4. Ушенин, А. В. Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций при расследовании преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.В. Ушенин ; Удмурт. гос. ун-т. - Ижевск, 2004. - 171 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

О. И. Локтевич

*(Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь, Минск)*

ВИДЕОЗАПИСЬ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС, ВИДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся доказательственного значения видеозаписи в досудебном производстве. В зависимости от следственных ситуаций, складывающихся в ходе расследования, выделены разновидности видеозаписи в досудебном производстве, а также определены основные направления деятельности следователей, в которых применяется видеозапись.

Термин «видеозапись» является давно устоявшимся в нашей повседневной лексике. Кроме того, сегодня практически у каждого имеется техническая возможность и навыки, позволяющие не только просматривать видеозаписи, но и создавать их самостоятельно. При этом, для создания видеозаписи не требуется иметь какие-либо специализированные средства и технологии, а достаточно использовать личный мобильный телефон.

В общедоступной интернет-энциклопедии «Википедия» приводится следующее определение: «Видеозапись – электронная технология записи визуальной информации, представленной в форме видеосигнала или цифрового потока, на физический носитель этой информации с целью сохранения информации и последующего воспроизведения и отображения на устройстве вывода (монитор, экран, дисплей). Результатом видеозаписи является видеодиаграмма или видеофонограмма».

В настоящее время видеозапись является перспективным, доступным, качественным и универсальным способом фиксации как в процессуальном, так и техническом аспектах [1, с. 108], ее активно используют в качестве средства доказательственной, ориентирующей и дополнительной информации [2, с. 74]. Расширение на сегодняшний день возможностей видеозаписи в предварительном расследовании отмечается в научной литературе [3; 4].

Белорусские ученые также уделяют внимание изучению различных вопросов, связанных с применением видеозаписи в досудебном производстве. Так, научные изыскания отдельных из них посвящены криминалистической видеозаписи (например, исследования М. М. Фисюка и Т. В. Ахраменко [5], А. Е. Гучка [1] и многих других). Другие ученые рассматривали указанный вопрос в связи с общими вопросами проведения следственных действий (например, Ю.П. Шкаплеров и И. В. Данько [7] и др.).

Для практической деятельности следователей особый интерес вызывает вопрос, связанный с доказательственным значением видеозаписи в досудебном производстве. Согласно ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Источники доказательств перечислены в ч. 2 ст. 88 УПК.

Что касается видеозаписи, то в досудебном производстве она может иметь доказательственное значение в качестве:

- вещественного доказательства (ст. 96 УПК);
- неотъемлемой части протокола допроса, проводимого с применением видеозаписи (ч. 6 ст. 219 УПК);

приложения к протоколам следственных действий (как дополнительное средство фиксации в соответствии с ч. 2 ст. 193 УПК);
другого носителя информации (ст. 100 УПК);
материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности (ст. 99 УПК) и др. [6, с. 19].

Так, например, при определенных обстоятельствах, видеозапись хода допроса может являться самостоятельным доказательством по уголовному делу. Указанное возможно, например, в случаях:

когда непосредственно в ходе допроса совершается преступление, зафиксированное на видеозаписи (например, причинение телесных повреждений участнику следственного действия и др.);

когда видеозапись допроса использовалась для совершения преступления (например, вымогательства под угрозой демонстрации видеозаписи родственникам подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу о совершенном им преступлении против половой свободы и половой неприкосновенности) и др.

Также, в зависимости от обстоятельств применения видеозаписи она может являться либо приложением к протоколу следственного действия, либо неотъемлемой его частью (касается допроса). Будучи полученной в распоряжение следователя от иных участников уголовного процесса (например, в случае представления видеозаписи защитником) видеозапись может быть признана в качестве другого носителя информации и т.д.

В досудебном производстве видеозапись может применяться следователем при различных обстоятельствах. В этой связи могут быть выделены следующие ее разновидности.

В зависимости от вида следственного действия, проводимого с видеозаписью:

видеозапись при проведении допроса;

видеозапись при проведении очной ставки;

видеозапись при проведении следственного эксперимента;

видеозапись при проведении проверки показаний на месте и др.

В зависимости от процессуального статуса лица, с чьим участием проводится следственное действие с видеозаписью:

видеозапись при проведении следственного действия с участием подозреваемого (обвиняемого);

видеозапись при проведении следственного действия с участием потерпевшего;

видеозапись при проведении следственного действия с участием свидетеля.

В зависимости от места проведения следственного действия с видеозаписью:

видеозапись при проведении следственного действия в месте расположения следственного подразделения (например в кабинете следователя);

видеозапись при проведении следственного действия в иных местах (например допрос подозреваемого, находящегося в ИУ «Тюрьма №8 г.Жодино»).

В зависимости от наличия возможности для предварительной подготовки следователя к проведению следственного действия с видеозаписью:

видеозапись при проведении неотложного следственного действия (возможности для подготовки минимальны);

видеозапись при проведении заранее запланированного следственного действия (имеются все возможности для тщательной подготовки следователя к его проведению).

В зависимости от характера следственной ситуации, в которой проводится следственное действие с применением видеозаписи:

видеозапись при проведении следственного действия в конфликтной ситуации;

видеозапись при проведении следственного действия в ситуации высокой степени риска возникновения конфликта;

видеозапись при проведении следственного действия в бесконфликтной ситуации.

В зависимости от характера следственного действия, при проведении которого применяется видеозапись:

видеозапись при проведении статического следственного действия (например, допроса, очной ставки и др.);

видеозапись при проведении динамического следственного действия (например, проверки показаний на месте, осмотра места происшествия и др.).

Нами перечислены далеко не все, а лишь наиболее часто встречающиеся виды видеозаписи, применяемой в досудебном производстве. Знание разновидностей следственных ситуаций, при которых в досудебном производстве применяется видеозапись, позволяет следователю выстроить мысленную модель предстоящего следственного действия, на основе которой разработать конкретный алгоритм по подготовке и проведению следственных действий с применением видеозаписи.

Также стоит обратить внимание на тот факт, что видеозапись в ходе предварительного расследования применяется следователем для реализации различных направлений его деятельности:

деятельность по раскрытию преступлений – например, применение видеозаписи для демонстрации широкой аудитории в целях выявления неустановленных потерпевших по многоэпизодным преступлениям и, соответственно, установления новых эпизодов преступной деятельности подозреваемого (обвиняемого);

деятельность по расследованию преступлений, доказыванию конкретных обстоятельств его совершения – например, фиксация хода и результатов допроса; использование видеозаписи при назначении судебных экспертиз и др.;

следственная профилактика – использование видеозаписи для профилактической деятельности следователя (например, демонстрация видеозаписи допроса с зафиксированными на ней признательными показаниями в средствах массовой информации, в ходе выступления в трудовых коллективах, членами которых совершено преступление, и др.).

Кроме названных направлений использования видеозаписи стоит обозначить еще одно – использование видеозаписи в учебных целях. В данном направлении видеозаписи используются не следователями, а иными лицами (преподавателями, учеными-исследователями, практическими сотрудниками, которым поручено проведение тематических занятий по вопросам применения видеозаписи в следственной деятельности, например, в ходе занятий с молодыми сотрудниками или плановых занятий, организуемых в рамках служебной подготовки следователей) и т.д.

Таким образом нами рассмотрены вопросы, касающиеся доказательственного значения видеозаписи в досудебном производстве, выделены разновидности видеозаписи в зависимости от обстоятельств расследования, определены направления деятельности следователей, в которых применяется видеозапись. Знание указанных вопросов позволит исследователям разработать алгоритмы по подготовке и проведению следственных действий с применением видеозаписи при различных следственных ситуациях, а практическим сотрудникам – грамотно реализовать указанные алгоритмы в ходе досудебного производства по уголовным делам и материалам проверок.

Список использованной литературы

1. Муленков, Д. В. Видеозапись как один из способов фиксации криминалистически значимой информации / Д. В. Муленков, О. Н. Лазаренко // Вестн. Моск. ун-та. МВД России – 2015. – № 9. – С. 107–111.

2. Кустов, А. М. Проблемы применения видеозаписи при расследовании преступлений против личности / А. М. Кустов, Р. А. Кокорев // Труды Акад. управ. МВД России. – 2018. – № 1. – С. 73–77.

3. Грибунов, О. П. К вопросу использования средств видеозаписи в расследовании дорожно-транспортных происшествий / О. П. Грибунов, А. И. Коновалов // Вестн. Уральск. юрид. ин-та МВД России. – 2018. – № 3. – С. 29–32.

4. Жамкова, О. Е. Использование видеозаписи в уголовном судопроизводстве / О. Е. Жамкова // Вестн. Моск. ун-та. МВД Росии – 2020. – № 3. – С. 94–96.

5. Фисюк, М. М. Криминалистическая видеозапись : учеб. пособие / М. М. Фисюк, Т. В. Ахраменко. – Минск : Акад. МВД, 2016. – 71 с.

6. Видеозапись на предварительном следствии: учеб. пособие / А. Е. Гучок, В. Н. Новаков. – Минск : Бел. гос. ун-т., 2003. – 48 с.

7. Шкаплеров, Ю. П. Следственные действия : учеб. пособие / Ю. П. Шкаплеров, И. В. Данько. – Могилев : Могилев. Институт МВД, 2017. – 108 с.

УДК 343.98

Д. Д. Соловьева

*(Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород)*

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ УСТАНОВЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТА С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ГАЗОВОЙ ХРОМАТО-МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ (ГХ-МС)

В настоящей работе представлен экспериментальный анализ штрихов реквизитов (подписи, оттиска печати), выполненных красящим веществом капиллярной ручки, штемпельной краской, с целью определения абсолютной давности их нанесения по относительному содержанию в исследуемых пробах штрихов легколетучих растворителей. Исследование с целью решения указанной задачи проводилось путем реализации возможностей газовой хромато-масс-спектрометрии (ГХ-МС). Перед началом анализа некоторые из исследуемых проб штрихов подвергались агрессивному воздействию световой природы.

Методика «Определение давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей», утвержденная научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России 13.03.2013 г., протокол №35, предусматривает применение гибридного хроматографического метода – газовой хромато-масс-спектрометрии [1]. В основу разработки данной методики положена зависимость уменьшения количественного содержания растворителя от времени его содержания в исследуемых штрихах.

Техника реализации метода ГХ-ХМС включает в себя: пробоподготовку, работу на газовом хромато-масс-спектрометре, качественный, количественный анализ полученных хроматограмм. Пробоподготовка предполагает приготовление объектов, в отношении которых будет проводиться исследование. Основная задача данного этапа – получение пробы, пригодной для исследования.

В качестве объектов экспериментального исследования выступают рукописные штрихи подписи, выполненной на белой бумаге синими чернилами капиллярной ручки deVENTE (страна-производитель: Китай), в частности, рукописные штрихи, нанесенные тем же пишущим прибором, в отношении которых было осуществлено «негативное» воздействие светового характера, а также оттиск печати, выполненный штемпельной краской.

В ходе реализации этапа пробоподготовки производилась вырезка штрихов подписи, которые в дальнейшем помещались в стеклянную виалу. С помощью микрошприца производился забор раствора диметилформамида. Необходимая масса раствора в виале контролировалась с помощью электронных весов Shimadzu. Масса раствора в виале составила 0,5 г. С целью ситуационного моделирования светового воздействия перед вырезкой штрихов производились действия по помещению подписи в УФ-лампу с длиной волны 365 нм и мощностью, равной 80 Вт. Время светового воздействия на штрихи составило 60 минут.

При непосредственной работе на газовом хромато-масс-спектрометре вручную осуществлялся ввод приготовленных проб посредством использования хроматографического микрошприца (производство: Австралия) объемом 1 мкл (не менее 3-х раз для каждой пробы) в испаритель [2]. Далее программным обеспечением в реальном времени производилась регистрация хроматографического сигнала детектора, соответствующего пику на хроматограмме в конкретное время (время элюирования). Глицерину и фенилгликолю соответствует собственное время удерживания (мин.). Представим хроматограммы растворов глицерина и фенилгликоля как эталоны для качественного анализа красящих веществ в исследуемой пробе (рис. 1 и 2):

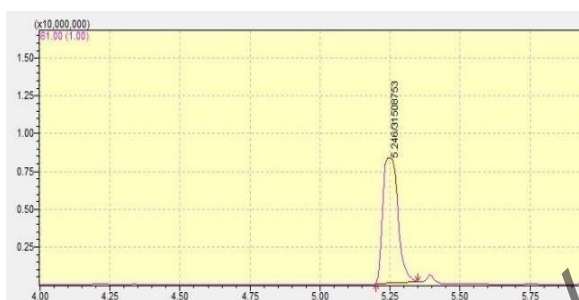

Рисунок 1 – Хроматограмма раствора глицерина

Рисунок 2 – Хроматограмма раствора фенилгликоля

В соответствии с данными, содержащимися на хроматограммах, время удерживания глицерина составило 5,2 минуты, а время удерживания фенилгликоля – 7,45 минут. Эталонные значения времени удерживания позволяют сформировать суждение о наличии либо отсутствии в исследуемой пробе глицерина и фенилгликоля.

Интеграция методов ГХ и МС предоставляет значительный массив информации, порождающий необходимость использования компьютера для его сверхточного анализа, что отражает процесс компьютеризации хромато-масс-спектрометрического анализа [3].

В таблице №1 отражены основные сведения, характеризующие параметры аналитического исследования.

Таблица 1 – Характеристика основных параметров аналитического исследования

№	Наименование параметра	Значение параметра
1.	Температура инжектора	280 °С
2.	Температура термостата	80 °С
3.	Температура ионного источника	200 °С
4.	Общий поток	17 мл/мин
5.	Деление потока	10
6.	Объем вводимой пробы	1 мкл

Потенциал применения метода газовой хромато-масс-спектрометрии в области назначения и производства технико-криминалистической экспертизы документов, главным образом, аккумулируется в рамках проведения исследования, направленного на решение задачи установления абсолютной давности документов и его реквизитов.

1. Определение относительного содержания легколетучего компонента в штрихах оттиска печати синего цвета.

В результате проведенного экспериментального исследования были получены следующие хроматограммы (рис. 3,4), включая ГХ-МС- хроматограмму холостой пробы бумаги белого цвета.

Рисунок 3 – ГХ-МС-хроматограмма холостой пробы бумажной основы документа, на которой наличествуют оттиск печати и штрихи подписи

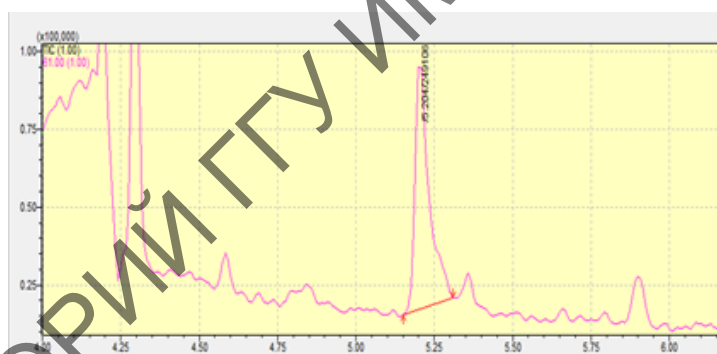

Рисунок 4 – ГХ-МС-хроматограмма пробы красящего вещества синего цвета оттиска печати круглой формы, выполненного 13 апреля 2020 года (исследование от 29.12.2021 г.)

На хроматограмме, представленной на рис. 4, зарегистрирован пик с временем удерживания 5,2 мин, который соответствует времени выхода легколетучего компонента – глицерина, входящего в химический состав красящего вещества оттисков печатей. По относительному содержанию глицерина оценивалось время нанесения на документ оттиска печати круглой формы, расположенного в документе. За характеристику содержания легколетучего компонента в исследуемых образцах (S) была принята площадь соответствующего пика на хроматограммах вырезок из образцов, выраженная в у.е. За характеристику содержания красителей в образцах (A) была принята величина оптической плотности в видимой зоне спектра в максимуме полос поглощения 592 ± 2 . За характеристику относительного содержания глицерина в пробах было принято отношение: $C = S/A$. Полученные результаты приведены в

таблице №2. **Примечание:** в нижеприведенной таблице представлены усредненные значения, полученные в результате реализации серии экспериментов (3).

Таблица 2 – Результаты исследования

Дата ГХ-МС анализа	Площадь пика, S	Оптическая плотность, A	Концентрация легколетучего компонента, С
<i>Объект исследования – оттиск печати круглой формы, выполненный в документе от 13 апреля 2020 г.</i>			
29.12.2021г.	293 408	0,366	801 661

Сравнительным исследованием полученных данных со статистическими данными об изменении содержания легколетучих компонентов в штрихах красящего вещества оттисков печатей, имеющихся в коллекции лаборатории с одинаковым (сходным) с исследуемыми штрихами красящего вещества синего цвета оттиска круглой печати, установлено, что значение параметра С (концентрации глицерина), полученное для штрихов красящего вещества оттиска печати круглой формы соответствует значениям указанного параметра для штрихов-образцов, датированных в марте-апреле 2020 года.

На основании проведенного исследования приходим к суждению о выполнении оттиска печати круглой формы в соответствующей части документа в марте-апреле 2020 года (13 апреля 2020 г.).

2. Определение относительного содержания легколетучего компонента в штрихах подписи, выполненной капиллярной ручкой синего цвета марки deVENTE и являющейся объектом агрессивного воздействия световой природы.

В результате проведенного экспериментального исследования были получены следующие хроматограммы до и после УФ-воздействия (рис. 5 и 6).

Рисунок 5 – ГХ-МС-хроматограмма пробы красящего вещества синего цвета капиллярной ручки марки deVENTE до УФ-воздействия

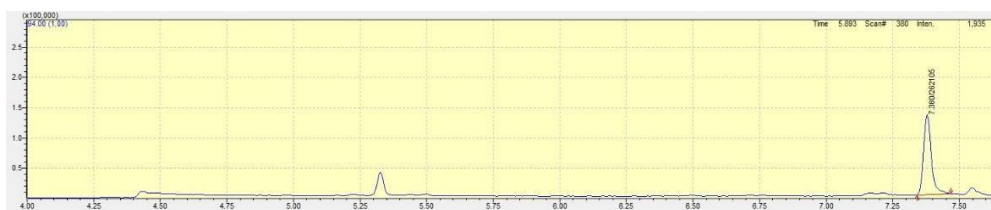

Рисунок 6 – ГХ-МС-хроматограмма пробы красящего вещества синего цвета капиллярной ручки марки deVENTE после УФ-воздействия

На хроматограммах, представленных на рис. 5 и 6, зарегистрированы пики с временами элюирования 7,4 и 7,38 мин, которые соответствуют времени выхода фенолгликоля. По относительному содержанию фенолгликоля оценивалось время нанесения на документ штрихов подписи.

За характеристику содержания легколетучего компонента в исследуемых образцах (S) была принята площадь соответствующего пика на хроматограммах вырезок из образцов, выраженная в условных единицах (у.е.). За характеристику содержания красителей в образцах (A) была принята величина оптической плотности в видимой зоне спектра в максимуме полос поглощения 592 ± 2 . За характеристику относительного содержания фенолгликоля в пробах было принято отношение: $C = S/A$. Полученные результаты приведены в таблицах № 3 и 4. **Примечание:** в нижеприведенных таблицах представлены усредненные значения, полученные в результате реализации серии экспериментов (3).

Таблица 3 – Результаты исследования пробы штрихов подписи, выполненной капиллярной ручкой deVENTE, до УФ-воздействия

Дата ГХ-МС анализа	Площадь пика, S	Оптическая плотность, A	Концентрация легколетучего компонента, C
<i>Объект исследования</i> – штрихи подписи, выполненной капиллярной ручкой deVENTE, до УФ-воздействия от 23 октября 2021 г.			
29.12.2021г.	362 134	0,343	1 055 784

Таблица 4 – Результаты исследования пробы штрихов подписи, выполненной капиллярной ручкой deVENTE, после УФ-воздействия

Дата ГХ-МС анализа	Площадь пика, S	Оптическая плотность, A	Концентрация легколетучего компонента, C
<i>Объект исследования</i> – штрихи подписи, выполненной капиллярной ручкой deVENTE, после УФ-воздействия от 23 октября 2021 г.			
29.12.2021г.	262 105	0,343	764 154

Анализ количественных данных, представленных в таблицах №3 и 4, позволяет проследить закономерность уменьшения концентрации содержания фенолгликоля, что влияет на установление условного периода нанесения штрихов подписи путем сравнения с наличествующими статистическими сведениями.

Задача установления факта агрессивного воздействия и задача установления абсолютной давности взаимосвязаны. При диагностировании состояния «искусственного» состаривания материалов документа выполнить задание об определении абсолютной давности нанесения штрихов реквизитов представляется невозможным в силу закономерности уменьшения концентрации содержания легколетучего компонента (глицерина, фенолгликоля). Действующая в настоящее время методика установления абсолютной давности по относительному содержанию в штрихах реквизитов летучих растворителей охватывает лишь экспертную ситуацию исследования документов в состоянии естественного состаривания материалов письма.

Список использованной литературы

1. Тросман, Э.А. Методика «Определение давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей» / Э.А. Тросман [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – № 2 (30). – С. 80–88.

2. Приложение к свидетельству №64901 об утверждении типа средств измерений «ОПИСАНИЕ ТИПА СРЕДСТВА ИЗМЕРЕНИЙ. Хромато-масс-спектрометры газовые GCMS-QP2020». – 5 л.

3. Крылов, В.А. ХРОМАТОМАСС- СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКИЙ МЕТОД АНАЛИЗА: учебное пособие / В.А. Крылов, П.В. Мосягин. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2021. – 88 с.

УДК 349.98

A. E. Serada, I. I. Luzgin
(Belarusian State University, Minsk)

PROSPECTS OF AUTOMATED FACIAL RECOGNITION (AFR) AS A TOOL IN SOLVING AND PREVENTING CRIMES

The article deals with the prospects of automated facial recognition in terms of investigating and solving crimes in the Republic of Belarus. Main problems of its implementation are being looked into and the solutions as to how to enhance its efficacy are suggested.

Since time immemorial, human beings have been using facial features to recognize one another. Interestingly, the practice of authorities and police utilizing the body features and characteristics to identify people, foes and friends alike, has a long recorded history dating back to the mid-1800 (and, in some instances, even further). Previously, there has also been ways to use one's body features to that effect – as, for example, the ancient Chinese way of signing documents with a person's fingerprint (even back then, it was known that this characteristic is distinctive).

The most recent history which has been recorded in terms of scientific advances and practical usages knows the following steps into the new territory that later would be known as «biometrics» («bio» meaning «life», «metrics» meaning «to measure» in Greek):

1) one trigger for the systematic use of biometric traits to recognize a person was the enactment of the Habitual Criminal Act in 1869 in the United Kingdom. This Act made it mandatory to maintain a register of all persons convicted of a crime in the UK along with appropriate evidences of identity [1, c. 85];

2) in order to identify repeat offenders, a French police officer named Alphonse Bertillion introduces a system of person identification based on a set of anthropometric measurements. Additionally, he utilized multiple descriptive attributes such as eye color, scars, and distinctive marks in order to recognize an individual [1, c. 85];

3) the Bertillion's approach was quickly discarded as insufficiently efficient in favor of a more accurate approach involving manual comparison of human fingerprints. This was made possible by the pioneering works of Henry Faulds, William Herschel, and Sir Francis Galton, who established uniqueness of certain features in a fingerprint ridge pattern such as minutia points [1, c. 85].

As a result, in the 1980s, the term «biometrics» began to be used to describe automated or not-so-much systems of human recognition then being developed. In the 1970s, however, the most promising field had been known as «Automated Personal Identification».

What has changed with more recent developments in biometrics is that these practices are now being extensively and thoroughly digitalized, which includes the use of complex algorithms designed to read collectedly bodily data and the use of biometric technologies in conjunction with growing and widespread networks of surveillance. Of all the available body features to distinguish one person from another face clearly stood out in that it was susceptible to so many algorithms developed in order to identify a person. Additionally, in comparison with other biometric features, the face has a number of advantages that make it one of the most preferred features for identifying a person [2, c.159]:

1) lack of physical contact: unlike collecting fingerprints and scanning the iris, images of faces can be obtained at a distance without physical contact. The facial recognition system can collect biometric data in a way convenient for the researcher;

2) no need for cooperation: compared to iris and fingerprints, face recognition requires less interaction with persons;

3) the presence of signs significant for identification: a person has a number of unique (distinctive) physical characteristics significant for the identification. These physical attributes are easily measurable and most visible to the researcher (as opposed to capillaries on the fingertips or blood type and DNA sequence among other things).

The research on enabling computers to recognize human faces commenced in the mid-1960s by Woodrow W. Bledsoe and his colleagues at Panoramic Research. The matching was then done automatically based on 20 normalized distances derived from these facial landmarks (e.g., width of the mouth, width of eyes, etc.). A system capable of automatically extracting such facial landmarks was also proposed in Takeo Kanade's Ph.D. thesis published in 1973, which can be considered to have presented the first fully automated face recognition system [1, c. 88].

While the earliest face recognition systems were based on geometric features, the Eigenface approach (the Eigenface technology creates matrices of human faces and uses complex mathematical equations to generate templates for individual features that are digitally stored. The library of Eigenfaces can be superimposed over raw facial images when searching for a facial identification) popularized by Turk and Pentland in 1991 was based on holistic facial appearance. Holistic appearance-based techniques generate a compact representation of the entire face region in the acquired image by mapping the high-dimensional face image into a lower dimensional sub-space. This sub-space is defined by a set of representative basis vectors, which are learned using a training set of images. The local feature analysis method of Penev and Atick and the Fisherface method of Belfumeur et al. are other examples of holistic appearance-based face recognition [1, c. 89].

The elastic bunch graph matching approach of Wiskott et al. was a pioneering work in model-based face recognition. Model-based techniques try to derive a pose-independent representation of the face images by building 2D or 3D face models. These schemes typically require the detection of several fiducial or landmark points in the face (e.g. corners of eyes, tip of the nose, corners of the mouth, and the chin), which leads to increased complexity compared to appearance-based techniques. The morphable model proposed by Blanz and Vetter advanced the use of 3D models in face recognition by exploiting both facial texture and shape features. Since appearance-based schemes use the raw pixel intensity values, they are quite sensitive to changes in ambient lighting and facial expressions. Therefore, texture-based methods like «Scale Invariant Feature Transform» and «Local Binary Patterns» were developed. These methods use more robust representations that characterize the texture of an image using the distribution of local pixel values. Sparse representation coding and face recognition based on deep learning are some of the more notable advances in the area of face recognition in the last decade [1, c. 89].

Most of the face recognition techniques assume that faces can be aligned and properly normalized (both geometrically and photometrically). The alignment is typically based on the location of the two eyes in the face. The face detection scheme developed by Viola and Jones is considered a milestone because it enabled faces to be detected in real-time even in the presence of background clutter, a situation commonly encountered in applications such as surveillance. Even though the Viola-Jones face detector has demonstrated excellent performance in real-time applications, it is still challenged when confronted with non-frontal facial poses, illumination changes, occlusion, etc.

Consequently, real-time face recognition has been made feasible in a wide range of applications where the user is cooperative and the face image is acquired in a controlled environment. However, solutions to unconstrained face recognition such as in surveillance

applications were still in development and some of them proved to be quite effective, while others certainly didn't.

The development, of course, didn't stop there. In 2014, Facebook launched the «DeepFace» service, which determines whether two photographed faces belong to the same person with an accuracy of 97.25%. In 2015, Google also presented its development called the «FaceNet» face recognition system. Owing to the enormous array of data collected by Google services, «FaceNet» achieved significant accuracy at that time – 99.63%. In particular, this technology is used in the «Google Photo» application to sort images and automatically mark people on them [3].

The police in the USA implemented face recognition system called "FACE" (Facial Analysis, Comparison, and Evaluation) which is based on algorithms that scan more than 30 million images from copyright and photographs. In addition, companies such as «Clearview AI», «Vigilant Solutions» and «Accuant FaceID» are also working on their face recognition systems for the purpose of solving crimes and holding the perpetrators accountable. As of 2020, the AFR technology was used in 98 countries; banned in 3; its implementation was planned in 13 more. In 2022, about 109 countries are using facial recognition systems in one or another area of their society. According to a 2019 study called "Facial Recognition Market", the global facial recognition market was estimated at 3.2 billion US dollars. The forecast for 2024 is 7 billion US dollars (with an annual growth of 16%) [3].

Not surprisingly, automated facial recognition technology nowadays can be found in many things: from "Apple Face ID" to the automatic tagging function in Facebook and biometric passport checkpoints at international airports. However, the most profound achievement that this technology has scored is that AFR now is either fully or partially implemented in applications such as border control, forensics, surveillance, de-duplication, and chain-of-custody. The examples of successful using AFR in forensics and law enforcement activities are the following:

- 1) the implementation of the state program "Safe City" in Moscow in 2020 contributed to the solving of more than 5 thousand crimes. The facial recognition system, massively introduced in Moscow in January 2020 and deployed in 10 other Russian cities, currently plays a significant role in 70% of crime investigations (there are already more than 189,000 cameras with the ability to recognize faces in the capital and more than 12,300 installed in subway trains) [4];

- 2) by the end of 2018, there were about 4,000 CCTV cameras with a facial recognition system in Minsk, thanks to which about 500 crimes were solved in the same year. In Belarus, the «Synesis» company's product "Kipod" is used, which recognizes from 15 to 25 persons in the frame [4];

- 3) in China, the «Dragonfly Eye» facial recognition system is used to maintain public order. In the first three months of using this technology, 567 violators were detained in Shanghai [10]. As a result, the level of pickpocketing in Chinese cities has fallen by almost a third [5, 6];

- 4) in the Czech Republic, the use of face recognition since 2018 has contributed to the prosecution of 160 offenders at the airport in Prague alone [5];

- 5) American law enforcement actively used facial recognition in the investigation of mass riots at the Capitol on January 6, 2021. Thanks to this technology, it was possible to bring to justice more than 500 people who took part in the riot. Facial recognition is now being used by the FBI in criminal investigations. In addition, the FBI dropped the use of their Integrated Automated Fingerprint Identification Systems (IAFIS) in favor of The Next-Generation Identification System (NGIS), which pertains heavily to biometrics and relies on facial recognition as well.

There were about 4,000 surveillance cameras installed in Minsk by the end of 2018 as part of the Republican Public Security Monitoring System (hereinafter referred to as RSMOB). In order to maintain law and order, a product developed by «Synesis» called «Kipod» was deployed, which allows setting up a biometric system for identification and recognition of persons, as well as identification and recognition of vehicle registration numbers (the accuracy of face recognition

is about 94.21%, and registration numbers around 97.46%). Depending on the location of the CCTV camera, «Kipod» easily recognizes approximately up to 25 persons in a crowd.

The regulatory legal act of the Republic of Belarus, which was a prerequisite for the creation of the RSMOB, is Presidential Decree No. 527 of 2013. The main characteristic of this regulatory legal act is that it provides for the creation of a video surveillance system in the country. The application contains a list of objects that needed to be connected in the first place (transport hubs, sports complexes, hotels and administrative buildings). In May 2017, the President of the Republic of Belarus also signed Decree No. 187 "On the Republican public Security monitoring system", according to which the main tasks of the monitoring system are monitoring the state of public security in order to ensure public order, prevention, detection (disclosure) and suppression of crimes, other offenses, search for persons who committed them and persons missing (disappeared), prevention and liquidation of emergency situations, as well as prompt information about recorded events».

According to the decree of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus dated July 2, 2019, the software for the RSMOB should provide for integration with third-party information databases and systems that store photos of people. In accordance with this, some critics of the «Kipod» system, a video surveillance and face recognition system used in the Republic of Belarus, believe that it is integrated with the automatic identification systems «Passport» and «Traffic Police Center».

As part of the use of facial recognition systems in the investigation of crimes, such problematic aspects have so far been identified as: the accuracy – this indicator may have a programmatic nature (depends on the algorithm), as well as a technical one (depends on the quality and capabilities of the technical means used in recognition); variability of the distinctive characteristics of people – deformation of facial features due to age-related changes or surgical intervention, for example; the legislative aspect is that the use of facial recognition technology may raise objections from human rights defenders in terms of the admissibility of evidence obtained as part of a criminal investigation. For the successful application of facial recognition technology in the investigation and prevention of crime in the Republic of Belarus, it seems appropriate to implement the following measures:

- 1) installation of video surveillance cameras with a facial recognition system in places of potential interest to participants and organizers of mass riots and unauthorized mass events;
- 2) creation of training programs for specialists in the field of working with current facial recognition technologies and the development of new, more sophisticated algorithms for their functioning;
- 3) the use of 3D facial recognition software in crime investigation, which is not as easily misled due to tricks or technical problems as 2D prototypes. The reliability of the result of using this equipment in poor light conditions is much higher and turning a person's head is an uncritical aspect. By adding a parameter like "depth" to the equation, a 3D face print can include contours, curves, and finer distance shapes;
- 4) widespread informing of citizens that a facial recognition system is being used;
- 5) the existing format of video surveillance cameras, intended as a cost-effective means for surveilling large areas, does not meet the requirements for the effective use of face recognition technology. To optimize their application, improved standards in the technology and configuration of video surveillance systems are required;
- 6) taking into account the fact that some changes (for example, aging) can radically change a person's appearance, it is advisable to: a) create data banks related to gender, age and ethnicity, which provide background information for a variety of diagnostic, clinical and judicial procedures; b) develop and use an algorithm that is able to take into account the approximate age change of a person after a certain time.

The successful application of this technology in solving crimes implies overcoming existing contradictions in legislation, resolving existing issues regarding accuracy, security and confidentiality of data. The accuracy of these systems is of particular importance, since specialists

have no right to make mistakes – any erroneous detention can distract from the capture of a criminal, or mislead the investigation. Thus, the development of facial recognition technology and its use in the detection and investigation as well as preventing of crimes is gaining priority in the context of exponential development of information technology and contributes to the effective implementation of the National Security program of the Republic of Belarus. In particular – ensuring public safety and the safety of the population, reducing crime and criminalization of society; as well as compliance with the basic principles of criminal law.

Список использованной литературы

1. Jain, K. 50 years of biometric research: Accomplishments, challenges, and opportunities / K. Jain, K. Nandakumar, A. Ross // Pattern Recognition Letters. – 2016. – № 79. – С.80 – 105.
2. Saferstein, R. Criminalistics: an Introduction to Forensic Science / R. Saferstein. – New York: Pearson, 2020. – 558 с.
3. Facial Recognition Market by Component, Application, Vertical and Region – Global Forecast to 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.marketsandmarkets.com/pdfdownloadNew.asp?id=995>. – Дата доступа: 19.02.2022.
4. Yi Zeng Responsible Facial Recognition and Beyond [Электронный ресурс] / Y. Zeng, E. Lu, Y. Sun, R. Tian. – Режим доступа: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1909/1909.12935.pdf>. – Дата доступа: 17.02.2022.
5. Можно немного хромать: BYPOL ответил, как защититься от распознавания камерами на уличных акциях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.the-village.me/village/city/news-city/287555-kak-zashititsja>. – Дата доступа: 21.02.2022.
6. Распознавание лиц: почему в Китае не скрыться даже в 60-тысячной толпе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-43751391>. – Дата доступа: 08.02.2022.
7. В Китае научились распознавать 95% лиц в масках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/395425-v-kitae-nauchilis-raspoznivat-95-lic-v-maskah>. – Дата доступа: 10.02.2022

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

УДК 347.342

Е. М. Караваева

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СФЕРЕ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается соотношение норм закона Республики Беларусь «О защите персональных данных», закона «О нотариате и нотариальной деятельности», иных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность в сфере обеспечения прав граждан нотариатом. Анализ законодательства о персональных данных позволяет заключить, что действие закона Республики Беларусь «О защите персональных данных» в целом распространяется на сферу нотариальной деятельности, но, в отдельных случаях, законодательство о нотариате требует совершенствования.

Забота о соблюдении прав граждан, важность и ценность информации о человеке являются побуждающими государство факторами максимально на уровне правовой регламентации обеспечить надежную защиту персональных данных. Законодательство Республики Беларусь в области защиты персональных данных основывается на Конституции Республики Беларусь состоит из закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», других нормативных правовых актов, определяющих случаи и особенности обработки персональных данных.

Ч. 2 Ст. 28 Конституции Республики Беларусь закрепляет, что государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании [1].

Таким образом на законодательном уровне закреплено требование для организаций и физических лиц обеспечить защиту персональных данных при осуществлении их обработки.

Обработка персональных данных подразумевает под собой любое действие или совокупность действий, совершаемые с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных [2, абз.6 ст.1].

Любой субъект, который самостоятельно или совместно с кем-либо организует и (или) осуществляет обработку персональных данных, является оператором [2, абз.8 ст.1]. В настоящее время законодательство приводится в соответствие с вышеуказанными требованиями.

Так как нотариальная деятельность предполагает внесение сведений в единую электронную систему, а сбор, систематизация, хранение, изменение, использование таких сведений нотариусами и иными лицами, указанными в законодательстве, осуществляются без согласия физических или юридических лиц, от имени, на имя, по поручению либо в отношении которых совершается (совершено) нотариальное действие, вопрос об обеспечении защиты персональных данных потребовал внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты, осуществляющие регламентацию деятельности в сфере нотариата.

10.11.2021 приказом Председателя Белорусской нотариальной палаты (далее – БНП) утверждена Политика в отношении обработки персональных данных, действующая в отношении всех категорий, обрабатываемых БНП персональных данных (включая биометрические и специальные персональные данные): в

информационных (электронных) ресурсах (системах) БНП, в том числе единой электронной системе учета нотариальных действий и наследственных дел; работников БНП; претендентов, в отношении которых принято решение о допуске к осуществлению нотариальной деятельности и выдаче свидетельства на осуществление нотариальной деятельности; членов БНП; при исполнении договоров; при рассмотрении обращений; иных обрабатываемых данных [3].

Политика в отношении обработки персональных данных закрепляет принципы и цели обработки персональных данных, правовые основания обработки персональных данных, порядок обработки персональных данных, права субъектов персональных данных, обязанности оператора, обжалование действий (бездействия) и решений БНП, связанных с обработкой персональных данных, трансграничную передачу персональных данных, защиту персональных данных [3].

Закон Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» так же приведен в соответствие с нормами Закона «О защите персональных данных» в части обеспечения нотариусами, уполномоченными должностными лицами местных исполнительных и распорядительных органов, должностными лицами загранучреждений, Белорусской нотариальной палаты законодательства о защите персональных данных.

Так ч.3 ст. 19 закрепляет положение о том, что порядок внесения сведений в единую электронную систему, состав вносимых сведений, а также порядок предоставления из этой системы сведений (за исключением сведений, составляющих нотариальную тайну) осуществляются с учетом требований законодательства об информации, информатизации и защите информации, законодательства о персональных данных [4].

В соответствие с п.4 ст. 19 Белорусская нотариальная палата, нотариусы и иные лица, указанные в законе «О нотариате и нотариальной деятельности», обеспечивают в процессе формирования, ведения и использования единой электронной системы соблюдение требований законодательства об информации, информатизации и защите информации, законодательства о персональных данных. [4].

Так же внесены изменения в Правила нотариального делопроизводства. В целях защиты персональных данных, обеспечения сохранности нотариальной тайны и иной охраняемой законом тайны Правила дополняются нормой, согласно которой черновые экземпляры, рабочие записи и проекты документов на бумажных носителях, содержащие сведения, составляющие нотариальную или иную охраняемую законом тайну, распространение и (или) предоставление которой ограничено, подлежат уничтожению [5].

В целом, законодательство о нотариате Республики Беларусь соответствует требованиям закона Республики Беларусь «О защите персональных данных». Однако, на наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения практических работников, которые утверждают, что ознакомление наследников с документами, содержащимися в наследственном деле, не в полной мере соответствует требованиям по обеспечению защиты персональных данных. Считаем необходимым на заявлении с просьбой наследника предоставить наследственное дело для ознакомления, производить запись за подписью наследника о том, что наследник ознакомился с материалами наследственного дела, с указанием даты ознакомления, наименования (реквизитов) документов, с которыми был ознакомлен наследник, а также копии каких документов получил на руки либо была произведена фотосъемка. Так же соответствующую норму необходимо внести в Инструкцию о порядке совершения нотариальных действий.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г.,

17 октября 2004 г. И 27 февраля 2022 г.) // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. О защите персональных данных: Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г. № 99-3 [Электронный ресурс] // Эталон-Online. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099&q_id=4969060. – Дата доступа: 16.04.2022.

3. Политика в отношении обработки персональных данных: Приказ Председателя Белорусской нотариальной палаты от 10.11.2021 № 210/1 [Электронный ресурс] // Белорусская нотариальная палата – URL: <https://belnotary.by/o-palate/politika-v-otnoshenii-obrabotki-personalnykh-dannykh/> – Дата доступа: 16.04.2022.

4. О нотариате и нотариальной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2004 г., № 305-3: (с зм. И доп. от 05.01.2022 N 147-3) [Электронный ресурс] // Эталон-Online. – URL: <http://etalonline.by/document/?regnum=N10400305> – Дата доступа: 16.04.2022.

5. В Беларуси внесены изменения в ряд документов по вопросам осуществления нотариальной деятельности [Электронный ресурс] // URL: https://primepress.by/news/ekonomika/v_belarusi_vneseny_izmeneniya_v_ryad_dokumentov_po_voprosam_osushchestvleniya_notarialnoy_deyatelnos-43325/. – Дата доступа: 16.04.2022.

УДК 427.232.4

Н. В. Копыткова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

ПРИБРЕТАТЕЛЬНАЯ ДАВНОСТЬ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

В статье анализируется законодательство об институте приобретательной давности в историческом аспекте и в современном его понимании. Дается анализ практики государственных органов власти и судов. Анализируется порядок административного и судебного рассмотрения заявлений граждан о признании права собственности на жилые помещения в силу приобретательной давности. Делается вывод о важности функционирования данного института и обосновывается необходимость совершенствования законодательства в данной сфере.

В римском праве приобретение собственности в силу давности фактического владения определялось термином «узупация» (от лат. usucapio – приобретение в результате пользования). Упоминание о наличии института давности имущественного права имело место в Статуте ВКЛ 1588 г., точнее речь шла о близком к праву собственности право «держания», которое при определённых условиях могло перейти в право собственности. Так, согласно разд. 3 арт.43 Статута «Хто чога за короля Казимира и Александра и за короля его милости Жикгимоньта и второго Жикгимоньта Августа былъ в деръжанью, тотъ тое вечно маеть деръжати». В соответствии со Статутом срок права владения землей был равен трем годам, но если представители привилегированных сословий в течение 10 лет безупречно владели землей, то она становилась их собственностью. Так, согласно арт. 45 «Што бы кому черезъ листь дано або упрошоно, а онъ бы того не въживаль и въ молъчанью былъ черезъ давньность земьскую десеть летъ и хто бы тежъ у чужой земли былъ. Если бы што кому дано або продано, ... а оный бы, што ему дано, продано або записано, в держанью и поживанью черезъ десеть летъ не был и о то се врьдовъне не упоминаль, таковый по выстью летъ десети вжо того доходити не может, але держачий то вечно маеть мети» [1].

В советское время Гражданский кодекс БССР 1964 г. не содержал специальной нормы о праве приобретательной давности физических и юридических

лиц. Однако наличие ст. 152 «Безнадзорный скот» дает основания полагать, что подобным правом обладали отдельные юридические лица, в частности колхозы. Согласно указанной статье, если не будет обнаружен собственник рабочего или крупного рогатого скота в течение шести месяцев, а мелкого скота – в течение двух месяцев со дня передачи скота колхозу, собственник утрачивает право собственности, и скот безвозмездно переходит в собственность этого колхоза [2].

В начале 90-х годов, в так называемый перестроечный период в СССР и в союзных республиках были приняты законы «О собственности». Ни в союзном законе, ни в законе БССР 1990 г. не упоминается об этом институте гражданского права. Однако в Законе 1990 г. «О собственности в РСФСР» в редакции 1992 г. в п. 3 ст. 7. нашло свое закрепление право на приобретательную давность – «гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно и открыто владеющее как собственник недвижимым имуществом не менее пятнадцати лет либо иным имуществом не менее пяти лет, приобретают право собственности на это имущество» [3].

Схожая формулировка, но уже с указанием на условия наступления приобретательной давности содержится в п. 1 ст. 235 ныне действующего Гражданском Кодексе Республики Беларусь (далее - ГК): «лицо – гражданин или юридическое лицо, в собственности которого не находится имущество, но которое добросовестно, открыто и непрерывно владеет им как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность)». Механизм реализации этого права приведен в Законах «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» от 22 июля 2002 г. № 133-З и «Об основах административных процедур» от 28 октября 2008 г. № 433-З.

Согласно ст. 56. Закона № 133-З «Документом, являющимся основанием для государственной регистрации возникновения права собственности на недвижимое имущество по приобретательной давности, является решение местного исполнительного и распорядительного органа, подтверждающее приобретательную давность, либо судебное постановление об установлении факта приобретательной давности». Данная норма позволяет выделить два порядка установления права собственности по приобретательной давности: административный и судебный. Административные процедуры в отношении недвижимого имущества осуществляются уполномоченным органом по месту нахождения недвижимого имущества (п.1 ст. 5 Закона № 433-З). Согласно п. 22.8 Указа Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 № 200 (ред. от 25.02.2019) «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» принятие решения, подтверждающего приобретательную давность на недвижимое имущество возлагается на местный исполнительный и распорядительный орган. Например, это может быть начальник управления по архитектуре и строительству районной администрации города, управляющий делами райисполкома и т.п. Если в административном порядке установить факт приобретательной давности невозможно, то дело передается в суд и рассматривается в особом производстве в соответствии со ст. 361 Гражданского процессуального кодекса. Согласно п.10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2003 № 2 (ред. от 02.06.2011) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с правом собственности на жилые помещения» (далее – Постановление № 2) спор рассматривается судом в исковом производстве.

Объектом приобретательной давности может быть только имущество, на которое у лица отсутствуют законные основания владения недвижимостью. Так,

согласно ч.1 п.10 Постановление № 2 «наличие у заявителя правомочий владения жилым помещением (например, имеет долю в праве собственности на жилое помещение, пользуется им по договору найма) является основанием к отказу в удовлетворении требований об установлении факта приобретательной давности». Однако, в ч.2 п.16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27.06.2013 № 5 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 марта 1994 г. № 1», «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» среди правовых оснований владения имуществом для установления факта приобретательной давности были названы только договорные обязательства и закрепление имущества на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

Как показывает практика, при рассмотрении заявлений физических лиц о признании права собственности на жилые помещения в силу приобретательной давности, государственные органы руководствуются Постановлением № 2. Так, в 2021 г. в Добрушский районный исполнительный комитет от гражданки Е. поступило заявление о принятии решения, подтверждающего приобретательную давность на половину дома. В результате рассмотрения заявления было установлено, что в 2004 г. гражданка Е. в порядке наследования получила на праве собственности половину дома в сельской местности, вторая половина причиталась другим наследникам. В 2010 г. была произведена государственная регистрация перехода доли в праве на строение правообладателя Е. в праве собственности на ½ одноквартирного жилого дома и на ½ этого дома на гражданина К, умершего в 1993 г. На протяжении всего времени, в отсутствие каких-либо иных законных правообладателей на долю, гражданка Е. добросовестно и открыто владела наследственным имуществом и несла расходы на содержание всего дома. В течение этого времени никто из наследников гражданина К. не заявил о своих правах на ½ дома и фактически не объявлялся с целью использования указанного строения. Райисполком, руководствуясь Постановлением № 2, отказал в удовлетворении заявления, сославшись на то, что гражданке Е. принадлежит право владения долей в жилом помещении [4].

Юридический смысл Постановления № 2 можно объяснить следующими соображениями. Во-первых, право на долю в собственности уже предполагает наличие законных прав владения всем объектом имущества. Во-вторых, до тех пор, пока доля каждого сособственника в имуществе не будет выделена в натуре, у каждого из них сохраняется право на имущество в целом. Толкование применения ст. 235 ГК в Постановлении № 2 допускаю возможным, но другой вопрос, является ли это справедливым? Исходя из содержания статей ГК о долевой собственности, сособственники господствуют над соответствующим имуществом в целом, имеют его у себя физически (правомочие владения), а также извлекают из него полезные свойства (правомочие пользования). Как известно, правомочия владения и пользования не создают права собственности на весь имущественный объект, и у каждого сособственника находится лишь доля на праве собственности. Заявителя в данной ситуации интересует именно вопрос собственности, а не какого-то еще права законного владения имуществом в целом. Возникает вполне резонный вопрос, если наследники никаких действий по фактическому принятию наследства не предпринимали, законность владения другим сособственником домом они не оспаривали, то почему физическое лицо не может получить в собственность долю в силу приобретательной давности? Почему должны «наказывать» непризнанием права собственности того, кто живет в доме и проявляет заботу о нем? По всей видимости в сложившейся ситуации собственнику доли также бесполезно обращаться в судебные органы с заявлением о приобретательной давности, так как вероятнее всего суд сошлется на вышеуказанное Постановление № 2. Единственным

способом приобретения права собственности на вторую долю дома остается обращение с иском в суд о признании права собственности на долю умершего. Подача иска, как известно, связана с дополнительными расходами и судебными издержками. Справедливо ли это? Актуально ли Постановление № 2 в настоящее время? Полагаю, что такая правоприменительная практика приобретательной давности не соответствует формирующимся на этот счет ожиданиям, а лишь порождает излишнюю бюрократию и волокиту.

В подтверждение своей позиции считаю необходимым сослаться на судебную практику Российской Федерации. Показательным является резонансное дело, рассматриваемое всеми судебными инстанциями Московской области и направленное Верховным Судом РФ на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. Так, 22 октября 2019 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрела дело по иску Захаркиной Н. Б. к Иванову В. Д. и Большаковой М. В. о признании права на 1/2 долю в праве собственности на жилой дом и земельный участок в силу приобретательной давности. Захаркина Н.Б. является правопреемником лиц, ранее являвшихся собственниками доли в спорном домовладении, а также в земельном участке, - Ефремовой З.И., Ефремова Н.С., Авдеевой ЮН., Избяковой А.А., которые ранее добросовестно, открыто и непрерывно владели всем имуществом как своим собственным ввиду отсутствия к этому имуществу интереса со стороны собственников второй 1/2 доли. Суды, не ставя под сомнение факт длительности, открытости и непрерывности владения ею спорным имуществом, и несения расходов по его содержанию, отказали в удовлетворении иска лишь на том основании, что имеются наследники бывшего титульного собственника 1/2 доли Курепина В.И., Большакова М.В. и Иванов В. Д., которые не совершали действий, направленных на отказ от собственности. Однако с момента смерти Курепина В.И. в 1992 году его наследники интереса к этому имуществу не проявляли, данное имущество бесхозным не признавалось. Верховный Суд указал, что суды не привели в доказательство никаких фактов, из которых можно было бы сделать вывод о недобросовестности Захаркиной Н. Б. и её правопреемников по отношению к спорному имуществу и отправил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции [5]. Следует заметить, что российский суд первой инстанции изначально не принял решения в пользу заявителя не потому, что гражданке принадлежала доля в спорном имуществе, а потому, что сложилась неоднозначная практика в признании владения добросовестным.

Как показатель деятельности органов судебной власти, судебная практика может быть трансформирована в правовые нормы. Следует согласиться с Постановлением № 2 в части основания отказа в удовлетворении требований об установлении факта приобретательной давности при наличии у заявителя правомочий владения жилым помещением по договору найма. Однако полагаю, что следует исключить из указанного постановления такое основание отказа, как владение долей в праве собственности на жилое помещение. Представляется, что существующий подход, заложенный в Постановлении № 2, создает риск ограничительного применения норм права о приобретательной давности и противоречит правовой конструкции правомочий долевого сособственника.

Таким образом, приобретательная давность, как институт гражданского права, является одним из средств реализации правосубъектности участников гражданских правоотношений и способствует активизации имущественного оборота. Кроме того, приобретательная давность защищает публично-правовые интересы государства. Уместным будет вспомнить Указы Президента Республики Беларусь от 4 сентября 2018 г. № 357 и от 24 марта 2021 г. № 116, которые направлены на упрощение процедуры и создание оптимальных условий для вовлечения в оборот

пустующих жилых домов, или находящихся в аварийном состоянии, а также занимаемых ими земельных участков.

Список использованной литературы

1. Статут ВКЛ 1588 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://starbel.by/statut/statut1588_3.htm. – Дата доступа: 20.03.2022.
2. Об утверждении Гражданского кодекса Белорусской ССР : Закон Белорус. ССР, 11 июня 1964 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/zak/year19xx/doc50177.htm>. – Дата доступа: 21.03.2022.
3. О собственности в РСФСР: Закон РСФСР от 24.12.1990 N 443-1 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37/2f7fb3e71c5aa6730a0c93c31971a9166294346c. – Дата доступа: 21.03.2022.
4. Архив Добрушского районного исполнительного комитета за 2021 г. – Дело № 4/81.
5. Верховный Суд Российской Федерации. Дело №4-КГ19-55, №2-598/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1829072 – Дата доступа: 04.04.2022.

УДК 346. 543

Д. А. Кудель

(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Гродно)

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Целью исследования является решение теоретических и практических проблем, возникающих в процессе реализации проектов государственно-частного партнерства в условиях чрезвычайных ситуаций, комплексный анализ неблагоприятных условий для реализации инвестиционных проектов, определение сущности и особенностей правовой конструкции «государственно-частное партнерство», выработка на этой основе научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию национального законодательства в исследуемой области.

Экономические проблемы, а именно проблемы обеспечения высоких темпов качественного и количественного экономического роста, повышения конкурентоспособности, диверсификации белорусской экономики и перевода ее на путь инновационного развития, и социальные проблемы, в частности проблемы качественного удовлетворения потребностей населения по стабильным ценам, требуют, прежде всего, обеспечения консолидации ресурсов государства и частного бизнеса посредством государственно-частного партнерства (далее – ГЧП).

Согласно Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» в целях дальнейшей либерализации белорусской экономики, повышения ее конкурентоспособности и создания благоприятных условий для динамичного и устойчивого развития необходимо сформировать правовую базу, стимулирующую развитие в Республике Беларусь механизмов государственно-частного партнерства (далее по тексту – ГПЧ) [1].

ГЧП представляет собой институциональный и организационный альянс государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности - от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны или отдельных территорий.

В литературе выделяются следующие базовые признаки ГЧП:

«...сторонами ГЧП являются государство и частный бизнес;
взаимодействие сторон в ГЧП закрепляется на официальной, юридической основе (соглашения, договоры, контракты и т. п.);

взаимодействие указанных сторон имеет действительно партнерский, равноправный характер (т. е. в обязательном порядке должен соблюдаться паритет, баланс обоюдных интересов);

ГЧП имеет четко выраженную публичную, общественную направленность (его главная цель – удовлетворение государственного интереса);

финансовые риски и затраты, а также достигнутые в ГЧП результаты распределяются между сторонами в пропорциях согласно взаимным договоренностям, зафиксированным в соответствующих соглашениях, договорах, контрактах и т. п.» [2].

Бурное развитие многообразных форм ГЧП во всех регионах мира, их широкое распространение в самых разных отраслях экономики позволяют трактовать эту форму взаимодействия государства и бизнеса как характерную черту современной смешанной экономики.

Тем не менее, экономические реалии обозначили ряд острых проблем в сфере реализации проектов ГЧП, которые особенно значимо проявились при возникновении чрезвычайных ситуаций (пандемия COVID 19, вооруженные конфликты и т.п.):

«...повышение капитальных затрат инвесторов и стоимости проекта в связи с ограничениями и запретами на ввоз отдельных групп товаров, разрывом логистических связей на срок до устранения последствий чрезвычайной ситуации;

неконтролируемые инфляционные процессы;

недополучение выручки на эксплуатационной стадии по причине снижения платежеспособного спроса;

инвестиционная пауза на инфраструктурном рынке;

срыв сроков по инвестиционным обязательствам;

замедление темпов роста экономики при сохранении общей неопределенности;

рост цен импортных товаров, задействованных в проекте и, соответственно, увеличение расходов на реализацию проекта;

отсутствие четкого понимания по бюджетному планированию, т.к. существенная часть средств задействована на поддержку социальной сферы и т.п.» [3, с. 117].

Все вышеуказанное несомненно негативно влияет на инвестиционный климат государства. Представляется, что наиболее перспективной формой ГЧП для решения задач профилактики и предотвращения неблагоприятных последствий чрезвычайных ситуаций являются концессионные соглашения (договоры).

Концессии являются одной из самых распространенных форм ГЧП при осуществлении крупных, капиталоемких проектов. Концессия — это система отношений между государством (концедентом) и частным юридическим или физическим лицом (концессионером), возникающая в результате предоставления концедентом концессионеру прав пользования государственной собственностью по договору, за плату и на возвратной основе, а также прав на осуществление видов деятельности, которые составляют исключительную монополию государства.

Закон Республики Беларусь от 15.07.2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» закрепляет перечень объектов, которые могут передаваться в пользование на концессионной основе [4].

Следует выделить ряд направлений по привлечению концессионеров при возникновении чрезвычайных ситуаций природного, социального, техногенного характера и в условиях проведения трансграничных противоэпидемических мероприятий:

проведение независимого мониторинга экологической ситуации в регионах (создание специализированных лабораторий);

создание за счет средств частных инвесторов специализированных медицинских учреждений, где заболевшим людям оказывается необходимая медицинская помощь, а тем, кто инфицирован, но болеет в легкой форме, в т.ч. бессимптомно, обеспечивается режим изоляции и наблюдение медицинского персонала;

формирование за счет ресурсов частных инвесторов фонда общественно-значимых зданий и помещений, к использованию которых государство могло бы оперативно обратиться в критической ситуации (то есть речь идет о выдаче разрешений на строительство и эксплуатацию объектов коммерческой недвижимости, имеющих инвестиционную привлекательность, в обмен на резервирование использования их возможностей в особых условиях обстановки, например при ухудшении эпидемиологической ситуации, а также в случае иных чрезвычайных обстоятельств);

участие частных инвесторов в противоэпидемических мероприятиях (мониторинг, производство необходимых медицинских препаратов, проведение вакцинации и лабораторной диагностики);

проведение мероприятий в сфере противопожарной безопасности (проектирование, монтаж, наладка, техническое обслуживание систем автоматической пожарной сигнализации, систем автоматического пожаротушения, систем противодымной защиты, систем оповещения о пожаре и управления эвакуацией) и т.д.

В белорусской практике используются практически все формы ГЧП, кроме концессий. В то же время концессии – это наиболее развитая, перспективная и комплексная форма партнерства. Как отмечает В. Г. Варнавский: «Во-первых, концессии, в отличие от контрактных, арендных и иных отношений, носят долгосрочный характер, что позволяет обеим сторонам осуществлять стратегическое планирование своей деятельности. Во-вторых, в концессиях частный сектор обладает наиболее полной свободой в принятии административно-хозяйственных и управленческих решений, что отличает их от совместных предприятий. В-третьих, у государства в рамках, как концессионного договора, так и законодательных норм остается достаточно рычагов воздействия на концессионера в случае нарушения им условий концессии, а также при возникновении необходимости защиты общественных интересов. В-четвертых, государство передает концессионеру только права владения и пользования объектом своей собственности, оставляя за собой право распоряжения ею» [5].

В настоящее время государственно-частное партнерство в Республике Беларусь выступает эффективным механизмом обновления инфраструктуры в условиях чрезвычайных ситуаций. Проблемы усиления тенденции к оптимизации различного рода партнерств между государством и частным бизнесом с целью поиска новых эффективных решений для актуальных социально-экономических проблем, напрямую связаны с объединением интересов государства, которое нацелено на реализацию общенациональных интересов, и частных инвесторов, заинтересованных в реализации стабильных и прибыльных инвестиционных проектов. Происходящее не противоречит тем задачам, которые ставит перед собой общество в части выполнения им основных социально значимых задач по борьбе с COVID-19 и иными неблагоприятными факторами. В условиях чрезвычайных ситуаций эффективное использование механизмов ГЧП могут способствовать выходу страны с наименьшими потерями из кризисного состояния.

Список использованной литературы

1. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь: Директива Президента Республики Беларусь, 31 декабря 2010 г. № 4 // Национальный центр правовой информации [Электронный ресурс]. – Минск, 2022. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 22.04.2022.

2. Шемирзова, А.Ш. Оценка эффективности государственно-частного партнерства и возможности его применения в посткризисной России / А.Ш. Шемирзова // Наука и экономика. – 2010. - № 1 (1). – С. 48 – 51.

3. Мартыненко, Н. Н. Усиление востребованности в государственно-частном партнёрстве в условиях пандемии / Н. Н. Мартыненко, Э. Р. Мурадханова // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 11. – С. 115–119.

4. Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства: Закон Республики Беларусь, 15 июля 2010 г. № 169-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 184. – 2/1721.

5. Варнавский, В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски / В.Г. Варнавский. - М.: Наука, 2005. – 315 с.

УДК 347.78.03

Ю. М. Лев

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПАРАДИГМЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

В статье рассмотрены основные характеристики облачных технологий, имеющие значения для правовой квалификации отношений в данной области. Проанализирована зарубежная практика и применимость отечественного законодательства об авторском праве и смежных правах к регулированию договорных отношений в сфере использования облачных технологий. Сделан вывод о невозможности использования конструкции лицензионного договора в отношении договоров в сфере использования облачных технологий.

Совершенствование информационно-коммуникационных технологий предопределило их активное использование как в частном, так и в публичном секторе. Вместе с тем стремительная цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества зачастую оставляет «позади» их правовое регулирование. Не всегда традиционные подходы законодателя в той или иной сфере (в том числе, гражданско-правовой) являются адекватным ответом на возникающие в современном обществе проблемы (коллизии или пробелы) регулирования отношений в цифровой среде.

Облачные технологии выделяются из всего перечня существующих ныне информационных технологий благодаря наличию особых функциональных свойств. Более пятидесяти лет назад Джон Маккарти, лауреат премии Тьюринга 1971 года за свою работу в области искусственного интеллекта, пророчески заявил: «Если компьютеры того типа, который я изучал, станут компьютерами будущего, может быть когда-нибудь будет организован компьютерный сервис наподобие телефонной службы... Компьютерный сервис может стать основой новой и важной отрасли» [1]. Это предсказание стало технологической и социальной реальностью. Облачные технологии стали прорывной вычислительной парадигмой и используются во всевозможных бизнес-моделях, а также в государственном секторе (например, в аналитике данных, в области финансов, разработке приложений и игр, развитии социальных сетей и прочее).

В научной литературе их сравнивают с оказанием жилищно-коммунальных услуг, таких как электр-, водо- и газоснабжение, поскольку доступны каждому, кто имеет доступ к сети Интернет [2, с. 13]. Проще говоря, облачные технологии представляют собой **модель доступа к вычислительным ресурсам** поставщика облачных услуг, который обладает всем необходимым аппаратным и программным обеспечением, расположенным на удаленном центре обработки данных. Пользователи облачных услуг, в свою очередь, платят за конкретные объемы потребляемых услуг облачных вычислений, облачного хранения и связи. В этой связи актуальность приобретают проблемы обеспечения информационной безопасности (т.н. «облачная уязвимость»), защиты интересов сторон этих отношений, что, в первую очередь, связано с определением их правовой природы.

Возвращаясь к характеристикам облачных технологий, имеющих важное значение для надлежащей правовой квалификации отношений в этой области, отметим следующие из них.

1. **Самообслуживание по требованию.** Предоставление облачных технологий осуществляется непосредственно по заявке пользователя без участия иных посредников. От поставщика облачных услуг требуется лишь обеспечить пользователю возможность использования облачных технологий в любой момент по его усмотрению. Очевидно, что необходимость оперативного регулирования отношений предопределила практику заключения публичных («необсуждаемых») договоров с пользователями облачных сервисов [3, с. 77].

2. **Универсальный (виртуализированный) сетевой доступ.** Данная характеристика означает возможность пользователей облачных услуг получать доступ к ресурсам облачных технологий с любого технологического устройства, имеющего доступ к сети Интернет. Отсюда вытекает и свойство **трансграничности облачных услуг**, т.е. возможности использования услуг облачных технологий поставщиков, имеющих различное географическое местоположение. Здесь следует обратить внимание на то, что в соответствии с пунктом 2 Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» установлена **концепция «суверенитета данных»** (обязанность поставщиков оказывать услуги на территории Республики Беларусь с использованием облачных технологий только при наличии информационных сетей (систем и ресурсов) национального сегмента сети Интернет).

3. **Объединение ресурсов поставщика облачных услуг.** Наличие центров обработки данных позволяет поставщикам аккумулировать все находящиеся в его распоряжении ресурсы (аппаратного и программного характера), и их предоставление неограниченному количеству пользователей с обеспечением необходимого уровня защиты информации каждого из таких пользователей.

4. **Быстрая эластичность.** «Эластичность вычислений» описывает возможность облачных технологий подстраиваться под нужды пользователя, под необходимые ему объемы ресурсов в автоматическом режиме без дополнительных издержек, связанных с взаимодействием с поставщиком облачных услуг.

5. **Учет потребления.** Пользователь облачных сервисов платит только за потребленные ресурсы (объемы хранилища, пропускную способность, количество транзакций и пр.) [2, с. 44].

Кроме того, важное значение имеют и **модели использования облачных технологий**. В настоящее время таких моделей достаточно много, они совершенствуются и комбинируются с сопутствующими услугами, но вместе с тем среди основных могут быть выделены следующие:

1) **инфраструктура как услуга** («IaaS»): предоставление базовой инфраструктуры, на которой пользователи управляют своими компьютерными

программами и (или) и частью базового «технического стека» (вспомогательного программного обеспечения);

2) **платформа как услуга** («PaaS»): предоставление платформы для разработки и развертывания компьютерных программ и баз данных;

3) **программное обеспечение как услуга** («SaaS»): предоставление компьютерных программ пользователям.

Анализ условий использования указанных моделей на практике позволяет вычленить **дополнительные особенности** использования программного обеспечения при получении облачных услуг:

1. Пользователь облачных услуг не имеет возможности получить экземпляр используемой компьютерной программы, поскольку исходный код находится исключительно на сервере поставщика. Данная особенность облачных технологий вызвала широкую критику у сторонников открытого программного обеспечения (в юридической науке и практике известны как открытые лицензии (например, GPL) (статья 45 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве)), поскольку пользователь **не имеет копии** исполняемого файла и не может использовать его в дальнейшем.

2. Пользователю не нужно обновлять программное обеспечение.

3. Данные пользователя обрабатываются удаленно и хранятся на серверах поставщика облачных услуг.

Таким образом, центральным элементом отношений между пользователем и поставщиком облачных услуг является **использование компьютерных программ** и аппаратных ресурсов поставщика. В качестве основания для квалификации договоров в этой сфере как **лицензионного договора** указывается на то, что в рамках таких договоров присутствует компьютерная программа, подпадающая под защиту законодательства об авторском праве и смежных правах. Следовательно, любые отношения в данной сфере должны быть оформлены соответствующими договорными конструкциями. Среди вариантов оформления отмечается использование таких договорных конструкций как лицензионный договор и договор уступки исключительного права [4, с. 36].

Дополнительным аргументом сторонников лицензионной природы договора является открытый перечень возможностей «использования» («в любой форме и любым способом» согласно пункту 2 статьи 16 Закона об авторском праве) компьютерных программ пользователями облачных услуг.

При этом то обстоятельство, что пользователь **не имеет доступа** к самой компьютерной программе (ее исходному коду) и не имеет возможности использовать ее **вне облачной инфраструктуры**, не принимается во внимание, поскольку, как полагают исследователи, его предмет касается лишь *предоставления нематериального права* на использование компьютерной программы в установленных пределах [5, с. 565]. Таким образом, сторонники такого подхода утверждают, что место установки компьютерных программ (локально или на сервере поставщика облачных услуг) не влияет на «ценность» и качество получаемых пользователями результатов от использования компьютерной программы. Фактическое размещение («способ доставки» компьютерной программы), по их мнению, является техническим вопросом и не изменяет правовую квалификацию отношений.

Распространенность подобной квалификации в Российской Федерации обусловлена наличием налоговой льготы: в соответствии со статьей 149 Налогового кодекса Российской Федерации не подлежит налогообложению **передача исключительных прав** на программы для ЭВМ и базы данных, включенные в единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных.

Конструкция лицензионного договора получила поддержку и в США, где поставщики облачных услуг, располагающиеся в штатах с упрощенным в отношении

лицензионных договоров налогообложением, избирают данную правовую модель. Однако выбор лицензионного договора зачастую обуславливается не только налоговыми льготами. Так, к примеру, в соответствии с разделом (п) статьи 365 Банкротного кодекса США лицензиат сохраняет за собой право на использование интеллектуальной собственности (в нашем случае компьютерной программы) в случае банкротства поставщика облачных услуг.

Вместе с тем подобная трактовка, на наш взгляд, полна изъянов и приводит к невозможности ее практической реализации. Во-первых, следуя логике о независимости места распространения компьютерной программы от сущности возникаемых правоотношений, можно сделать вывод о том, что подобная практика потребует от казуальных пользователей сети Интернет заключать лицензионный договор при посещении любых веб-сайтов, в составе которых есть компьютерная программа. Согласимся с позицией А.О. Васильева о том, что в такой ситуации «не происходит воспроизведения произведения, копия произведения не сохраняется в памяти ЭВМ, а пользователь заинтересован не столько в самом произведении (программе), сколько в возможностях такой программы решить определенную функциональную задачу» [6, с. 71].

Во-вторых, компьютерная программа, которая доступна пользователю облачных услуг, не подпадает в полной мере под регулирование авторского права. Так, имущественные права на объект авторского права (экземпляр компьютерной программы), перечисленные в пункте 2 статьи 16 Закона об авторском праве (воспроизведение, распространение экземпляров, прокат экземпляров, публичный показ экземпляров и прочее), сохраняются в полной мере за поставщиком, поскольку последний оставляет за собой полный контроль за использованием компьютерной программы. Требование о соблюдении территориальных ограничений при использовании компьютерной программы, предоставленной посредством облачных технологий (пункт 5 статьи 44 Закона об авторском праве), не соотносится с концепцией работы облачных сервисов и их трансграничным характером. Аналогичная ситуация складывается и с трехлетним сроком действия лицензионного договора в случае его отсутствия (статья 44 Закона об авторском праве): данная норма не отвечает характеристике облачных сервисов «оплата по мере потребления» («pay as you go»).

Таким образом, правовая природа отношений, возникающих в сфере использования облачных технологий продолжает оставаться предметом серьезных дискуссий. Конструкция лицензионного договора остается востребованной у субъектов хозяйствования, поскольку она отвечает их экономическим интересам. Вместе с тем полагаем оправданным не относить «использование» компьютерной программы к сфере регулирования авторского права в связи с неприменимостью его норм к возникаемым отношениям.

Следует учесть, что вне зависимости от оформления (названия, включения отдельных «специфичных» данному виду договора условий и прочее) отношений между сторонами в сфере использования облачных технологий органы государственной власти (налоговые, судебные и иные) будут оценивать **сущность возникающих правоотношений** и применять к ним соответствующие нормы отраслевого законодательства. Более того, верная квалификация таких отношений позволит надлежащим образом защитить интересы как поставщика облачных услуг, так и их пользователя. Полагаем, что правовой вакуум по данному вопросу могла бы заполнить разработка типовых облачных соглашений, условия которых позволяли бы однозначно решить вопрос об использовании облачных технологий в частноправовой сфере.

Список использованной литературы

1. The Cloud Imperative [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.technologyreview.com/2011/10/03/190237/the-cloud-imperative>. – Date of access : 27.04.2022.

2. Millard, C. Cloud Computing Law / C. Millard. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2021. – 689 p.

3. Кучина, Я. О. Правовое регулирование облачных технологий (вычислений) / Я. О. Кучина. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 166 с.

4. Ситдииков, Р. Правовая природа предоставления программного обеспечения по SaaS: лицензия или услуга? / Р. Ситдииков // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2013. – № 12. – С. 35–41.

5. Savelyev, A. Software-as-a-service – Legal nature: Shifting the existing paradigm of copyright law / A. Savelyev // Computer Law & Security Review. – 2014. – Vol. 30 (5). – P. 560–568.

6. Васильев, А. О. Налоговый фокус «облачных» сервисов / А. О. Васильев // «Налоги». – 2018. – № 4. – С. 68–74.

УДК 347.451.41

Д. А. Малина

(Санкт-Петербургский городской суд, Санкт-Петербург)

ФОРМА ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Анализируется доктринальное видение проблем правового регулирования требований к форме договора продажи жилого помещения. Исследуются рекомендуемые формы договора на предмет защиты сторон сделки от оспаривания. Автор приходит к выводу о целесообразности требования лишь простой письменной формы сделки, за исключением случаев необходимости соблюдения баланса интересов неравнозначных по юридической грамотности сторон, когда подключаются публичные ресурсы засвидетельствования законности сделки.

Договор купли-продажи жилого помещения является документом, т.е. материальным носителем с зафиксированной в любой форме информацией, имеющим реквизиты, позволяющие его идентифицировать [1]. Форма договора будет являться актом волеизъявления сторон, выраженным в объективном (материальном) виде, предварительным этапом к которому могут являться, к примеру, переговоры, торги, дистанционная переписка.

Переговоры являются наиболее распространённой стадией заключения частно-правовой сделки, которая в случае их недобросовестного ведения влечёт неблагоприятные правовые последствия для сторон. От переговоров зависит определение намерений сторон, степени их внимательности и осмотрительности, условий договора, степени ответственности сторон. Они коррелируют с институтом заверения об обстоятельствах. Так, при предоставлении недостоверной информации сторона, которая рассчитывала на те или иные факторы, влияющие на заключение договора, имеет право на возмещение убытков. Заверение об обстоятельствах в доктрине предлагается внести как способ обеспечения обязательства, в т.ч. на стадии заключения предварительного договора [6, С. 94].

В положения законодательства о предварительном договоре необходимо внести изменения в части требования о получении сопутствующих заключению договора документов, влияющих на действительность договора, в частности, согласия на заключение сделки в тех случаях, когда оно требуется по закону. ***Существующее правовое регулирование заключения предварительного договора делает покупателя***

слабой стороной сделки, поскольку отсутствует реальная гарантия заключения договора, что противоречит сущности предварительного договора.

Позволим себе не согласиться с мнением С.Б. Серенко о том, что письменная форма договора купли-продажи недвижимости не предполагает возможность его заключения в электронном виде [9]. Общие нормы Гражданского кодекса РФ о простой письменной форме предполагают возможность заключения договора в электронном виде. Однако в статье 550 ГК РФ не делается оговорка о составлении документа «в том числе в электронном виде», какая сделана в ст. 434, что не исключает возможность заключения договора составлением одного электронного документа, поскольку обратное также не оговорено в законе. Исходя из метода диспозитивности гражданского регулирования, ***отсутствие прямого запрета закона на составление договора одним электронным документом следует толковать как разрешение заключения договора таким способом.***

У В. Гавриленко и Л.Г. Ефимовой разные точки зрения относительно природы электронной формы договора. Первый автор считает, что электронный способ заключения договора является нововведением простой письменной формы и в чём-то облегчает его составление [3]. Второй автор считает, что электронная форма договора не является разновидностью письменной, помимо сходств этих форм, есть отличия, например, в языке изложения информации (человеческий и компьютерный), обязательности наличия подписи в письменной форме и необязательности подписи в электронной [4, С. 129].

Полагаем, что ***электронную форму договора следует считать не разновидностью письменной формы, а формой, приравненной по своим правовым последствиям к письменной***, поскольку способ заключения такого договора должен позволять воспроизвести, как бы скопировать информацию на бумажный, т.е. любой альтернативный электронному носитель. А для такого воспроизведения как раз необходимы такие признаки, как: человеческий язык, реквизиты, удостоверяющие личность субъектов договора, понятное волеизъявление сторон.

К.А. Жуков предлагает дополнить ст. 158 ГК РФ пунктом, в котором следует указать классификацию сделок в электронной форме (с использованием электронных документов, с использованием электронных сообщений, продажа товаров дистанционным способом, сделки в отношении цифровых активов) [5, С. 64]. Однако действующие нормы гражданского законодательства определяют электронные документы лишь как приравненные к простой письменной форме договора.

Тем не менее, сам по себе электронный способ заключения договора мог бы стать надёжной альтернативой заключению договора в письменной форме без привлечения уполномоченных органов, должностных лиц в удостоверении личности сторон договора. На сегодняшний день Единый портал государственных и муниципальных услуг является единственной электронной площадкой по взаимодействию граждан и государственных органов, позволяющей реализовывать права и обязанности. Такое взаимодействие возможно лишь в силу того, что у граждан подтверждённая учётная запись, т.е. личность пользователя портала была удостоверена. ***Такого рода электронная площадка при соответствующем правовом регулировании может стать способом взаимодействия субъектов права при заключении частно-правовой сделки.*** Сведения о недееспособности гражданина, лишении и ограничении родительских прав, о смерти гражданина могут вноситься в электронный личный кабинет подтверждённой учётной записи гражданина. Коммерческие электронные платформы не должны использоваться, поскольку коммерческие организации, отвечающие за сведения на сайте, не могут нести ответственность за удостоверение личности гражданина.

Существующее в России правовое регулирование заключения сделок в электронной форме схоже со словацким законодательством, которое также считает

письменную сделку заключённой с использованием электронных и иных технических средств, если она подписана гарантированной электронной подписью или гарантированной электронной печатью. Чешский законодатель, в отличие от словацкого, менее подробно регламентирует способ подписания электронной сделки, обращая в большей степени внимание на возможность фиксации содержания договора и идентификацию участников договора. Здесь как раз предоставляется возможность заключения договора в электронной форме на основе аккредитованной МВД площадке, защищённой от изменений квалифицированным программным обеспечением [8, С. 82].

Р.С. Бевзенко называет основные функции государственной регистрации договора: разъяснение правовых последствий договора, своего рода, правовая экспертиза, и удостоверение факта заключения сделки для информирования третьих лиц. Отмечается, что российская система вобрала в себя обе функции [2, С. 144].

Суть государственной регистрации права или договора сводится к взаимодействию с органами государственной власти на предмет получения информации об объекте недвижимости, полномочий сторон договора регистрировать право или договор, удостоверения подлинности документов и достоверности сведений, к проверке договора на определение существенных условий, воли сторон. В конечном итоге, осуществляется полномасштабная работа с документацией. Однако с 01.03.2013 года такая экспертиза договора осуществляется только в отношении конкретного вида договора купли-продажи жилого помещения – договора участия в долевом строительстве.

Преимуществом государственной регистрации договора перед простой письменной формой служит именно информированность регистратора об объекте недвижимости, проверка подлинности документа, проверка договора на отсутствие условий, служивших основанием для признания его ничтожности. Отмена требования о государственной регистрации договора купли-продажи жилого помещения повлекло отмену двойной правовой экспертизы, поскольку такая же экспертиза должна проводиться при регистрации права собственности, что с точки зрения публичного правопорядка считаем достаточным. *Государство ввиду принципа невмешательства в частные дела не отслеживает содержание договора с точки зрения правовых нюансов. А договор участия в долевом строительстве является исключением* ввиду особого субъекта договора – застройщика, коим может являться лицо, уполномоченное государственным органом, и государство несёт ответственность перед обществом за достоверность договора и минимизацию возможности его оспорить.

Основным достоинством выделяют правовое последствие нотариального удостоверения сделки в виде официальной (публичной) гарантии её юридической действительности [7, С. 1494]. Статистика оспаривания нотариальных и простых письменных сделок, посредничество в собирании и направлении документов, независимость и незаинтересованность нотариуса, низкие или высокие материальные затраты, компенсация вреда и даже публичный характер деятельности нотариуса не являются факторами, отличающими нотариально удостоверенную сделку от иных форм.

Правовая сущность нотариального удостоверения сделки заключается в публичном засвидетельствовании отсутствия пороков субъектного состава, воли и волеизъявления, содержания и формы сделки. Нотариальное удостоверение сделки способствует лишь снижению рисков по оспариванию сделки, но не имеет абсолютного доказательственного значения в пользу невозможности её оспорить.

Законодательство, регулирующее куплю-продажу жилых помещений, требует нотариального удостоверения сделки в случае продажи жилья несовершеннолетнего гражданина или подопечного и продажи долей в праве общей собственности на недвижимость, за некоторым исключением.

Таким образом, следует отметить в определении законодателем по общему правилу лишь простой письменной формы договора продажи жилья презумпцию добросовестности, осознанности действий сторон, достоверности сведений в реестре недвижимости, которая не накладывает на стороны дополнительные бюрократические процедуры, материальные затраты. Регистрация права собственности осуществляется через определённую правовую экспертизу оснований для такой регистрации. Дополнительные формы удостоверения сделки только минимизируют возможность её оспаривания, но полностью её не исключают ввиду исключительно судебной процедуры оспаривания сделки. Эти формы предусмотрены в обязательном порядке только в некоторых случаях для обеспечения баланса интересов сторон, где одна из них явно слабее. Путь к минимизации оспаривания таких важных с точки зрения социальной политики сделок лежит только через повышение правовой культуры населения, осознания им важности исключения злоупотребления правами в сделке.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации «Об обязательном экземпляре документов» от 29.12.1994 № 77-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 1. – Ст. 1 (ред. 25.02.2022).
2. Бевзенко Р.С. Введение в российское право недвижимости. Выпуск 3: Государственная регистрация / Р.С. Бевзенко. – М.: Статут, 2021. – 218 с.
3. Гавриленко В. Электронная форма сделок и «смарт-контракты»: что это такое и как может повлиять на привычное правоприменение? // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ (www.garant.ru), 16 октября 2019 года.
4. Ефимова Л.Г. Ещё раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки. Журнал «Lex Russica», 2019. - №. – С. 129-137.
5. Жуков К.А. Проблемы правового регулирования гражданско-правовых сделок, заключённых в электронной форме. Синергия наук, 2021. - № 55. – С. 47-66.
6. Нефагина Е.В. К вопросу о возможности внедрения института заверения об обстоятельствах в конструкцию договора купли-продажи недвижимости. Научный журнал «Эпомен», 2018. - № 19. – С. 92-95.
7. Русакевич И.А. Необходимость нотариальной формы договора купли-продажи жилого помещения в современных социально-экономических условиях. Журнал «Инновации. Наука. Образование», 2021. - № 34. – С. 1492-1496.
8. Сакович О.М. Законодательное регулирование электронных сделок в Чехии и Словакии. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2019. - № 5. – С. 79-91.
9. Серенко С.Б. Соблюдение требования к форме договора купли-продажи недвижимости, заключаемого по итогам электронных торгов. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции «Правовое регулирование договорных отношений в России: актуальные проблемы и перспективы развития». Издательство : Центр научно-производственных технологий «Астерион» (Санкт-Петербург), 2021. – С. 30-34.

УДК 347.191

Д. И. Михайлов

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

**ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ СУБЪЕКТОВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА ИЗМЕНЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В настоящей статье анализируются новеллы гражданского законодательства, которые могут оказать существенное влияние на повышение уровня соответствия договорных обязательственных отношений с участием субъектов предпринимательства ряду принципов гражданского права, но в тоже время могут существенно усложнить защиту имущественных интересов таких субъектов в отдельных ситуациях.

Законопроектом «Об изменении кодексов» (далее Законопроект) предусматривается ряд положений, которые существенно изменят гражданско-правовое регулирование договорных отношений с участием субъектов предпринимательской деятельности. Данными изменениями предусматриваются ограничения следующих прав: на оспаривание факта заключения договоров, на иск о признании недействительным оспоримого договора, на иск об установлении факта ничтожности договора, не соответствующего действующему законодательству и особенности заключения договоров, оговоренных соглашениями о предоставлении опционов.

Нашедшие отражение в Законопроекте новеллы, несмотря на их институционально-правовые различия, направлены на повышение степени соответствия договорных обязательственных правоотношений, закрепленным в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее ГК) принципам недопустимости необоснованного вмешательства в частные дела, свободы договора и вытекающего из ст. 290 и 291 ГК принципам надлежащего и реального исполнения обязательств. При этом в содержании предлагаемых к законодательному закреплению новелл, повышение уровня соответствия указанным принципам договорных отношений с участием субъектов предпринимательства достигнута в результате принятия за их основу заведомо более высокого уровня заботливости и осмотрительности таких субъектов в сравнении с иными участниками гражданских правоотношений. Однако далеко не всегда максимальный с точки зрения возможностей субъектов предпринимательской деятельности уровень заботливости и осмотрительности позволяет избежать им совершения ошибок при заключении договоров, в том числе при согласовании их условий.

Целью данной работы является анализ новелл гражданского законодательства с точки зрения обеспечения приемлемого уровня защиты прав и имущественных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Закрепленная в законопроекте ст. 399.1 ГК, регламентирующая соглашение о предоставлении опциона, недостаточно точно отражает степень конкретизации условия о предмете договора, право на заключение которого является предметом соглашения о предоставлении опциона. Исходя из буквального толкования данного правила, представляется, что речь должна идти не о закреплении (согласовании) в данном соглашении предмета и иных существенных условий, аналогично существенным условиям основного договора в предварительном договоре, предусмотренном ст. 399 ГК, а об условиях соглашения о предоставлении договора, указывающих на индивидуализирующие признаки предмета и иных условий договора, право на заключение которого является предметом опциона. Однако при этом возникает проблема определения степени достаточности конкретизации предмета и иных существенных условий договора, право на заключение которого является предметом соглашения о предоставлении опциона. Недостаточная определенность степени конкретизации порождает риск признания соглашения о предоставлении опциона незаключенным, что может повлечь для стороны, оплатившей приобретение права на заключение договора, некомпенсируемые имущественные потери. Так, возможность идентификации предмета договора не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о необходимости идентификации вида имущества, его количества, основных и дополнительных характеристик и пр.

В связи с этим следует рассмотреть возможность внесения закрепленную в законопроекте ст. 399.1 ГК уточнений и дополнений, позволяющих единообразно уяснить степень достаточности условий соглашения о предоставлении опциона об идентификации предмета основного и иных существенных условий договора, право на заключение которого является предметом указанного соглашения.

В законопроекте закреплена ст. 401.1 ГК, предусматривающая ограничение права на заявление в суд стороной недействительного договора, принявшей его исполнение и в меньшей степени исполнившей его, требований об установлении факта ничтожности, а также об оспаривании и о применении последствий недействительности договора в сфере предпринимательства.

При этом указанная норма существенно усложняет защиту интересов следующих категорий субъектов гражданских правоотношений:

а) добросовестных приобретателей чужого индивидуально-определенного имущества, не в полном объеме оплативших его в пользу предшествующих незаконных приобретателей в цепочке недействительных договоров. Такие приобретатели, которые не знали и не должны были знать о том, что первая и каждая последующая сделка, совершенная собственником и последующим незаконным приобретателем, являлись недействительными. Запрет, предусмотренный ст. 401.1 ГК, исключает возможность последующего незаконного добросовестного приобретателя взыскать с предшествующего незаконного приобретателя в порядке реституции уплаченную часть стоимости виндигированного собственником индивидуально-определенного имущества. При этом взыскание уплаченной части стоимости как суммы неосновательного обогащения становится в зависимость от толкования ряда норм;

б) несостоятельных должников, чьи руководители после открытия конкурсного производства заключили ничтожные договоры, не исполненные в полном объеме, прежде всего из-за неплатежеспособности таких субъектов, которые не всегда могут повлиять на встречное исполнение, в частности при исполнении новыми должниками соглашений о возмездном переводе долга;

в) хозяйственных обществ и иных юридических лиц, чьи исполнительные органы не получили одобрения на заключение договоров от высших или наблюдательных органов в нарушение правил ст. 57 и 58 Закона от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах» или уставов, а также участников и акционеров таких организаций. Принятие исполнения по таким договорам может быть обусловлено недобросовестным поведением их руководителей, обусловившим отсутствие получения одобрения таких сделок от указанных органов управления.

В связи с изложенными и иными причинами, следует рассмотреть вопрос о возможности дополнения ст. 401.1 ГК, предусмотренной законопроектом положением об исключении действия запрета на заявление требований, связанных с недействительностью договоров, несмотря на принятие их исполнения, с учетом соотношения имущественных интересов сторон и доступности иных способов защиты нарушенных имущественных интересов принявшей исполнения стороны.

В статье 402 ГК законопроектом предполагается закрепить пункт 3, согласно которому предусматривается ограничение права на заявление в суд стороной договора, принявшей его исполнение и в меньшей степени исполнившей его, требования о признании данного договора незаключенным в связи с несогласованием (ненадлежащим согласованием) его существенных условий, если заявление данного требования противоречит принципам добросовестности и разумности.

Определение соответствия факта предъявления иска о признании договора незаключенным принявшей исполнение стороной принципам добросовестности и разумности может быть реализовано только посредством сопоставления ряда факторов, которые могут значительно противоречить друг другу. К таким факторам относятся: а) вид договорного обязательства; б) сущность согласованных условий; в) степень

несогласованности спорного существенного условия; г) соотношение имущественных потерь заявителя требования о признании договора незаключенным и его контрагента в результате прекращения и сохранения договорных отношений; д) возможность согласования спорного существенного условия в усеченной или компромиссной (медиативной) редакции; е) изначальная направленность воли и волеизъявления сторон на согласование спорного существенного условия в той редакции, которая может быть определена, исходя из фактического исполнения. В зависимости от обстоятельств согласования спорного существенного условия, предоставления и принятия исполнения, одни из названных факторов могут подтверждать добросовестность и разумность предъявления иска о признании договора незаключенным, а другие – противоречить добросовестности и разумности заявления такого требования.

В случае прямого документального подтверждения исполнения договорных обязательств (например, актом приемки этапа работ) проблема применения данного правила не стоит, так как при наличии подобных первичных учетных документов существенные условия ряда распространенных договоров (поставки, строительного подряда и т.п.) следует считать согласованными, а иски о признании соответствующих договоров незаключенными – соответственно безосновательными, не подлежащими удовлетворению. Однако при отсутствии недостоверности (недействительности) или при неполноте соответствующих первичных учетных документов, являющихся письменными доказательствами однозначного согласования существенных условий, иск о признании договора незаключенным имеет судебные перспективы. При этом как принятие исполнения, так и последующее оспаривание факта заключения договора может быть обусловлено отсутствием возможности для защиты имущественных интересов заявителя, что может быть признано добросовестным применительно к заявлению иска о признании договора незаключенным, но вместе с тем не в полной мере добросовестным, с точки зрения степени заботливости и осмотрительности при заключении договора. Степень заботливости и осмотрительности принявшей исполнение стороны при заключении договора во многом определяется степенью добросовестности контрагента при согласовании спорного существенного условия. Изложенное позволяет заключить, что предлагаемая к закреплению редакция п. 3 ст. 402 ГК ставит результаты рассмотрения исковых требований о признании договора незаключенным по инициативе стороны, принявшей его исполнение при осуществлении предпринимательской деятельности, в исключительную, чрезмерную зависимость от направления (направлений) правоприменительной практики.

В связи с изложенными и иными доводами, следует проанализировать целесообразность дополнения правила п.3 ст. 402 ГК Законопроекта положениями, уточняющими и конкретизирующими соответствие исковых требований о признании договора незаключенным принципам добросовестности и разумности, с учетом степени ущемления интересов заявителя и его контрагента в результате сохранения и прекращения их договорных отношений.

В соответствии с предусмотренными законопроектом изменениями в ст. 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее ГК), в отличие от действующей редакции данной статьи, исходя из несоразмерности размера неустойки и имущественных последствий нарушения (убытков) и с учетом имущественного положения должника, суд правомочен уменьшить размер неустойки не по собственной инициативе, а исключительно на основании соответствующего ходатайства должника, если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

Предлагаемое правило разработано исходя из предположения о недопустимости ограничения принципа невмешательства в частные дела, закрепленного в ст. 2 ГК. В соответствии с данным принципом реализация любого частного-правового способа защиты имущественных интересов субъектов гражданских правоотношений может осуществляться исключительно по инициативе этого субъекта, а не суда,

рассматривающего спор с его участием. При этом распространенный аргумент против такого подхода, а именно недостаточная юридическая грамотность органов управления и персонала многих субъектов хозяйствования, был оставлен без внимания из-за преобладания субъективной составляющей.

Однако, на наш взгляд, были оставлены без должного внимания другие значимые доводы в пользу обоснованности сохранения за судом права на снижение размера неустойки по его собственной инициативе в отсутствие ходатайства должника-субъекта хозяйствования, с учетом его неблагоприятного имущественного положения и в силу несоразмерности неустойки с предполагаемым размером убытков, возникших у кредитора.

Таким образом, в пользу сохранения за судом права уменьшения неустойки, взыскиваемой с должников-субъектов хозяйствования, могут быть выдвинуты следующие значимые доводы:

1. Экономическая и (или) обязательственно-правовая зависимость должника от кредитора, существенно ограничивающая или устраняющая мотивацию должника на заявление ходатайства о снижении размера неустойки в связи с исключительно неблагоприятным имущественным положением и явной несоразмерностью неустойки и убытков. Экономическая зависимость может быть обусловлена, в частности, отсутствием у должника финансовых и организационных возможностей для приобретения продукции у другого субъекта, за исключением кредитора, а равно отсутствием возможностей получения займов и кредитов у других субъектов, за исключением соответствующего кредитора. Обязательственно-правовая зависимость может выражаться, в частности в возникновении у кредитора права требовать расторжения (или отказа) значимого для должника договора.

2. Административно-правовая зависимость, в силу которой организация-должник является государственным предприятием или учреждением, находящимся в подчинении нижестоящего государственного органа по отношению к госоргану, в подчинении которого находится кредитор, являющийся государственным предприятием или учреждением.

3. Корпоративно-правовая зависимость, в силу которой должник и кредитор имеют общих участников, или организация-должник находится под контролем организации-кредитора.

4. Возникновение угрозы экономической несостоятельности в результате взыскания неустойки, несоразмерной сумме убытков, которая может привести к значительному ущемлению интересов других кредиторов, что повлечет за собой нарушение принципа приоритета общественных интересов при реализации гражданских прав.

В связи с изложенным, следует рассмотреть вопрос о сохранении правомочия суда на снижение размера договорной неустойки с учетом ее явной несоразмерности последствиям нарушения условий договорного обязательства и с учетом имущественного положения должника-субъекта предпринимательства независимо от заявления им соответствующего ходатайства.

Подводя итог, следует заключить, что нашедшие отражение в проекте изменений гражданского законодательства новеллы позволяют повысить стабильность договорных обязательственных правоотношений с участием субъектов предпринимательства, однако в тоже время они требуют совершенствования для обеспечения разумной достаточности уровня защиты имущественных интересов данных субъектов в отдельных ситуациях.

УДК 346+347.7(470+571) (075.8)

И. С. Мухамедшин

(Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ (ХОЗЯЙСТВЕННОЕ) ПРАВО (ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Анализируется содержание понятия «предпринимательская деятельность» в гражданском законодательстве Российской Федерации, отмечаются его недостатки. Обращается внимание на разницу в круге отношений, регулируемых «чисто предпринимательским» правом, и хозяйственным правом, регламентирующим отношения организационного характера и государственного регулирования предпринимательства. В условиях экономических санкций и актуальности импортозамещения безусловно возрастает роль государственного регулирования предпринимательства, что усиливает в нем значимость «хозяйственного» начала.

В условиях рыночной экономики предпринимательство является наиболее распространенным видом хозяйственной деятельности. Определение предпринимательской деятельности содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Согласно п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Анализ вышеприведенного определения предпринимательской деятельности (предпринимательства) позволяет выявить следующие ее признаки:

1. Самостоятельность;
2. Рисковый характер деятельности;
3. Направленность на **систематическое** получение прибыли (выделено мной – И.М.);
4. Исчерпывающий (закрытый) перечень из четырех видов предпринимательской деятельности: а) пользование имуществом; б) продажа товаров; в) выполнение работ; г) оказание услуг.

Выделяются имущественная и организационная самостоятельность предпринимательской деятельности. Очевидно, что наибольшей имущественной самостоятельностью обладает собственник имущества, являющегося экономической базой деятельности предпринимателя. Предприятия, наделенные правом хозяйственного ведения, имеют меньшую, чем собственник, имущественную самостоятельность. Наименьшая имущественная самостоятельность у предприятий, которым имущество принадлежит на праве оперативного управления.

Организационная самостоятельность предпринимателя характеризуется возможностью принятия им самостоятельных решений в осуществлении своей деятельности.

Важной характеристикой предпринимательской деятельности является ее осуществление на риск предпринимателя, который принимает на себя все невыгодные последствия от возможного негативного результата своих действий либо событий, приводящего к возникновению убытка и возможности банкротства. Следует отметить, что одним из наиболее рискованных видов деятельности является создание новаций и выход предпринимателя на рынок с инновационным продуктом.

Направленность на получение прибыли – основная цель деятельности предпринимателя. Разграничение юридических лиц на коммерческие и некоммерческие имеет в своей основе именно цель получения прибыли. В соответствии со ст. 50 ГК РФ коммерческими являются организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, в то время как некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность и извлечение прибыли для которых не является основной целью их функционирования.

Законодатель не приводит критерии систематичности в получении прибыли. Согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова, систематический – постоянно повторяющийся, не прекращающийся (систематические занятия, систематически

опаздывает на работу) [2]. В доктрине отмечается, что не разовые действия, сделки в данной сфере должны квалифицироваться как предпринимательские, а только носящие постоянный, устойчивый характер.

Наконец, законодатель приводит исчерпывающий перечень видов деятельности, которые могут квалифицироваться как предпринимательская. На практике к предпринимательской можно отнести и деятельность, не входящую в этот перечень, например, распоряжение имуществом, распоряжение правами, относящимися к интеллектуальной собственности, и др. Следует согласиться с И.В. Ершовой в том, что в законе нет смысла перечислять исчерпывающий перечень видов предпринимательской деятельности. Предпринимательский характер деятельности определяется самим рынком [3, с. 21].

Таким образом, определение предпринимательской деятельности, содержащееся в ГК РФ, далеко не совершенно. Поскольку вышеуказанное определение содержится в гражданском законодательстве, предпринимательскую деятельность можно отнести к институтам гражданского права.

Вместе с тем отдельные отношения, носящие организационный характер и непосредственно не направленные на получение прибыли, а возникающие в процессе создания предпринимательских структур, их реорганизации, ликвидации, сертификации, получения лицензии на отдельные виды деятельности, и др. не являются гражданско-правовыми («чисто» предпринимательскими), исходя из логики их определения в ГК РФ. Они не носят коммерческий характер, но являются необходимыми для осуществления предпринимательства.

Предпринимательская деятельность подлежит государственному регулированию, что естественно не вписывается в гражданско-правовое регулирование в силу подчиненности субъектов, т.е. вертикальности отношений между ними. Отсутствует диспозитивность в регулировании вышеуказанных отношений, присущая гражданскому праву.

Однако, именно в ГК РФ содержатся нормы, регламентирующие государственную регистрацию юридических лиц (ст. 51 ГК РФ), их ликвидацию (ст. 61 ГК РФ), банкротство (ст. 65 ГК РФ) и др., что подтверждает отсутствие «чистоты» гражданско-правового регулирования в ГК РФ.

В качестве четвертой группы отношений, связанных с предпринимательской деятельностью, отдельные авторы (И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова и др.) выделяют внутривозрастные отношения, субъектами которых, выступают, в частности, различные структурные подразделения организаций, взаимодействующие как между собой, так и в целом с организацией. Во внутривозрастных отношениях можно выделить внутрикorporативные, членские и управленческие, в регулировании которых особое место, кроме законодательных, занимают локальные нормативные акты [3, с. 9].

Таким образом, в числе предпринимательских отношений можно выделить, во-первых, «чисто предпринимательские» *per se* отношения или предпринимательские отношения в узком смысле этого слова, и, во-вторых, предпринимательские отношения в широком смысле этого слова, включающие отношения организационного характера, связанные с государственным регулированием предпринимательства и так называемые внутривозрастные отношения. Соответственно можно выделять понятия «предпринимательское право» *per se*, т.е. в узком смысле этого слова, и «предпринимательское право» в широком смысле этого слова, которое в отличие от предпринимательского можно квалифицировать как хозяйственное.

Предпринимательское (хозяйственное) право можно рассматривать как отрасль законодательства, научную дисциплину и учебную дисциплину.

Дискуссия о возможности отнесения хозяйственного права к самостоятельной отрасли ведется в России с конца 20 века (работы В.В. Лаптева, В.К. Мамутова, В.С. Мартемьянова, В.П. Мозолина и др.). Заслуживает внимания позиция отнесения предпринимательского (хозяйственного) права к комплексной отрасли права.

Принимая во внимание отличия в предмете и методе регулирования чисто предпринимательской деятельности как института гражданского права и хозяйственных правоотношений, регулирующих более широкий их круг, включая отношения организационного характера и государственного регулирования предпринимательства, представляется логичным разграничивать гражданское право, регулирующее предпринимательскую деятельность (per se) и хозяйственное (торговое) право, как это принято в Германии, Франции, Испании и др. странах. Следует принимать во внимание, что в условиях возложения на Россию экономических санкций и актуальности импортозамещения безусловно возрастает роль государственного регулирования предпринимательской (хозяйственной) деятельности.

Список использованной литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022).
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – Изд. 9, испр. и доп. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 847 с.
3. Российское предпринимательское право: учебник / Д.Г. Алексеева [и др.], отв. ред И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. – М.: Проспект, 2010. – 1072 с.

УДК 346.37

Е. В. Парукова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРА

Статья посвящена вопросам защиты прав инвесторов в контексте общей защиты прав субъектов хозяйствования, гарантированности и процессуальной защиты прав и интересов субъектов инвестиционной деятельности. Проводится анализ правовых норм хозяйственного процессуального и гражданского процессуального законодательства, регламентирующих процессуальные гарантии защиты прав инвесторов. Исследован вопрос об эффективности функционирования института доказательств при рассмотрении инвестиционных споров и др.

Согласно законодательству Республики Беларусь, государство гарантирует инвестору право собственности и иные вещные права, а также имущественные права, приобретенные законным способом; равенство прав, предоставляемых инвесторам независимо от их формы собственности при осуществлении инвестиционной деятельности; стабильность прав инвестора по осуществлению инвестиционной деятельности и ее прекращению; право самостоятельно определять и осуществлять все действия, вытекающие из владения, пользования и распоряжения объектами и результатами инвестиционной деятельности.

Законом Республики Беларусь «Об инвестициях», в частности, ст. 5 предусмотрено также, что инвесторам гарантируется осуществление защиты прав и законных интересов в суде и иными способами, предусмотренными законодательством Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь [1]. Такие гарантии находят свое нормативное закрепление не только в национальном законодательстве Республики Беларусь, но и в международных договорах, ратифицированных Республикой Беларусь. К примеру, Республикой Беларусь подписаны Конвенция о защите прав инвестора (28 марта 1997 г.), Соглашение о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности (24 декабря 1993 г.), а с 1992 года Республика Беларусь присоединилась к Конвенции «О порядке разрешения

инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами» (18 марта 1965 г.) и Сеульской конвенции «Об учреждении Многостороннего Агентства по гарантии инвестиций» (11 октября 1985 г.) и др. При этом под способами защиты прав инвесторов принято понимать меры правоохранительного характера, применение которых направлено на возобновление имущественного положения инвестора и устранение преград в реализации его прав и законных интересов.

Одной из процессуальных гарантий защиты прав инвесторов можно признать установленный ч. 1 ст. 175 Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК) общий срок рассмотрения судом первой инстанции экономического дела – не более двух месяцев со дня вынесения определения суда, рассматривающего экономические дела, о назначении дела к судебному разбирательству. Частями 2-4 ст. 175 ХПК также предусматриваются меньшие (не более 1 месяца) и большие сроки (не более семи месяцев), а также исключительные (до одного года) сроки рассмотрения экономического дела. Более того, ХПК предусматривает возможность продления указанных сроков, что является оправданным, т.к. экономические дела являются очень объемными и сложными для рассмотрения.

В хозяйственном процессе, в отличие от гражданского, содержится такое понятие, как сформулированное в ст. 100 ХПК «раскрытие доказательств». Иными словами, каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть перед другими лицами, участвующими в деле, доказательства, на которые ссылается как на основание своих требований и возражений, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах срока, установленного судом, рассматривающим экономические дела, если ХПК не предусматривает иного.

В силу ст. 169 ХПК подготовку дела к судебному разбирательству завершает проведение подготовительного судебного заседания. Иными словами, все доказательства необходимо раскрыть не позднее проведения подготовительного судебного заседания, если суд не определил более поздний срок.

При этом, в случае защиты прав инвесторов в экономическом суде Республики Беларусь немаловажным является вопрос о том, кто должен раскрывать доказательства от имени Республики Беларусь, а также объем данной информации, т. к. большой ее массив может составлять государственная тайна. Считаю логичным предположить, что представительство Республики Беларусь и раскрытие информации должно осуществляться органом государственного управления, подписавшим инвестиционный договор от имени государства (его представителем).

Вместе с тем, основная проблема на пути эффективного функционирования института раскрытия доказательств – это отсутствие в ХПК ответа на вопрос, как должен действовать суд, если стороны представят ранее не раскрытые доказательства позже установленного ХПК и (или) судом срока. С одной стороны, поскольку ХПК закрепляет конкретные правила раскрытия доказательств, их необходимо соблюдать. Таким образом, суд должен отказать в приобщении данных доказательств к материалам дела и не исследовать их. С другой стороны, суд обязан вынести законное и обоснованное решение, что невозможно без всестороннего изучения дела, анализа всех относимых и допустимых доказательств.

В ХПК не дается определения понятия объема фактов, подлежащих доказыванию. Структура объема фактов, подлежащих доказыванию, могла бы включать факты, имеющие значение для дела, однако, это и означает предмет доказывания. Вопросы о пределах доказывания и достаточности доказательств для подтверждения фактов, подлежащих доказыванию, находятся в компетенции суда. В случае защиты прав инвестора в объеме фактов, подлежащих доказыванию, должны включаться:

- наличие, законность инвестиционного договора;
- факт нарушения прав инвестора (наличие инвестиционного спора).

Представляется, объем фактов, подлежащих доказыванию, не должен отличаться от предмета доказывания, определение которого возлагается на суд. В том случае, если истец в процессе рассмотрения дела изменит предмет, основание иска или размер исковых требований, то изменится предмет доказывания.

Судебное разбирательство заканчивается вынесением решения по существу дела. Но в силу некоторых обстоятельств суд может окончить дело без вынесения решения. Так, процессуальное право предусматривает две формы такого окончания процесса: прекращение производства по делу (ст. 149 ХПК) и оставление заявления без рассмотрения (ст. 151 ХПК). Данные формы различаются между собой как по основаниям, так и по процессуальным последствиям их применения.

Реализация прав и законных интересов инвестора возможна посредством четкой правовой регламентации и определения подведомственности и подсудности инвестиционных споров.

В силу п. 9 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и абз. 7 ст. 1 ХПК подведомственность представляет собой разграничение компетенции по разрешению споров и рассмотрению дел между Конституционным Судом Республики Беларусь, судами общей юрисдикции, международными арбитражными (третейскими) судами, третейскими судами, иными постоянными арбитражными органами, органами по разрешению трудовых споров и рассмотрению дел, иными органами и организациями. Таким образом, подведомственность разграничивает компетенцию между судами и иными органами (организациями), но не компетенцию (подсудность) между судами внутри самой судебной системы.

Несмотря на включение в единую систему судов общей юрисдикции экономических судов подходы к определению подведомственности и подсудности (судов и экономических судов) стали смешанными. Проанализировав п. 9 ст. 1 ГПК и абз. 7 ст. 1 ХПК, можно сделать вывод, что подведомственность суда общей юрисдикции распространяется и на экономические суды, предполагая единую судебную подведомственность государственных судов – судов общей юрисдикции.

Положения вышеизложенных норм об определении подведомственности дела суду общей юрисдикции не согласуются с нормой ч. 3 ст. 48 ХПК, предусматривающей, что Верховный Суд Республики Беларусь в пределах подведомственности дел судам, рассматривающим экономические дела, имеет право дополнительно определять подсудность дел, принимать к своему производству и рассматривать любое дело. К такому же выводу приводит анализ и других статей ХПК, указывающих о подведомственности споров суду, рассматривающему экономические дела, а не в целом суду общей юрисдикции.

Гражданское процессуальное и хозяйственное процессуальное законодательство содержит легальное определение подсудности, под которой согласно п. 10 ст. 1 ГПК понимается отнесение гражданского дела, подведомственного суду общей юрисдикции, к ведению суда первой инстанции. Также в соответствии со ст. 1 ХПК подсудность – это относимость дела, подведомственного суду общей юрисдикции, к ведению суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции.

Для достижения согласованности правил гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Т.С. Тарановой было предложено дополнить нормы ГПК и ХПК положениями о предметной подсудности, разграничивающей подсудность общих судов, исходя из критериев правовой природы спора и состава сторон спора [2, с. 310]. Полагаем целесообразным поддержать точку зрения Т.С. Тарановой в контексте рассмотрения подведомственности и подсудности инвестиционных споров. А именно, полагаю целесообразным, что исходя из того, что правовая природа инвестиционных споров основана на предпринимательской деятельности, судебная защита прав инвесторов осуществляется в экономических судах.

Список использованной литературы

1. Об инвестициях: Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Таранова, Т.С. Подведомственность и подсудность гражданских дел / Т.С. Таранова // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19-20 мая 2016 г.) : в 2 т. / БГЭУ; редкол.: В.Н.Шимов [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2016. – Т. 2. – С. 309-310.

УДК 347.441(47)

Е. В. Савчик

(Белорусский государственный университет, Минск)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДОГОВОР ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ С ВЛАДЕЛЬЦЕМ БЛОК-СТАНЦИИ»: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

В работе дается юридическая характеристика договора электроснабжения с владельцем блок-станции на основе анализа источников его правового регулирования. Исходя из научных представлений о сущности договора электроснабжения и выявленной неприменимости к рассматриваемому договору такой характеристики как смешанный, сделан вывод о некорректности его названия и легального определения. Предложены авторские название и определение понятия данного договора.

Договор электроснабжения, опосредующий отношения в области обеспечения потребителей электрической энергией, представляет собой активно развивающуюся договорную модель в гражданском праве большинства стран, входящих в СНГ, но малоизученную в белорусской цивилистике. В качестве одного из пробелов указанного исследовательского поля выступает и определение понятия «договор электроснабжения с владельцем блок-станции», заключаемого между республиканскими унитарными предприятиями электроэнергетики Республики Беларусь (РУП-облэнерго) и владельцами блок-станций.

Понятие, порядок заключения и исполнения рассматриваемого договора закреплены в Правилах электроснабжения, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2011 г. № 1394 (в ред. от 2 июля 2021 г.) (далее – Правила электроснабжения). Так, согласно подп. 3.24 п. 3 указанных Правил под таким договором понимается смешанный договор, который помимо условий договора электроснабжения содержит также условия: а) договора поставки электрической энергии, произведенной блок-станцией (абонентом), в сеть РУП-облэнерго (энергоснабжающей организации); б) договора оказания услуг по передаче и распределению электрической энергии в части транзитного перетока электрической энергии, произведенной блок-станцией, через сети РУП-облэнерго к другим объектам электроснабжения, принадлежащим владельцу блок-станции; в) ответственности сторон договора за соблюдение его условий.

Правила электроснабжения также устанавливают, что при заключении договора электроснабжения с владельцем блок-станции РУП-облэнерго выступает в роли энергоснабжающей организации, а владелец блок-станции – абонента (подп. 3.57 п. 3). Проблемность данного положения обусловлена тем, что оно не коррелирует с понятием договора электроснабжения, которое закреплено в подп. 3.23 п. 3 этих же Правил, и из определения которого следует, что договор электроснабжения по своей правовой

конструкции является договором купли-продажи. Сторонами в этом договоре являются энергоснабжающая организация (продавец), которая обязуется подавать абоненту (покупателю) электрическую энергию (товар) через присоединенную электрическую сеть. Кроме того, все виды договора купли-продажи, в том числе и договор электроснабжения, имеют одинаковую экономическую сущность, так как их целью является передача вещного права на товар от поставщика к покупателю, а также они имеют единые юридические родовые признаки: 1) они призваны обеспечить переход права собственности (иного вещного права) на имущество (товар); 2) заключение этих договоров происходит в результате свободного волеизъявления сторон, которые выступают как свободные товаровладельцы; 3) они имеют возмездно-эквивалентный характер, где встречным представлением являются деньги [1, с. 345]. Поэтому в случае, когда не РУП-облэнерго (продавец), а владелец блок-станции (покупатель) передает товар (электрическую энергию), а также когда со стороны РУП-облэнерго имеет место оказание услуг по передаче и распределению электрической энергии, наименование сторон такого договора как «энергоснабжающая организация» и «абонент», равно как и название данного договора «договор электроснабжения», является некорректным.

Даже если имеет место подача РУП-облэнерго электрической энергии владельцу блок-станции только в целях недопущения перебоев в технологическом процессе ее производства либо для того, чтобы при временной нехватке энергии владелец-блок станции мог ее восполнить, такая подача электрической энергии является обычным, а не существенным условием договора и этот факт не может изменить правовую конструкцию договора электроснабжения как договора купли-продажи. При этом в обратном случае, а именно, если энергии, произведенной блок-станцией, постоянно хватает только на удовлетворение части собственных потребностей владельца-блок станции, и у него нет возможности или необходимости поставлять часть собственной энергии РУП-облэнерго, то нет и оснований для включения в заключаемый сторонами договор электроснабжения дополнительных условий о ее обратной подаче и оказанию услуг по передаче и распределению электрической энергии, то есть в таком случае с владельцем блок-станции должен заключаться договор электроснабжения по правилам его заключения со всеми иными юридическими лицами.

Таким образом, использование в названии рассматриваемого договора слов «договор электроснабжения» не соответствует сути возникающих договорных отношений и только создает смешение понятий, то есть представляет собой технико-юридический дефект.

Кроме того, спорной является и характеристика такого договора как смешанного. Как отмечает А. А. Батурина, договор является смешанным тогда, когда в нем смешались несколько правовых целей в совокупности с предметами, являющимися элементами разных договорных типов или видов, а также элементы иных договорных конструкции, не входящих в общую систему договоров [2, с. 160]. В случае же с договором электроснабжения с владельцем блок-станции несмотря на то, что в совокупности обязательственных правоотношений, порождаемых данным договором, присутствуют элементы разных видов одного договорного типа – купли-продажи (договора энергоснабжения и договора поставки), однако при этом отсутствует единая правовая цель и имеет место выполнение обеими сторонами функций то продавца, то покупателя на протяжении всего срока действия договора. Данные особенности характерны не для смешанных, а для организационных договоров.

Считаем, что договоры между РУП-облэнерго и владельцами блок-станций обладают необходимым набором признаков, характерных для такой типовой договорной конструкции как рамочный договор, понятие которой пока отсутствует в Гражданском кодексе Республики Беларусь, но уже получило закрепление в ст. 429¹ Гражданского кодекса Российской Федерации. Рамочные договоры, как отмечает А. Н. Левушкин, направлены на организацию длительных имущественных связей

в виде «потока будущих деловых отношений», при этом общие условия таких взаимоотношений сторон в дальнейшем могут быть детализированы, в том числе и путем заключения отдельных договоров [3, с. 20–21]. Далее этот ученый также приходит к выводу, что данный договор должен быть отнесен к договорам организационного характера [3, с. 21]. Полагаем, что и рассматриваемый нами договор между РУП-облэнерго и владельцами блок-станций о взаимных поставках и/или транзите электрической энергии, заключаемый, как правило, на длительный период и с возможностью согласования в период его действия новых условий, по своей сути является организационным (рамочным, договором о взаимоотношениях).

По вопросу включения в определение договора электроснабжения с владельцем блок-станции условия об ответственности за соблюдение условий данного договора, следует отметить, что наличие у владельца блок-станции и РУП-облэнерго такой ответственности не может считаться существенной характеристикой договора, так как любой гражданско-правовой договор предполагает наличие у сторон ответственности за его неисполнение. В целом полагаем, что особенности привлечения к ответственности по данному договору должны быть подробно раскрыты в отдельной главе Правил электроснабжения вместе с особенностями его заключения, а не «разбрасываться» по тексту указанных Правил.

Также понятие транзитного перетока, включенное в настоящее время в нормативное определение понятия «договор электроснабжения с владельцем блок-станции», по нашему мнению, должно быть сформулировано в отдельном подпункте п. 3 Правил электроснабжения, чтобы сделать понятие этого договора более лаконичным и понятным для правоприменителей.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым изменить название рассматриваемого договора с «договор электроснабжения с владельцем блок-станции» на «договор о поставке и транзитном перетоке электрической энергии с владельцем блок-станции» и изложить его определение в следующей формулировке: «договор о поставке и транзитном перетоке электрической энергии с владельцем блок-станции – соглашение о взаимоотношениях между РУП-облэнерго и владельцем блок-станции об условиях поставки в электрическую сеть РУП-облэнерго электрической энергии (выработанной блок-станцией и (или) подаваемой РУП-облэнерго владельцу блок-станции) и (или) транзитного перетока этой электрической энергии по электрической сети РУП-облэнерго».

Список использованной литературы

1. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. Кн. 2. Разд. III. Общая часть обязательственного права. Разд. IV. Отдельные виды обязательств (главы 30–50) : отв. ред. В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2005. – 1376 с.
2. Батурина, А. А. Система и системность смешанных договоров в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Батурина. – Иркутск : ФБГОУВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2018. – 199 с.
3. Левушкин, А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры / А. Н. Левушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2 (87). – С. 19–26.

УДК 347.1

О. Н. Толочко

(Белорусский государственный университет, Минск)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ВАЛЮТЫ И ДЕНЕГ

Введение в гражданский оборот таких финансовых инструментов как криптовалюты актуализировало дискуссию о правовой природе и сущности денег (валюты). Сторонники «легализации» криптовалют предлагают не только урегулировать их гражданский оборот, но и приравнять к деньгам. По мнению автора, деньгами не может быть признан инструмент, эмитированный частными лицами. В то же время перед регулятором стоит задача по превращению белорусского рубля в полноценную международную валюту в целях устойчивого роста экономики.

Введение в гражданский оборот цифровых финансовых инструментов актуализировало дискуссию о сущности валюты и денег. Ст. 141 ГК Республики Беларусь не содержит определения валюты, однако наименование статьи («Деньги (валюта)») указывает на то, что понятия валюты и денег Закон рассматривает как тождественные. Согласно указанной норме, законным платёжным средством на территории Республики Беларусь является белорусский рубль, а случаи, порядок и использования на территории Беларуси иностранной валюты определяются законодательством.

Закон о валютном регулировании и валютном контроле 2003 г. раскрывает понятие «валютные ценности»: в п. 1.4 ст. 1 валютные ценности определены как иностранная валюта, ценные бумаги в иностранной валюте и белорусские рубли и ценные бумаги в них – при проведении с ними валютных операций с участием нерезидентов или трансграничном перемещении.

Таким образом, если в гражданском законодательстве валютой признаются как национальные, так и иностранные деньги, то в Законе о валютном регулировании и валютном контроле о национальной валюте речь идет лишь применительно к случаям, касающимся её внешнего оборота.

В последние годы в литературе всё чаще обосновывается необходимость причислить к валюте и валютным ценностям такие инструменты как криптовалюты и токены. Например, С.П. Протасовицкий, определяющий криптовалюту как «валюту, операции с которой совершаются и фиксируются в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации» [1, с. 260], предлагает закрепить на уровне Гражданского кодекса норму о том, что «денежное обязательство может быть выражено в белорусских рублях, иностранной валюте, криптовалюте, условных денежных единицах или установленных законодательством базовых величинах... Если денежное обязательство выражено в криптовалюте, но подлежит исполнению в белорусских рублях или иностранной валюте, сумма платежа определяется по среднему курсу криптовалюты к белорусскому рублю или соответствующей иностранной валюте на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законодательством или соглашением сторон» [1, с. 221–222].

Вместе с тем, такие финансовые инструменты как криптовалюты (биткоин, этериум и т.д.), ни деньгами, ни валютой не являются, в силу чего правила их оборота должны лежать в иной плоскости, нежели валютное регулирование.

Природа и сущность денег как социально-экономической категории исследована в многочисленных трудах, даже краткий обзор которых в рамках статьи затруднителен. Разные концепции высвечивают многие аспекты этого многогранного явления. С точки зрения юридической науки акцент следует сделать на его правовой стороне. В юридическом измерении деньги – это зафиксированные в форме знаков обязательства. Предоставление товаров, услуг, труда гарантировано обменивается на деньги, а деньги, в свою очередь, – на товары, услуги и иные ценности. Как совершенно справедливо указывается в ст. 141 ГК Беларуси, законным платёжным средством на территории Республики Беларусь является белорусский рубль, а случаи, порядок и использования на территории Беларуси иностранной валюты определяются законодательством. Таким образом, обязательства по «превращению» денег в товары или услуги обеспечены силой закона, а их покупательная способность –

государственными регуляторными механизмами, в том числе валютным регулированием.

Полноценное исполнение деньгами всех своих сущностных функций возможно лишь при наличии юридических гарантий со стороны государства-эмитента. Без этого имманентного качества отдельные функции денег, такие как, например, мера стоимости или средство платежа, могут выполняться другими вещами или нематериальными активами. Если стороны готовы произвести обмен товарами или услугами посредством биткойна, никаких препятствий к этому нет, так же, как если бы они договорились произвести расчёт зерном, металлом или бензином. Однако продавец не обязан принимать их в качестве средства платежа, и владелец биткойна никак не может принудить принять его в счёт поставленного товара или услуги.

Любые финансовые инструменты, эмитентом которых не выступает государство, не поддерживаются законом и в силу этого не могут заменить национальную валюту государств. Участие их в гражданском обороте по соглашению сторон не исключается, однако лишь в той мере, в какой такие инструменты не подрывают сложившийся правопорядок.

В этой связи примеры «легализации» криптовалют в тех или иных странах, приводимые крипто-энтузиастами [2], чаще всего касаются лишь отдельных регуляторных действий со стороны государства, но не означают приравнивания такого рода инструментов к валютам или деньгам [3]. Криптовалюты, как и другие формы «частных денег» (итакский час, WIR–Wirtschaftsring-Genossenschaft и др. [4]), лишены такого необходимого для полноценных денег качества как юридическая обязательность их приёма всеми субъектами экономических отношений. Причём данное обстоятельство не является недоработкой законодателя: допуск любого платёжного средства, эмитированного третьими акторами вне официальной денежной системы, в качестве обязательного к приёму – подрывает национальную экономику. Как представляется, ожидать такого шага вряд ли стоит. Криптовалюты не являются и не будут признаны деньгами. По сути, это – специфический «товар», который в силу определённых причин пользуется спросом, продаётся и покупается. Купля-продажа криптовалют регулируется гражданским законодательством, а также той частью законодательства о валютном регулировании, которая касается противодействия коррупции и легализации доходов, полученных преступным путём [5]. Что касается вопроса о приравнивании ее к валюте и деньгам, то, как представляется, он должен быть закрыт.

В отличие от криптовалют, обсуждаемые в настоящее время цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) являются разновидностью денег. На данный момент такие валюты в порядке эксперимента эмитированы в некоторых странах. В Беларуси цифровая валюта Национального банка не эмитируется и не рассматривается [6].

Таким образом, деньгами в принципе является национальная и иностранная валюта. Национальная валюта обязательна к приёму в качестве средства платежа, накопления, инвестиций всеми субъектами экономических отношений без ограничений. Иностранная валюта обращается в стране постольку, поскольку это допускается законодательством. Обмен иностранной валюты на национальную осуществляется по установленному курсу.

Национальные деньги любого государства интернационализированы в большей или меньшей степени [7]. Сегодня белорусский рубль является, по сути, внутренней валютой: он может быть использован для международных сделок, но лишь на территории страны-эмитента – Республики Беларусь. За рубежом он фактически не торгуется на валютном рынке, не принимается на депозиты в банках, не используется в качестве средства платежа по контрактам.

Такая ситуация была в 1990-е гг. с российским рублём, который можно было на внутреннем рынке обменять на иностранную валюту и использовать, например, для оплаты импортного внешнеторгового контракта. Но за рубежом российский рубль не

выполнял никаких функций денег. В последние годы усилиями российского государства и центрального банка рубль перешёл в стадию международной валюты, прежде всего – в рамках интеграционных объединений с участием Российской Федерации. Начался выпуск рублёвых еврооблигаций, что означало, что покупатели таких бумаг были согласны получать по ним рублёвые выплаты. Некоторые торговые системы за границей, в том числе в Лондоне и Чикаго, включили рубль в перечень валют, с которыми их клиенты могут совершать сделки. Следовательно, там были открыты рублёвые банковские счета. Масштабы использования российского рубля в мире были небольшими, однако сам факт в значительной мере укрепил российский рубль и, соответственно, экономику страны.

Этот путь вполне реален и для белорусской национальной валюты. Такая работа была начата Национальным банком в 2015 г., и за небольшой период времени ему удалось добиться значительных успехов. К сожалению, кризис, обусловленный пандемией и последующими событиями, во многом нивелировал эти достижения, и к настоящему моменту задачи по укреплению национальной валюты, повышения к ней доверия со стороны внутренних и внешних акторов, превращению белорусского рубля в международную валюту вновь стоят перед национальным регулятором.

Следует подчеркнуть, что понятие международных валют не идентично понятию мировых валют, к которым причисляют валюты, используемые в международных расчетах и резервах центральных банков в значимых количествах, хотя бы 1–2% [8, с. 19]. Сегодня не стоит вопрос о превращении национальной валюты Беларуси в мировую. Речь идет о том, что без использования во внешнеэкономической деятельности, т.е. без выполнения функции международных денег, белорусский рубль не является полноценной валютой, что не способствует устойчивому развитию национальной экономики. Достижимость этой задачи подтверждена реальными результатами, полученными Национальным банком за несколько предкризисных лет.

Список использованной литературы

1. Протасовицкий, С. П. Теория частноправового регулирования финансов / С. П. Протасовицкий. – Минск: БГУ, 2020. – 315 с.
2. Саакян, А.Г. Криптовалюта как первичный инструмент в формировании валютного регулирования государства / А.Г. Саакян // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2015. – № 4. – С. 17–21.
3. Легализация криптовалют на примере разных стран и государств // Cripta.me [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cripta.me/legalizacia>. – Дата доступа: 09.06.2022.
4. Курилёнок, К. Поисковые модели денежной теории: деньги как равновесие по Нэшу / К. Курилёнок // Банковский вестник. – 2021. – Январь. – С. 18–28.
5. Кучеров, И.И. Правовые подходы к легитимации криптовалют / И.И. Кучеров // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 183–187.
6. Осмоловец, С. Цифровая валюта центрального банка: сущность, концепции и риски эмиссии / С. Осмоловец // Банковский вестник. – 2021. – Апрель. – С. 21–30.
7. Ляменков, А.К. Интернационализация валют в современной мировой экономике / А.К. Ляменков, Е.А. Ляменкова // Символ науки. – 2015. – № 10. В 2 частях. Часть 1. – С. 63–67.
8. Буторина, О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция / О.В. Буторина. – М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2003. – 368 с.

УДК 339.564:341.9

В. А. Федотов

(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СПОРА: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

На основе комплексного и системного анализа правовой регламентации норм о разрешении споров, возникающих из внешнеэкономических договоров, автор предлагает применение концепции взаимодействия норм правовых систем, имеющих тесную связь с отношением.

На современном этапе социально-экономических преобразований в Республике Беларусь внешнеэкономическая деятельность приобрела приоритетное значение и во многом определяет современное состояние экономики государства. Экономический рост республики основан на экспорте и импорте товаров и услуг, поэтому вопросы нормативно-правового обеспечения внешнеэкономического потенциала являются исключительно важными и актуальными.

Основной формой осуществления международной экономической деятельности является внешнеэкономический договор. По своей юридической природе данная категория гражданско-правовых соглашений имеет ряд существенных отличий от внутренних договоров, основанных на национальном законе. Внешнеэкономический договор совершается в соответствии с требованиями правовых систем, имеющих тесную связь с отношением, что влечет ряд иных юридических последствий.

Договорной статут внешнеэкономического соглашения формируется на основе императивных норм правовых систем, к которым принадлежат участники отношения, а также императивных норм правовых систем третьих стран, с которыми связано исполнение договора. Это нормы не только гражданского, но и таможенного, налогового и валютного законодательства. На стадии вступления в отношение субъекты внешнеэкономической деятельности должны установить возможность заключения внешнеэкономического контракта. В случае расхождения императивных норм стран, имеющих тесную связь с внешнеэкономическим отношением, такой договор не может быть заключен, а совершенный – признан не заключенным.

Следует признать, что данный аспект совершения внешнеэкономического контракта основанной на взаимодействии правовых норм, имеющих тесную связь с отношением, не получил должной правовой регламентации в законодательстве России и Беларуси. К сожалению, в гражданском законодательстве отсутствуют специальные правовые нормы о полисистемном режиме правового регулирования внешнеэкономической деятельности.

При совершении внешнеэкономического контракта каждая сторона должна исполнить требования правовых норм государства национальной принадлежности: это гражданско-правовые нормы о содержании и форме соглашения, установленные международными соглашениями (конвенциями) и нормативными правовыми актами.

Так, при совершении внешнеэкономического контракта купли-продажи резидентами РФ и Беларуси стороны должны обеспечить соответствие договора:

1. Нормам Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Если стороны не условятся об ином, в соответствии со ст. 14 Конвенции в оферте, а соответственно в договоре, должен быть «...обозначен товар и прямо или косвенно устанавливаются количество и цена либо предусматривается порядок их определения».

2. Нормам Гражданского кодекса России (ГК РФ) и Гражданского кодекса Беларуси (ГК Беларуси). Общими требованиями Кодексов к внешнеэкономическому договору являются: определение в содержании условия о предмете и совершение договора в простой письменной форме (п. 1 ст. 432, п. 1 п. 1 ст. 161, п. 1 ст. 1209 ГК РФ, п. 2 ст. 402, п. 3 ст. 163, ст. 1116 ГК Беларуси).

3. Нормам Указа Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178

«О порядке исполнения внешнеторговых договоров». В соответствии с каждым заключенным внешнеторговым договором резиденты Беларуси обязаны: предусмотреть во внешнеторговом договоре сумму (ориентировочную сумму) денежных обязательств сторон по договору, а также условия расчетов (подп. 1.16).

Следует отметить, что в российском законодательстве о внешней торговле специальные нормы о содержании внешнеторговых договоров предусмотрены лишь в отношении отдельных видов контрактов. Так, в соответствии с подп. 20.1 Указа Президента РФ от 10 сентября 2005 г. № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами» заключаемые субъектами военно-технического сотрудничества контракты с иностранными заказчиками должны предусматривать положения об обеспечении комплексного сервисного обслуживания поставляемой заказчиком продукции военного назначения, и положения, касающиеся определения условий использования результатов интеллектуальной деятельности, передаваемых иностранным заказчиком, и (или) обеспечения их правовой охраны.

Независимо от материально-правовых или коллизионных норм, определяющих применимое право к внешнеторговому отношению раздела VI ГК РФ, императивные нормы (непосредственного применения) законодательства Российской Федерации должны быть исполнены (п. 1 ст. 1192 ГК РФ). При этом суд может применить иностранное право, принимая во внимание императивные нормы права этой страны, имеющей тесную связь с отношением, если согласно иностранному праву такие нормы являются нормами непосредственного применения (п. 2 ст. 1192 ГК РФ). Аналогичные по своему содержанию нормы предусмотрены ст. 1100 ГК Беларуси.

Однако, какова практика применения правоприменительными органами (арбитражными судами) норм, имеющих тесную связь с внешнеторговым отношением, при разрешении споров?

Необходимо признать, что суды не применяют нормы правовых систем во взаимодействии, хотя в законодательстве имеется немало предпосылок для такого нормативного обеспечения.

Приведем примеры из материалов судебных дел. В арбитражный суд России с иском о признании недействительными условий соглашения о создании совместного предприятия с иностранными компаниями-соучредителями обратилась российская организация.

Судом установлено, что соглашение о создании совместного предприятия – российского оператора связи, подчинено английскому праву. Однако создаваемая организация относится к категории стратегических предприятий, в связи с чем положения соглашения, влекущие установление контроля над новой организацией, судом признаны недействительными в указанной части. Довод ответчиков о применении английского права для оценки последствий соглашения признан арбитражным судом несостоятельным.

Сверхимперативные нормы (ст. 1192 ГК РФ) суд применяет независимо от права, избранного сторонами в качестве применимого. На этом основании, арбитражный суд удовлетворил исковые требования [1].

Как отмечено в письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 158 «...применение к спорным правоотношениям сверхимперативных норм российского права не подчиняет действительную часть спорного соглашения российскому праву и не исключает применения к ней избранного сторонами английского права» [1].

На наш взгляд, применение сверхимперативных норм закона страны суда имеет неоспоримый приоритет перед всеми другими нормами применимого права. Иностранное право может быть применимым в целом или в части, если имеет тесную связь с отношением и в полной мере соответствует нормам непосредственного

применения. Но отнесение норм к сверхимперативным (нормам непосредственного применения) не является основанием неприменения иностранного закона, что указано в п. 2 ст. 1192 ГК РФ и п. 2 ст. 1100 ГК Беларуси.

По общему правилу, право любого государства всегда выражает национальные интересы – государства, общества, человека. В сфере правовой регламентации международных коммерческих отношений, развитие внешнеторгового законодательства пошло по пути доминирующего примата национальных интересов над интересами стран-партнеров, что обеспечивает действие императивных норм. Вместе с тем, отношения в сфере внешней торговли нельзя регулировать законодательством лишь одного государства. Такие отношения по своей природе являются трансграничными, что обусловлено полисистемным режимом взаимодействия правовых норм, имеющих тесную связь с отношением.

Основным критерием, обеспечивающим взаимодействие правовых систем, является национальная принадлежность участвующих в отношениях лиц. Посредством применения императивных национальных норм внешнеторгового законодательства действие закона по кругу лиц приобретает экстерриториальный характер для резидента, и опосредовано совершено контракту – для нерезидента. Нормы непосредственного применения создают основание расщепления договорного статуса внешнеторгового контракта.

Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» уточнил основания наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией России, а соответственно с российским правом: это доказательства того, что территория Российской Федерации является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией России; основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации и др. (п. 15).

В белорусском законодательстве вопрос дифференциации оснований тесной связи со спорным правоотношением, осложненным иностранным элементом, к сожалению, не получил должной правовой регламентации. Материалы судебных дел указывают на применение ряда норм международных и нормативных правовых актов, которые в известной мере восполняют данный пробел.

Так, экономический суд Минской области в полном объеме удовлетворил требования истца ОАО «А» – управляющей компании холдинга «В» (резидент Беларуси) о взыскании стоимости некачественной продукции, а также транспортных расходов по иску к ЗАО «Б» (резидент РФ). Судом установлено, что порядок приемки продукции по качеству договором определен в соответствии с действующей в Российской Федерации Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденной постановлением Госарбитража при Совмине СССР от 25 апреля 1966 г. № П-7 (далее – Инструкция № П-7).

При определении применимого права к разрешению спора, суд исходил из того, что: соглашение сторон о выборе применимого права должно быть явно выражено или прямо вытекать из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности (п. 1, 2 ст. 1093 ГК Беларуси); если стороны в контракте в качестве применимого права в общей форме указали на законодательство нескольких государств, экономический суд определяет применимое право на основании коллизионных норм международных договоров, законодательных актов Беларуси; при отсутствии соглашения сторон договора о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где имеет основное место деятельности сторона, являющаяся продавцом (подп. 1 п. 1 ст. 1125 ГК Беларуси). Кроме того, во внешнеторговом договоре стороны определили, что отношения сторон, не урегулированные договором, регламентируются действующим законодательством

Российской Федерации и Беларуси, а также межправительственными соглашениями этих стран.

Применимым правом к разрешению спора признано право России, и для разрешения спора белорусский суд в полной мере применил нормы ГК РФ (ч. 1 ст. 309, п. 2 ст. 314 п. 1, ст. 15, ч. 1 п. 2 ст. 469, п. 1 ст. 475, ч. 1 п. 1, ч. 1 п. 2 ст. 393, п. 1 ст. 518 и др.) и Инструкции № П-7. Однако, некачественность товара подтверждена: заключениями Центральной заводской лаборатории ОАО «Г», соответствующей критериям Национальной системы аккредитации Беларуси и аккредитованной на соответствие требованиям СТБ ИСО/МЭК 17025-2007, а также готовностью поставщика принять товар обратно [2].

На наш взгляд, использование в качестве доказательства в суде заключения Центральной заводской лаборатории ОАО «Г», которое подготовлено в соответствии со стандартом Беларуси, указывает на применение права России и Беларуси во взаимодействии, хотя и является отступлением от условий договора, согласно которым качество продукции удостоверяется сертификатом качества (иным документом) изготовителя.

Необходимо признать, что суды если и применяют национальное и иностранное право для разрешения внешнеторгового спора, то отдельно к отдельным частям спорного отношения.

Так, экономический суд г. Минска, рассмотрев в судебном заседании дело, возбужденное по иску ООО «Р» (РФ) к ООО «Б» (Беларусь) по спору, вытекающему из внешнеторгового контракта поставки, установил, что руководствуясь подп. 1 п. 1 ст. 1125 ГК Беларуси применимым правом к договору является законодательство России, поскольку место нахождения поставщика (истца) – Российская Федерация.

Однако, в связи с реорганизацией в форме присоединения ООО «О» к ответчику, между сторонами подписано дополнительное соглашение к договору поставки, в котором изменено наименование покупателя в преамбуле договора и указано на переход прав и обязанностей по договору к ответчику, а также изменены юридические адреса и реквизиты сторон. По мнению суда, это указывает на применение к вопросам реорганизации юридического лица, являющегося резидентом Беларуси, белорусского законодательства, т.к. место нахождения ответчика – Республика Беларусь [3].

По общему правилу для данной категории дел, белорусский суд в установлении права, подлежащего применению, руководствуется национальным законом (п. 1, 2 ст. 1093 ГК Беларуси). В дальнейшем обеспечивает действие императивных норм (ст. 1100 ГК Беларуси), и при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору, применяет коллизионную привязку, исходя из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности. При этом, суд свободен в выборе коллизионной нормы и, как правило, применяет закон страны продавца или закон места заключения договора (п. 1 ст. 1125, п. 1 ст. 1120 ГК Беларуси). Аналогичные нормы предусмотрены ст. 1186, ст. 1192, п. 1 ст. 1211, п. 1 ст. 1206 ГК РФ.

Список использованной литературы

1. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц : Информационное письмо Президиума ВАС РФ, 9 июля 2013 г., № 158 // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2022.

2. Минич, А.Н. Поставка товара ненадлежащего качества: пример из судебной практики (поставщик – резидент РФ, покупатель – резидент Беларуси) / А.Н. Минич // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

UDC 349.3:347.72

V. A. Brilyova
(Gomel State University F. Skorina, Gomel)

TYPES OF THE INSTITUTE OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

В статье исследован институт социального предпринимательства. Комплексный подход к сущности института социального предпринимательства позволил сформулировать определение данной категории, а также в результате анализа международных стандартов прав социально уязвимых категорий населения и исходя из социальной направленности белорусского государства автор конкретизирует перечень лиц, на которые необходимо распространить действие норм института социального предпринимательства.

In the Republic of Belarus, the institute of social entrepreneurship is controversial. Given the limited number of studies on the essence of social entrepreneurship, the lack of the concept of social entrepreneurship institute in the Republic of Belarus, normative legal act (articles within the act) regulating the concept, purpose, objectives, directions of support for socially vulnerable categories of population, forms of social entrepreneurship, measures of state support, the issue of typology of the institute is of research interest.

The study of social entrepreneurship typology is based on the following definition of social entrepreneurship, based on the essential characteristics of the institution, reflecting its role as an element of civil society, ensuring the rights of socially vulnerable population groups, as well as sharing with the state the function of social protection. Social entrepreneurship is a process of integration of social value and entrepreneurial activity to ensure the rights of socially vulnerable categories of the population, solving social and environmental problems, relying on state support measures, not excluding the support measures of non-state funds, in line with the solution of social tasks of the state.

The socio-legal essence of the economic institute of social entrepreneurship lies in the implementation by the state of its social obligations to socially vulnerable categories of the population, the implementation of social protection in line with the concepts of rule of law and civil society. The study of social entrepreneurship as an element of civil society necessitates an analysis of socially vulnerable populations as a target audience for social entrepreneurship.

Despite the existence in the Republic of Belarus of a number of normative legal acts (from laws to normative acts of the head of state) concerning social protection of socially vulnerable layers of the population, there is no normative-legal fixation of the list of persons who can be referred to this category. At the same time, a variety of terminological approaches can be stated: socially vulnerable categories of the population, socially unprotected strata of society, social risk groups, marginal groups, rights of collective groups, etc.

At the international universal level, human rights standards have been developed for social groups at risk: the Convention relating to the Status of Refugees (1951), the Convention relating to the Status of Stateless Persons (1954), the Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (1955), the Convention concerning Equal Remuneration for Men and Women Workers for Work of Equal Value (1951), the Convention on the Reduction of Statelessness (1961), the Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1965), the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination Against Women (1979), the Convention on the Rights of the Child (1989), the Basic Principles for the Treatment of Prisoners (1990), the Convention on Migrant Workers and Members of Their Families (1990), the UN Political Declaration on HIV/AIDS (2006), the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006), and others.

It seems expedient to consider the following categories of population as socially vulnerable sections and, correspondingly, to extend the social impact of the institute of social entrepreneurship in the Republic of Belarus to them:

- People with disabilities;
- Single parent(s) and (or) parents with many children, bringing up underage children, including children with disabilities;
- Refugees and internally displaced persons;
- Unemployed people of working age;
- Persons of retirement and pre-retirement age (5 years before retirement age, including early retirement);
- Orphanage leavers under the age of 23;
- Persons infected with HIV/AIDS;
- Homeless persons;
- Persons released from prison with an unexpunged or unexpunged criminal record.

The diversity of types of social entrepreneurship institution under study is due to constitutional traditions, peculiarities of the national economic model, civic mentality, the degree of completion of administrative and state-legal reforms, the nature of the prevailing legal doctrines. As a result, from country to country differences in the institution of social entrepreneurship in terms of structural forms; level of business humanization (integration of social program and business); scale of social tasks; directions of social tasks implementation, etc. can be observed.

Is it possible to systematize the diversity of social entrepreneurship forms? The comparative-legal method of research designed to identify "common and singular features, sides, relations of the phenomena and processes under study and to establish relations of identity and difference between them" will help to solve this question [1, p. 412].

The study and typology of social entrepreneurship institution is a necessary element of the concept of social entrepreneurship in the Republic of Belarus, corresponding to the realities of public and economic processes in our country. It will be the key to successful adaptation of social and legal economic institute of social entrepreneurship to the peculiarities of the national economic model.

The typology of social entrepreneurship should be approached, realizing the existence of a number of criteria for systematization of this institution. Thomas Lyons, Jill Kickal divide all social enterprises into structural forms ranging from fully non-commercial to purely commercial. At the same time, the researchers do not exclude the existence of hybrid forms [2, p.174].

K. Alter identifies similar types of social entrepreneurship according to the share of commercial component in their activities [3, p.58].

The types of social entrepreneurship are classified according to the level of integration of social program and business processes.

Of practical interest is the typology of social entrepreneurship based on the scale of social tasks. The developer of the typology is Zahra Sh. and bases it on the theories of Hayek (1945), Kirzner (1973), Schumpeter (1942) [4, p.524].

It seems justified to classify social entrepreneurship according to the directions of fulfilling social tasks.

According to the presence of state support for social entrepreneurship, the Anglo-American and European models of social enterprises are distinguished. The Anglo-American model of social enterprises relies primarily on the support of non-governmental foundations, such as the Ashoka Foundation. Innovation for Society" founded by Bill Drayton [5].

Thus, as a result of a comparative legal study of social entrepreneurship institution models in such areas as structural forms (share of commercial component in activities), level of integration of social programme and business processes, scale of social tasks solution,

directions of social tasks solution, availability of state support, it seems possible to distinguish the following types of social entrepreneurship institution:

- 1) non-commercial, commercial and hybrid models of social entrepreneurship;
- 2) built-in, integrated, external type of social entrepreneurship;
- 3) a type of social entrepreneurship aimed at solving local, regional, international social problems;
- 4) a model of social entrepreneurship aimed at realization of labour potential of socially vulnerable categories of population, production of goods for them, rendering of services, selling goods to them or contributing to solution (mitigation) of social problems in society;
- 5) Anglo-American and European model of social entrepreneurship.

A comprehensive analysis of essential characteristics (attributes) of social entrepreneurship, its types (typology) is an indispensable condition for the development of the concept of the Belarusian model of social entrepreneurship and will be the key to its effectiveness.

References

1. Syrykh, V.M. (2000) *Logicheskiye osnovaniya obshchey teorii prava [Logical foundations of the general theory of law]*. Moscow: Yurid. Dom «Yustitsinform». (In Russ.)
2. Tomas, Layons, Dzhill, Kikal (2014) *Sotsial'noye predprinimatel'stvo. Missiya – sdelat' mir luchshe [Social Entrepreneurship. Mission is to make the world a better place]*. Moscow: Al'pina Publisher. (In Russ.)
3. Dees, J. (1998) Enterprising nonprofits. Harvard Business Review.
4. Zahraa, S., Gedajlovich, E., Neubaume, D., Shulman, J. (2009) A typology of social entrepreneurs: motives, search processes and ethical challenges. Journal of Business Venturing (J BUS VENTURING).
5. Moskovskaya, A.A., Soboleva, I.V. *Sotsial'noye predprinimatel'stvo v sisteme sotsial'noy politiki: mirovoy opyt i perspektivy Rossii [Social entrepreneurship in the system of social policy: world experience and prospects of Russia]*. Cyberleninka.ru. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-v-sisteme-sotsialnoy-politiki-mirovoy-opyt-i-perspektivy-rossii>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО (АРБИТРАЖНОГО) ПРОЦЕССА

УДК 347.9

Н. А. Журович

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель)

РЕАЛИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В работе рассматривается реализация принципов гражданского процесса при рассмотрении и разрешении гражданских дел судами первой инстанции, а также при осуществлении контроля вышестоящими судами в апелляционном и надзорном порядке, уделяется внимание реализации права на судебную защиту и права пользоваться юридической помощью, анализируются пробелы в процессуальном законодательстве и предлагается его совершенствование.

В соответствии со ст. 60 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки [1]. Однако, для того, чтобы дело было разрешено, необходимо правильно определить в какой суд следует обратиться. Компетентный суд позволяют определить правила подсудности. Они четко разграничивают компетенцию судов различных звеньев судебной системы и судов одного и того же звена. Отсюда принято выделять родовую и предметную подсудность.

Статьей 51 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК Республики Беларусь) предусмотрены случаи разрешения вопроса с нарушением правил подсудности. Например, часть 1 данной статьи говорит о том, что дело, принятое судом к своему производству с соблюдением правил подсудности, должно быть разрешено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно стало подсудным другому суду. А в части 2 пункта 3 – если при рассмотрении дела в данном суде выяснилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности, то дело должно быть передано на рассмотрение другого суда [2]. Однако, ничего не сказано о случае, если дело было принято судом к своему производству с нарушением правил подсудности, но рассмотрено им с правильным применением норм материального права и при соблюдении процессуальных норм, регулирующих вопросы рассмотрения и разрешения гражданского дела. Если следовать общим правилам определения законности судебного постановления, т.е. вынесенного в соответствии с нормами материального и процессуального права, то решение, вынесенное с нарушением правил подсудности должно быть отменено. Но рассматривая еще раз это дело, суд затрачивает время, силы и судебные расходы. При том, что в той же части 1 допускается возможность рассмотрения дела судом, которому оно стало неподсудно [2]. Однако проанализировав в том числе постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь «О некоторых вопросах определения подсудности гражданских и экономических дел в системе судов общей юрисдикции» [3], считаем целесообразным дополнить статью 51 часть 2 пунктом 6 следующего содержания: «при разрешении дела по существу в данном суде выяснилось, что оно было принято к производству с нарушением правил подсудности». И, как с пунктом третьим разъяснить судам, что процессуальные действия, совершенные предыдущим судом, могут быть обязательными для нынешнего суда.

Также особенным в определении подсудности, на наш взгляд, является вопрос предъявления встречного иска по спорам о правах на земельные участки, здания, сооружения и др, которые при предъявлении первоначального иска относились бы

к исключительной подсудности. Однако в силу ч.1 статьи 50 могут предъявляться по месту рассмотрения первоначального иска [2]. Отнесение их к исключительной подсудности связано с особенностью этих дел с целью максимального приближения к суду объекта спора или места нахождения необходимых доказательств. Правила исключительной подсудности исключают возможность рассмотрения этих дел другими судами, кроме тех, которые указаны в законе. Но преимущества рассмотрения встречного иска с первоначальным, содержащиеся в статье 253 ГПК, делают этот вид не таким исключительным [2].

Согласно статьи 49 Гражданского процессуального кодекса стороны могут по письменному соглашению между собой установить договорную территориальную подсудность, кроме случаев исключительной подсудности [2]. Однако отсутствуют нормы, определяющие форму и порядок заключения такого соглашения, хотя правовые последствия, которые оно несет, являются существенными как для сторон, так и для суда. Таким образом, *предлагаем закрепить в этой статье норму, определяющую, что данное соглашение может быть составлено в простой письменной форме, с указанием реквизитов сторон, возникшего спора между сторонами, указание конкретного суда, где будет рассматриваться дело, дата и подписи.*

Сравнивая законодательство соседних стран в вопросах подсудности, можно отметить, что в Российской Федерации в отличие от Республики Беларусь соглашением сторон можно изменить родовую подсудность. При этом необходимо соблюдение некоторых условий:

- 1) это допустимо только по делам, рассматриваемым в порядке искового производства;
- 2) только в сторону суда более низкого звена судебной системы РФ;
- 3) это не должно приводить к ограничению числа ординарных проверочных судебных инстанций.

Важным элементом права на судебную защиту является *право каждого на юридическую помощь* для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде. Эта норма закреплена в статье 62 Конституции Республики Беларусь [1].

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь говорит о том, что граждане вправе вести свои дела в суде лично либо через представителей [2]. Этот выбор они могут сделать не будучи малолетними или недееспособными. В таких случаях закон четко определяет необходимость представления их интересов другими лицами.

В тех случаях, когда лицо решает вопрос об участии в деле представителя, ГПК Республики Беларусь, а именно статья 72 устанавливает исчерпывающий перечень лиц, имеющих право быть представителями.

К ним относят: адвокаты; работники юридических лиц – по делам этих лиц; уполномоченные общественных объединений (организаций), которым законом предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы членов этих общественных объединений (организаций) и других лиц; уполномоченные организаций, которым законодательством предоставлено право представлять и защищать в суде права и законные интересы других лиц; законные представители; близкие родственники, супруга (супруги); представители, назначенные судом; одни из процессуальных соучастников – по поручению этих соучастников; патентные поверенные [2].

Этот перечень лиц содержится в части второй названной статьи. Первая же ее часть говорит о том, что представителем в суде может быть дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде, за исключением лиц, перечисленных в статье 73 ГПК Республики Беларусь [2]. Однако, следует отметить, что не любое дееспособное лицо даже при наличии специально оформленных документов в качестве представителя может им быть, потому что как

указывалось выше перечень является исчерпывающим. В связи с этим, считаем части статьи несогласованными и требующие новой редакции. Например, *«Представителем в суде может быть дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дел в суде, за исключением лиц, перечисленных в статье 73 настоящего Кодекса. А именно: 1); 2; 3) и т.д.»*. Данная редакция позволит четко определить, что представителем может быть не любое лицо, а только то, которое указано во второй части статьи 72 ГПК Республики Беларусь, но к ним предъявляются требования о достижении дееспособности и оформления полномочий на ведение дела.

Помимо исчерпывающего перечня лиц, имеющих право быть представителями в гражданском судопроизводстве, ГПК Республики Беларусь содержит перечень лиц, которые не могут ими быть. Это:

1) лица, не достигшие совершеннолетия, кроме несовершеннолетних родителей – по делам своих детей;

2) лица, признанные в установленном законом порядке недееспособными или ограниченно дееспособными;

3) судьи, следователи и прокуроры, кроме тех случаев, когда они участвуют в деле в качестве законных представителей недееспособных лиц, либо представителей суда, прокуратуры, либо другого органа расследования [2].

Участники гражданского судопроизводства вправе получить разъяснение судом их прав и обязанностей. Этот принцип закреплен статьей 15 ГПК Республики Беларусь. Такие разъяснения проводятся как для юридически заинтересованных в исходе дела лиц, так и лиц, такой заинтересованности не имеющих. Отдельное внимание хотелось бы уделить предупреждению о ненадлежащем исполнении процессуальных обязанностей. Одним из таких, например, является нарушение порядка в зале судебного заседания. К мерам, применяемым к нарушителям порядка закон относит предупреждение, удаление из зала судебного заседания и отложение разбирательства дела [2]. А в случаях проявления неуважения или явного пренебрежения к суду участниками гражданского судопроизводства, а также гражданами, которые присутствуют в судебном заседании, согласно статей 272 ГПК Республики Беларусь и 25.1 Кодекса об административных правонарушениях влекут наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, или общественные работы, или административный арест [2,4]. Причем в рамках гражданского судопроизводства применить вышеназванную статью КоАП невозможно. Суд, руководствуясь п. 4 ч. 1 ст. 160 ГПК, должен приостановить производство по делу, возбудить административное производство, рассмотреть его и вынести постановление. После этого возобновить гражданское судопроизводство и рассмотреть дело по существу. Причем, в 272 статье ГПК ничего не сказано о том, как эта мера должна применяться [2]. На наш взгляд, необходимо часть 6 данной статьи дополнить предложением: *«До рассмотрения дела в административном производстве гражданское дело должно быть приостановлено»*.

Принцип надзора вышестоящих судов за судебной деятельностью осуществляется Верховным Судом Республики Беларусь, а также Областными, Минским городским судами. Не вступившие в законную силу постановления районных (городских) судов могут быть обжалованы (опротестованы) в Судебную коллегия по гражданским делам областных, Минского городского судов через суд первой инстанции, в котором рассматривалось данное дело. Решения и определения областных, Минского городского судов обжалуются (опротестовываются) в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь Так, за 2021 год областными, Минским городским судами в апелляционном порядке было рассмотрено 4537 гражданских дел. Верховным Судом – 28 дел.

Согласно статьи 440 ГПК Республики Беларусь вступившие в законную силу судебные постановления могут быть опротестованы в Президиум областных, Минского

городского судов, Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь, Президиум Верховного Суда Республики Беларусь и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь [2]. За прошедший год областными, Минским городским судами было рассмотрено 181 протестов в порядке надзора, где 168 было удовлетворено. Верховным Судом рассмотрено 10 протестов. Из них удовлетворено 4.

Всего, за 2021 год отменено 385 решений районных (городских) судов в апелляционном и надзорном порядках, в том числе 194 с вынесением нового решения. Также 163 решения районных (городских) судов было изменено в апелляционном и надзорном порядках. Приведенные статистические данные свидетельствуют о большом количестве допускаемых ошибок судами при изучении материалов дела и применении норм материального и (или) процессуального права.

Таким образом, при реализации принципов гражданского процесса возникают вопросы правильного применения отдельных норм и необходимости совершенствования процессуального законодательства для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел, а также сокращения судебных расходов.

Список использованной литературы

1. Конституция Республики Беларусь // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа: 20.04.2022.

2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г., № 238-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 18-19, 2/13.

3. О некоторых вопросах определения подсудности гражданских и экономических дел в системе судов общей юрисдикции: постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь // [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://court.gov.by/special/ru/justice_rb/practice/prez/dcd5f6971c3dffdc.html?jebieknohlfkngl. – Дата доступа: 20.04.2022.

4. Кодекс об административных правонарушениях // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091>. – Дата доступа: 20.04.2022.

УДК 347.956 (476)

В. П. Скобелев

(Белорусский государственный университет, Минск)

О ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ВЕРХОВНОГО СУДА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ (ОПРОТЕСТОВАНИЯ) В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В работе анализируются правовые позиции Верховного Суда Республики Беларусь, высказанные им относительно предмета апелляционного обжалования (опротестования) в гражданском процессе. Автор критически оценивает некоторые из данных позиций, в частности, показывает, что возможность пересмотра в апелляционном порядке определений ничуть не уже (в некотором отношении даже шире) возможности пересмотра в апелляционном порядке решений, а также что в ряде случаев предмет апелляционного обжалования (опротестования) идентифицирован высшей судебной инстанцией не совсем точно.

Предметом апелляционного обжалования (опротестования) в гражданском судопроизводстве, как видно из содержания главы 32 ГПК, являются не вступившие в законную силу постановления судов первой инстанции. Несмотря на кажущуюся

простоту обозначенного вопроса, закрепление и реализация регулирующих данных вопрос норм связаны с рядом проблем как прикладного, так и теоретического плана. И в этой связи стоит обратить внимание на правовые позиции, высказанные по указанному вопросу Верховным Судом Республики Беларусь в постановлении Пленума от 31 марта 2021 г. №1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – Постановление №1).

В ч.1 п.2 Постановления №1 констатировано: «Следует иметь в виду, что суды апелляционной инстанции осуществляют проверку законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений, а в предусмотренных статьей 432 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) случаях также и определений судов первой инстанции». Общий контекст данного разъяснения создает впечатление о том, что возможность пересмотра в апелляционном порядке определений судов первой инстанции, по сравнению с судебными решениями, значительно сужена, т.к. проверка их законности и обоснованности производится только в случаях, предусмотренных ГПК, причем ограничений на апелляционный пересмотр решений судов никаких нет. Однако это не совсем так.

Во-первых, из ст. 323, 324 ГПК вытекает, что определения суда первой инстанции, которые могут быть обжалованы (опротестованы) отдельно от судебного решения (эти категории определений названы в ч.1 ст. 432 ГПК), вступают в законную силу в том же порядке, что и решение суда: по истечении срока на апелляционное обжалование (опротестование), а в случае обжалования (опротестования) – по рассмотрении жалобы (протеста) апелляционным судом. Это значит, что возможность пересмотра в апелляционном порядке не вступивших в законную силу определений ничуть не уже возможности пересмотра в апелляционном порядке не вступивших в законную силу решений: если судебное постановление (не важно, решение или определение) не вступило в законную силу, то оно может являться предметом для апелляционного пересмотра. Поэтому в ч.1 п.2 Постановления №1 вместо слов «а в предусмотренных статьей 432 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) случаях также и определений судов первой инстанции» достаточно было написать лишь «и определений».

Во-вторых, определения, которые не могут быть обжалованы (опротестованы) отдельно от судебного решения, вступают в законную силу сразу после их оглашения, а если определение не оглашалось, то после подписания его судьями или судьей (ст. 323 ГПК). Вместе с тем согласно ч.3 ст. 432 ГПК возражения против такого рода определений могут быть изложены в апелляционной жалобе (протесте), т.е. названные определения, по сути, могут быть проверены в апелляционном порядке одновременно с судебным решением, причем установление факта неправомерности таких определений способно повлечь отмену решения суда (например вынесение судом определения о возбуждении дела в нарушение предписаний ст. 245, 246 ГПК свидетельствует о неправомерности постановленного решения и необходимости его отмены). Отсюда следует, что возможность апелляционного пересмотра определений даже шире, чем у решений: в отличие от определений, решение после его вступления в законную силу не может быть проверено апелляционной инстанцией (исключение составляет, по-видимому, случай, когда после вступления решения в законную силу юридически заинтересованному в исходе дела лицу суд восстанавливает срок на апелляционное обжалование (опротестование), хотя не исключаем, что с теоретической точки зрения в подобной ситуации решение нужно признавать утратившим законную силу).

В-третьих, в ГПК присутствуют (несмотря на критику большинства из них в литературе [1, с. 182-183; 2, с. 165; 3, с. 32; 4, с. 48-50; 5, с. 23-28]) прямые запреты на обжалование (опротестование) как определений, так и решений судов, и этот момент в Постановлении №1 для обеспечения полноты даваемых разъяснений имело бы смысл

отразить. Так, не могут быть обжалованы (опротестованы) в апелляционном порядке решения и определения, вынесенные по первой инстанции Верховным Судом (ч.2 ст. 317, ч.2 ст. 360, ч.4 ст. 399, ч.2 ст. 400 ГПК). Помимо этого, не подлежат апелляционному пересмотру решения по жалобам на административные действия и решения в сфере избирательных правоотношений (ч.2 ст. 343 ГПК) и на некоторые действия, касающиеся предоставления статуса беженца, дополнительной защиты или убежища в Республике Беларусь (ч.2 ст. 360-2 ГПК). Что же касается определений судов первой инстанции, то закрыта возможность для апелляционного обжалования (опротестования) тех из них, которыми суд отказывает в принятии заявления о возбуждении приказного производства (ч.3 ст. 396 ГПК) или удовлетворяет заявление (представление) о пересмотре судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам (ч.2 ст. 457 ГПК).

В ряде случаев в Постановлении №1 не совсем верно идентифицирован предмет апелляционного обжалования (опротестования), что, с одной стороны, приводит в соответствующих разъяснениях к непримиримым внутренним смысловыми противоречиям, с другой стороны – делает неопределенной сферу действия (т.е. применения судами) данных разъяснений. Например, как указано в ч.2 п.3 Постановления №1, «разрешая вопрос принятия апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста, судье суда первой инстанции следует проверять, подлежит ли судебное постановление обжалованию в апелляционном порядке и правомочными ли лицами подана апелляционная жалоба и (или) принесен апелляционный протест (статьи 399 и 400 ГПК); соблюдены ли сроки обжалования (опротестования) судебного постановления (статья 403 ГПК); соответствует ли апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест требованиям, предъявляемым к процессуальным документам (статьи 109 и 405 ГПК)».

Поскольку в ч.2 п.3 Постановления №1 неоднократно употребляется термин «судебное постановление» (являющийся согласно п.22 ст. 1 ГПК собирательным термином для обозначения решений и определений) и присутствует ссылка на ст. 400 «Право на апелляционное обжалование (опротестование) не вступивших в законную силу определений суда» ГПК, то напрашивается вывод, что содержащиеся в ч.2 п.3 Постановления №1 разъяснения касаются обжалования (опротестования) в апелляционном порядке одновременно и решений, и определений. Однако наряду с этим ч.2 п.3 Постановления №1 говорит о принятии к производству «апелляционной жалобы и (или) апелляционного протеста», о проверке того, подана «апелляционная жалоба и (или) принесен апелляционный протест» правомочными на то лицами и соответствует ли «апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест» установленным требованиям. Апелляционная жалоба и апелляционный протест – это процессуальные средства выражения несогласия только с судебными решениями (см. п.1, 2 ст. 1, ст. 401, §2 главы 32 ГПК). Определения же суда оспариваются путем подачи частных жалоб и принесения частных протестов (см. п.24, 25 ст. 1, ч.1 ст. 400, ст. 401, §5 главы 32 ГПК), о которых в ч.2 п.3 Постановления №1 не сказано ни слова.

Аналогичная картина наблюдается и в п.4 Постановления №1, который посвящен субъектам, обладающим правом апелляционного обжалования и опротестования. С одной стороны, говоря о субъектах права апелляционного обжалования, Пленум Верховного Суда использует термин «судебное постановление», который, как уже отмечалось, является общим для обозначения и решений, и определений: «в соответствии с положениями статьи 399 ГПК правом апелляционного обжалования судебных постановлений суда первой инстанции обладают стороны, другие юридически заинтересованные в исходе дела лица» (ч.1 п.4 Постановления №1); «право обжалования судебного постановления в пределах установленного статьей 403 ГПК срока также принадлежит правопреемникам вышеназванных лиц» (ч.3 п.4 Постановления №1); «адвокат либо иной представитель юридически заинтересованного

в исходе дела лица вправе подать апелляционную жалобу на судебное постановление» (ч.4 п.4 Постановления №1).

Однако, с другой стороны, в п.4 Постановления №1 есть недвусмысленные намеки на то, что он касается только решений. Так, ч.1 п.4 Постановления №1 заканчивается словами «а также иные лица, если суд вынес решение об их правах и обязанностях», и отсюда становится ясно, что упомянутое выше в этой же норме выражение «судебных постановлений» подразумевает лишь судебные решения. В пользу того, что ч.1 п.4 Постановления №1 касается только решений суда, свидетельствует и другое обстоятельство: такая категория субъектов права на обжалование, как «иные лица, если суд вынес постановление об их правах и обязанностях», предусмотрена главой 32 ГПК только в отношении решений (см. ч.1, 2 ст. 399 ГПК), применительно к обжалованию определений подобная категория субъектов не упомянута (см. ч.1 ст. 400 ГПК, хотя отсутствие такого упоминания, о чем мы уже писали [6, с. 44; 7, с. 40-45], является скорее результатом нормотворческой ошибки, нежели проявлением действительной воли законодателя).

Далее, из содержащейся в ч.4 п.4 Постановления №1 фразы «вправе подать апелляционную жалобу на судебное постановление» совершенно очевидно, что судебным постановлением здесь может быть только решение суда, т.к. апелляционная жалоба является средством выражения несогласия именно с данной разновидностью судебных постановлений. В п.4 Постановления №1 присутствуют также ссылки на статьи ГПК, регулирующие вопросы обжалования и опротестования решений (не определений): на ст. 399 «Право на апелляционное обжалование (опротестование) не вступившего в законную силу решения суда» ГПК (ч.1, 5 п.4 Постановления №1) и на ст. 403 «Сроки апелляционного обжалования (опротестования)» ГПК (ч.3 п.4 Постановления №1). Наконец, в ч.5 п.4 Постановления №1 речь идет непосредственно о том, какие должностные прокуратуры лица вправе «принести апелляционный протест на решение суда».

Можно привести и другие примеры, когда в Постановлении №1 используется общий для решений и определений термин «судебное постановление (постановление)», однако из контекста разъяснения (используемой в нем иной терминологии) видно, что оно посвящено только одному виду судебных постановлений – решениям суда. Так, в ч.1 п.11 Постановления №1 внимание судов обращено на то, что надлежащее проведение подготовки дел к рассмотрению в апелляционном порядке «позволяет обеспечить полноту проверки законности и обоснованности не вступившего в законную силу обжалуемого *судебного постановления*, своевременность и правильность принятия судом апелляционной инстанции окончательного *решения* по делу». Согласно ч.1 п.16 Постановления №1 «законность и обоснованность *судебного постановления* проверяется только в обжалуемой (опротестовываемой) части, в пределах доводов *апелляционной жалобы* и (или) *апелляционного протеста*, возражений на них», а в ч.3 п.16 Постановления №1 отмечено, что «в целях обеспечения законности *судебных постановлений* вправе проверить вынесенное по делу *решение* в полном объеме».

Полагаем, что разъяснения по вопросам апелляционного производства не могут даваться (путем использования термина «судебные постановления») одновременно для решений и для определений и быть общими (унифицированными) по содержанию, поскольку, в отличие от ХПК, где регулирование порядка апелляционного обжалования (опротестования) решений и определений имеет почти единый характер [5, с. 80-81], в ГПК соответствующие вопросы регламентированы гораздо более дифференцированным образом. Во-первых, пересмотру в апелляционном порядке определений суда первой инстанции в ГПК посвящены специальные нормы и статьи (см. ч.3 ст. 10, ст. 400, ст. 401, §5 главы 32 ГПК). Во-вторых, регулирование отличается

и по существу, а значит, требует со стороны высшей судебной инстанции специальных (индивидуальных) руководящих указаний.

Так, иное название имеют процессуальные средства инициирования апелляционного пересмотра определений (частная жалоба и частный протест); велика роль усмотрения суда в решении вопроса о допустимости апелляционной проверки некоторых определений (тех, что препятствуют возможности дальнейшего движения дела, но обжалование (опротестование) которых законом прямо не предусмотрено); по общему правилу отсутствует необходимость уплаты государственной пошлины за рассмотрение частных жалоб; среди субъектов права на апелляционное обжалование определений не упомянуты «иные лица, если суд вынес постановление об их правах и (или) обязанностях», а должностные лица прокуратуры наделены правом апелляционного опротестования без каких-либо ограничений; отличается количественный состав суда апелляционной инстанции, рассматривающей частные жалобы (протесты); присутствует специфика в полномочиях суда апелляционной инстанции и пр.

Представляется, что разъяснения по вопросам апелляционного пересмотра решений и определений только тогда могут даваться в унифицированном виде, когда эти вопросы действительно имеют общие характер и значение для обоих названных видов судебных постановлений. Например, как это сделано в ч.1 п.1 Постановления №1 при определении роли для отечественной правовой системы апелляционного порядка пересмотра судебных постановлений (т.е. решений и определений в целом) по гражданским делам. В частности, там обращено внимание судов на то, что «правильное и своевременное рассмотрение гражданских дел в апелляционном порядке является необходимым условием реализации предусмотренного частью третьей статьи 115 Конституции Республики Беларусь права юридически заинтересованных в исходе дела лиц на обжалование судебных постановлений» (характерно, что данная конституционная норма непосредственно оперирует термином «судебные постановления», причем использует его именно в собирательном смысле, о чем свидетельствует присутствующий там оборот «решений, приговоров и других судебных постановлений»), а также подчеркнута, что «строгое соблюдение судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих апелляционное производство, призвано обеспечивать законность и обоснованность судебных постановлений».

Список использованной литературы

1. Мельников, А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе / А.А. Мельников; отв. ред. В. С. Тадевосян. – М.: Наука, 1969. – 248 с.
2. Колядко, И.Н. Актуальные вопросы реализации права на судебную защиту в гражданском и хозяйственном судопроизводстве / И.Н. Колядко // Теория и практика реализации субъективных прав физических и юридических лиц: Материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6-7 дек. 2001г. / Бел. гос. ун-т; Редкол.: И.Н.Колядко (отв. ред.) и др. – Минск: БГУ, 2003. – С. 161-166.
3. Тихиня, В.Г. Конституционное судопроизводство как основная форма реализации конституционного контроля в Республике Беларусь / В.Г. Тихиня // Юстиция Беларуси. – 2014. – №12. – С. 29-32.
4. Скобелев, В.П. Проблемы неопровержимости судебных постановлений по гражданским делам в контексте перехода от кассационного к апелляционному производству / В.П. Скобелев // Право.by. – 2018. – №1. – С. 48-56.
5. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы: монография / И.Э Мартыненко [и др.]; под ред. Т.С. Тарановой. – Минск: Колорград, 2020. – 300 с.

6. Скобелев, В.П. Новеллы апелляционной формы проверки судебных постановлений по гражданским делам / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2018. – №5. – С. 40-47.

7. Скобелев, В.П. Предмет апелляционного обжалования (опротестования) в гражданском судопроизводстве» / В.П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2021. – №11. – С. 40-45.

УДК 341.63

Е. П. Хаткевич

(Белорусский государственный университет, Минск)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ЭКСПЕРТА В МЕЖДУНАРОДНОМ ТРЕТЕЙСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье обозначена проблема недостаточной разработанности в науке вопросов использования специальных знаний при реализации негосударственных судебных форм защиты прав и законных интересов. На основании проведенного сравнительно-правового анализа выделены особенности правового регулирования участия эксперта в международном третейском производстве в Республике Беларусь, по сравнению с экспертом в гражданском и хозяйственном процессе. Определены возможные направления совершенствования Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде».

На современном этапе развития общества существенно возрастает роль информации и специальных знаний, в том числе в сфере юриспруденции и судопроизводства. Постоянно появляются новые виды судебных экспертиз, новые методы и технологии исследования, расширяется круг решаемых экспертами задач – и эта тенденция является характерной как для континентальной, так и общей системы права, для любых видов судопроизводства и на любом уровне осуществления правосудия.

Тенденция возрастания роли и ценности специальных знаний закономерно проявляется также в процессе реализации негосударственных судебных форм охраны и защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, в частности – в третейском производстве, включая международное третейское производство. Однако в отличие от судебной экспертизы, которой процессуалисты посвятили множество разноплановых научных исследований вопросов правового регулирования, организации и тактики, особенностям привлечения экспертов третейскими судами (международными третейскими судами, в том числе) уделяется пока немного внимания в доктрине. Среди научных трудов, где поднимались указанные вопросы, хотелось бы особо отметить монографию А.И. Белоглавека и Р. Хотовой [2].

Признавая схожесть института судебной экспертизы и института участия эксперта в третейском разбирательстве, мы поставили перед собой цель сравнить соответствующие нормы права и выявить особенности правового регулирования участия эксперта в международном третейском производстве в Республике Беларусь по сравнению с экспертом в государственном суде, рассматривающем гражданские или экономические дела.

Выявленные особенности заключаются в следующем.

1. Участие экспертов в международном третейском производстве не является судебной экспертизой.

Исходя из содержания ст. 5 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде» [5], (далее – Закон о МАС) деятельность международного арбитражного (третейского) суда (далее – МАС) и, соответственно, участие экспертов в международном арбитражном (третейском) производстве в Республике Беларусь регламентируется Законом о МАС, иным законодательством Республики Беларусь, международными договорами Республики Беларусь, а также

арбитражными регламентами. В числе последних следует упомянуть Арбитражный регламент Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» [1] (далее – Регламент МАС ПА) и Регламент МАС при Белорусской торгово-промышленной палате [7] (далее – Регламент МАС при БелТПП).

Закон о МАС не охватывается понятием «процессуальное законодательство» согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» [6] (далее – Закон о СЭД), поэтому экспертиза, назначаемая МАС, не является судебной и не регулируется Законом о СЭД.

Следует заметить, что термин «экспертиза» вообще не используется в Законе о МАС, в отличие, например, от Регламента МАС ПА (п. 2 ст. 27). Вместо указанного термина Закон о МАС оперирует понятием «эксперт».

2. Цель привлечения эксперта в международном третейском производстве является более широкой по сравнению с судебной экспертизой и не ограничивается применением специальных знаний.

Согласно ст. 34 Закона о МАС, эксперты назначаются «для представления заключения по конкретным вопросам, определяемым составом МАС». По существу, так же сформулирована норма п. 1 ст. 29 Регламента МАС ПА. При этом законодателем особо оговаривается такая цель привлечения эксперта, как установление содержания норм иностранного права (ч. 3 ст. 37 Закона о МАС). Соответствующее упоминание об этой цели содержится также в п. 2 ст. 1095 ГК Республики Беларусь [3].

Заметим, что целью проведения судебной экспертизы в гражданском и хозяйственном процессе является разъяснение возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний (ст. 216 ГПК Республики Беларусь [4] (далее – ГПК), ст. 92 ХПК Республики Беларусь [8] (далее – ХПК)). Что же касается установления содержания норм иностранного права, то в хозяйственном процессе для этой цели привлекается не эксперт, а специалист (ч. 3 ст. 26 ХПК). В гражданском процессе специалист может привлекаться для выяснения вопросов применения норм иностранного права (ч. 1 ст. 99 ГПК).

3. В международном третейском производстве меньше требований, предъявляемых к эксперту.

Указанные требования вытекают из оснований для отвода эксперта, которые закреплены в ст. 18 Закона о МАС: беспристрастность, независимость и компетентность. Полагаем, что речь в ней идет об эксперте, назначаемом составом МАС в соответствии со ст. 34.

Помимо эксперта, назначаемого составом МАС, Регламент МАС ПА в ст. 27 и ряде других статей упоминает также другого субъекта, который называется свидетелем-экспертом, привлекаемым сторонами для дачи показаний в арбитражном разбирательстве по любому вопросу факта или экспертизы. Упомянутая статья регламента гласит, что в качестве свидетеля-эксперта могут выступать любые лица независимо от того, связаны ли они с какой-либо из сторон. Иными словами, к свидетелю-эксперту никаких особых требований не предъявляется.

Для сравнения, к судебным экспертам предъявляется целый ряд требований, которые различаются в зависимости от формы их занятости. Согласно ст. 16 Закона о СЭД, судебный эксперт-работник государственной судебно-экспертной организации (далее – СЭО) должен иметь свидетельство о присвоении права самостоятельного проведения судебных экспертиз, судебный эксперт-работник иной СЭО – свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта, а судебный эксперт-индивидуальный предприниматель – еще и соответствующую лицензию. Кроме того, Закон о СЭД предусматривает обстоятельства, при которых лицо не может быть судебным экспертом (недееспособность, наличие судимости и др.).

В то же время, указанные нормы не распространяются на иных лиц, которым может назначаться проведение судебной экспертизы, – в отношении данной категории ст. 18 Закона о СЭД содержит отсылку к процессуальному законодательству.

Речь в данном случае идет о процессуальном порядке проведения экспертизы вне СЭО, который требует от судьи удостовериться в специальности, квалификации эксперта, установить его отношение к сторонам и проверить отсутствие оснований для отвода (например, ст. 225 ГПК). Основания для отвода эксперта в процессуальном законодательстве сформулированы более детально, чем в Законе о МАС, однако по существу все они вытекают из несоответствия эксперта названным выше требованиям: беспристрастности, независимости или компетентности.

4. Стороны в международном третейском производстве могут участвовать в выборе конкретного эксперта.

Это следует из содержания ч. 1 ст. 34 Закона о МАС и п. 1 ст. 29 Регламента МАС ПА, упоминающих соглашение между сторонами по поводу назначения эксперта, а также консультации состава арбитража со сторонами. В ГПК и ХПК такой возможности у сторон нет.

5. Эксперт в МАС не предупреждается об уголовной ответственности за отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на него обязанностей, а также за дачу заведомо ложного заключения.

Это обусловлено тем, что третейские суды не входят в судебную систему Республики Беларусь, соответственно, ст.ст. 401 и 402 УК Республики Беларусь не распространяют свое действие на них.

Белорусским законодательством не предусмотрено и принесение экспертом присяги в МАС, как это имеет место, например, в экономическом суде (ст. 69 ХПК).

6. Круг прав и обязанностей эксперта в международном третейском производстве более узок.

Проанализировав ст. 34 Закона о МАС, ст. 28, 29, 40 Регламента МАС ПА, ст. 55 Регламента МАС БелТПП, к обязанностям эксперта, назначаемого составом МАС, можно отнести следующие: 1) представить сведения о квалификации, заявление о беспристрастности и независимости; 2) представить заключение по конкретным вопросам, определяемым МАС; 3) принять участие в слушании (если суд или сторона инициируют такое участие), ответить на заданные вопросы.

Правами эксперта, назначаемого составом МАС, являются следующие: 1) получать относящуюся к делу информацию; 2) осматривать относящиеся к делу товары, иное имущество или документы; 3) получать разумную оплату своей услуги и возмещение понесенных расходов.

Что же касается свидетелей-экспертов, то их правовое положение приравнивается к свидетелям. В их обязанности входит: 1) давать показания по любому вопросу факта или экспертизы (условия и метод опроса устанавливается МАС); 2) удалиться по требованию состава арбитража на время дачи показаний любым свидетелем или свидетелями, в том числе свидетелями-экспертами.

Свидетель-эксперт, как и любой свидетель, имеет право на получение сумм, включенных в издержки, связанные с рассмотрением дела.

Законодательство о МАС не предусматривает обязанности составления экспертом сообщения о невозможности дачи заключения, не содержит норм об экспертной инициативе, в отличие от процессуального законодательства (ст. 70 ХПК, ст. 97, 98 ГПК). Нет в международном третейском производстве и таких процессуальных ограничений для эксперта, как: вести переговоры с участниками разбирательства по вопросам, связанным с проведением экспертизы; самостоятельно собирать объекты экспертизы; проводить исследования, которые могут повлечь полное или частичное уничтожение объектов экспертизы либо изменение их внешнего вида или основных свойств, если на это не было письменного разрешения суда (такие ограничения установлены ч. 3 ст. 70 ХПК, ч. 3 ст. 97 ГПК).

7. Требования к структуре и содержанию заключения эксперта в международном третейском производстве законодательно не определены.

Из ч. 3 ст. 32, ч. 2 ст. 34 Закона о МАС, ч. 1 ст. 29 Регламента МАС ПА следует только письменная форма для заключения эксперта.

В свою очередь, в процессуальных кодексах предусмотрены единообразные подробные требования как к структуре, так и к содержанию заключения эксперта (ст. 226 ГПК, ст. 94 ХПК).

8. В международном третейском производстве в ходе исследования и оценки заключения эксперта стороны имеют возможность представить свидетелей-экспертов для дачи показаний по спорным вопросам.

Это следует, в частности, из п. 6 ст. 29 Регламента МАС ПА. К такому слушанию применяются положения ст. 28 этого регламента.

Ни ГПК, ни ХПК такого права за сторонами не закрепляют.

9. Законодательство о международном третейском производстве не содержит норм о дополнительной и повторной экспертизе. Несогласие с заключением эксперта МАС не обязан мотивировать.

Напротив, институт судебной экспертизы включает соответствующие нормы: о дополнительной и повторной экспертизе (ст. 228 ГПК, ст. 95 ХПК), о мотивировании судом несогласия с заключением эксперта (ч. 8 ст. 226 ГПК).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, особенности правового регулирования участия эксперта в международном третейском производстве обусловлены прежде всего сущностью и спецификой самого третейского производства. Участие эксперта в разбирательстве МАС заметно менее регламентировано, по сравнению с участием судебного эксперта в судопроизводстве.

Полагаем, что некоторые вопросы об эксперте, урегулированные процессуальным законодательством, следовало бы отразить и в Законе о МАС, в частности: возможна ли экспертная инициатива; что должен делать эксперт, если установит, что поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний или предоставленные ему материалы, объекты непригодны или недостаточны для ответа на эти вопросы и не могут быть восполнены, либо если состояние науки и практики не позволяет на них ответить, и некоторые другие.

Список использованной литературы

1. Арбитражный регламент Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов» [Электронный ресурс] // ILEX / ООО «ЮрСпектр». – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/172482/#M100001>. – Дата доступа: 26.04.2022.

2. Белоглаvek, А.И. Эксперты в международных условиях (в гражданских и уголовных судебных процессах, арбитражных и инвестиционных разбирательствах) / А.И. Белоглаvek, Р. Хотова. – Киев: Таксон, 2011. – 475 с.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // ILEX / ООО «ЮрСпектр». – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/196573/#M100001>. – Дата доступа: 26.04.2022.

4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (по состоянию на 15 июля 2021 г.). – Минск: НЦПИ, 2021. – 288 с.

5. О международном арбитражном (третейском) суде [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 1 июля 2014 г. № 174-З // ILEX / ООО «ЮрСпектр». – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/136131/#M100001>. – Дата доступа: 26.04.2022.

6. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 18 дек. 2019 г. № 281-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 93-З // ILEX / ООО «ЮрСпектр». – Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/194233/#M0_hl_3. – Дата доступа: 26.04.2022.

7. Регламент МАС при БелТПП [Электронный ресурс] // ILEX / ООО «ЮрСпектр». – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/113416/#M100001>. – Дата доступа: 26.04.2022.

8. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 дек. 1998 г., № 219-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 г. // ILEX / ООО «ЮрСпектр». – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/195265/#M100001>. – Дата доступа: 26.04.2022.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ СНГ И МИРОВОГО СООБЩЕСТВА, ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В БЕЛОРУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

<i>Бойко А. Н.</i> Об имплементации электронного наблюдения в законодательство Республики Беларусь.....	3
<i>Злотников А. А.</i> Интеграционный и международный факторы развития спортивного права.....	6
<i>Ипатова О. В.</i> Модели и этапы внешней европеизации: восточное направление.....	9
<i>Кришталь В. В.</i> Реализация международных правовых стандартов в области трансплантации органов и тканей человека в законодательстве Республики Беларусь.....	13
<i>Лагун Д. А.</i> Совершенствование деятельности органов судебной власти в контексте международных этико-правовых принципов.....	17
<i>Лепешков Ю. А.</i> Интеграционное правосудие в Содружестве независимых государств: достижения, проблемы, перспективы.....	20
<i>Мороз О. В.</i> Предварительная оценка возможного воздействия на окружающую среду как правовая мера по выявлению объектов, подлежащих стратегической экологической оценке.....	24
<i>Нямкевіч І. В.</i> Да пытання аб паходжанні беларускай дзяржаўнасці.....	26
<i>Самарин В. И.</i> Уголовно-процессуальная форма под влиянием международной правовой защиты.....	29
<i>Субботина Л. А.</i> Экологический интерес: национальный и межгосударственный аспект.....	34
<i>Шевко Н. М.</i> Роль права людей с инвалидностью на участие в политической и общественной жизни в рамках концепции «Good governance».....	37

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Афонченко Т. П., Скоромный А. С.</i> К проблеме противодействия преступлениям в информационном пространстве.....	41
<i>Вержанский Е. А.</i> Экстремизм и терроризм как смежные понятия.....	45
<i>Горошко Е. Ю.</i> О нарушении требований пожарной безопасности: уголовно-правовой аспект.....	48
<i>Качалова О. В.</i> Основные направления использования современных информационных технологий в ходе судебного производства по уголовным делам.....	51
<i>Крысина Н. Р., Лобанова И. Г.</i> Нарушения уголовно-процессуального закона при участии адвоката-защитника в прениях сторон.....	54
<i>Кудрин И. Г., Медведева В. В.</i> Актуальные проблемные вопросы привлечения виновных лиц к уголовной ответственности при покушении на жизнь и здоровье военнослужащих Республики Беларусь и членов их семей.....	57

<i>Машинская Н. В.</i> Проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства в ходе следственных действий, связанных с изъятием и копированием информации с электронных носителей.....	59
<i>Никурадзе Н. О., Мищенко Е. В., Марина Е. А.</i> Искусственный интеллект в правосудии по уголовным делам: новые взгляды и перспективы.....	62
<i>Пятрова В. В.</i> Сацыяльна-псіхалагічная насычанасць крымінальнага праваддзя з удзелам непаўналетніх.....	66
<i>Пятроў А. П., Вішнеўскі А. У.</i> Праблемы вызначэння меж неабходнай абароны.....	69
<i>Руденя Ю. Е.</i> Актуальные тенденции либерализации уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в Республике Беларусь.....	73
<i>Рябинина Т. К.</i> Стадия назначения и подготовки уголовного дела к судебному заседанию по УПК Российской Федерации и УПК Республики Беларусь: завершено ли ее реформирование?.....	77
<i>Скоробогатый А. В.</i> О различиях некоторых преступлений в сфере торговли людьми.....	80
<i>Скрипченко Н. Ю.</i> Современные тенденции совершенствования механизмов борьбы с преступлениями сексуального характера в отношении несовершеннолетних.....	84
<i>Тумелевич М. Г.</i> Криминализация незаконного вознаграждения: анализ советского уголовного законодательства и характеристика современного этапа.....	86
<i>Федорович А. И.</i> Уголовная ответственность за нарушение строительных правил по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года....	90
<i>Цыкунова И. Н.</i> К вопросу об участниках медиации в уголовном процессе Республики Беларусь.....	94

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

<i>Абисова К. С.</i> Реализация основ стратегического планирования в рамках организации противодействия терроризму.....	100
<i>Головенчик М. Г.</i> Проблема определения количественных и качественных характеристик экономической преступности в условиях цифровой трансформации.....	102
<i>Кузьмищев С. А.</i> Актуальные вопросы развития криминологической науки в условиях цифровизации.....	106
<i>Набатова А. Э.</i> К вопросу о гендере в криминологии: социально-гуманитарный аспект.....	109
<i>Свило С. М.</i> Реформирование системы исполнения наказания в виде лишения свободы как элемент предупреждения женской преступности.....	113
<i>Синица И. М.</i> Меры противодействия преступной агрессии.....	117
<i>Хаметова А. Р.</i> К вопросу о профилактике терроризма в образовательной среде в условиях цифровизации.....	120
<i>Шайкова М. В.</i> Профилактика и предупреждение кибербуллинга несовершеннолетних.....	123

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Емельянов С. Л.</i> Организация расследования фальшивомонетничества в ситуации обнаружения поддельных денег в гражданском обороте.....	126
<i>Каніца П. А.</i> Аб структуры криминалістычнай характарыстыкі раскраданняў шляхам злоўжывання службовымі паўнамоцтвамі, учыненых пад выглядам распрацоўкі і ўдасканалення праграмнага забеспячэння.....	129
<i>Конин В. В., Марьина Е. В.</i> Раскрытие и расследование преступления, а также виды противодействия расследованию (тезисы).....	133
<i>Кукеев А. К., Тлеулов Б. Э.</i> Расследование преступлений, связанных с инсценировкой дорожно-транспортного происшествия.....	137
<i>Локтевич О. И.</i> Видеозапись в досудебном уголовном производстве: процессуальный статус, виды и направления использования.....	141
<i>Соловьева Д. Д.</i> Решение задачи установления абсолютной давности выполнения реквизитов документа с помощью метода газовой хромато-масс-спектрометрии (ГХ-МС).....	144
<i>Serada A. E., Luzgin I. I.</i> Prospects of automated facial recognition (AFR) as a tool in solving and preventing crimes.....	149

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

<i>Караваева Е. М.</i> Обеспечение защиты персональных данных в сфере нотариальной деятельности.....	154
<i>Копыткова Н. В.</i> Приобретательная давность на жилое помещение.....	156
<i>Кудель Д. А.</i> Отдельные аспекты реализации проектов государственно-частного партнерства в условиях чрезвычайных ситуаций.....	160
<i>Лев Ю. М.</i> Регулирование сферы использования облачных технологий в парадигме авторского права.....	163
<i>Малина Д. А.</i> Форма договора купли-продажи жилого помещения.....	167
<i>Михайлов Д. И.</i> Договорные отношения с участием субъектов предпринимательства в контексте проекта изменений гражданского законодательства Республики Беларусь.....	170
<i>Мухамедишин И. С.</i> Предпринимательская деятельность и предпринимательское (хозяйственное) право (проблемы регулирования в Российской Федерации).....	174
<i>Парукова Е. В.</i> Отдельные процессуальные гарантии защиты прав инвестора.....	177
<i>Савчик Е. В.</i> Определение понятия «договор электроснабжения с владельцем блок-станции»: проблемные аспекты.....	180
<i>Толочко О. Н.</i> К вопросу о правовом понятии валюты и денег.....	182
<i>Федотов В. А.</i> Взаимодействие императивных норм законодательства России и Беларуси при разрешении внешнеторгового спора: отдельные теоретико-прикладные аспекты.....	185

Brilyova V. A. Types of the institute of social entrepreneurship..... 189

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО
И ХОЗЯЙСТВЕННОГО (АРБИТРАЖНОГО) ПРОЦЕССА**

Журович Н. А. Реализация отдельных принципов гражданского процесса..... 193

Скобелев В. П. О правовых позициях Верховного суда относительно предмета апелляционного обжалования (опротестования) в гражданском процессе..... 196

Хаткевич Е. П. Особенности правового регулирования участия эксперта в международном третейском производстве в Республике Беларусь..... 201

Научное издание

**ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА**

Материалы
IX Международной научно-практической конференции

(Гомель, 12–13 мая 2022 года)

В двух частях

Часть 1

Подписано в печать 17.11.2022. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 21,06.

Тираж 15 экз. Заказ 583.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель.